

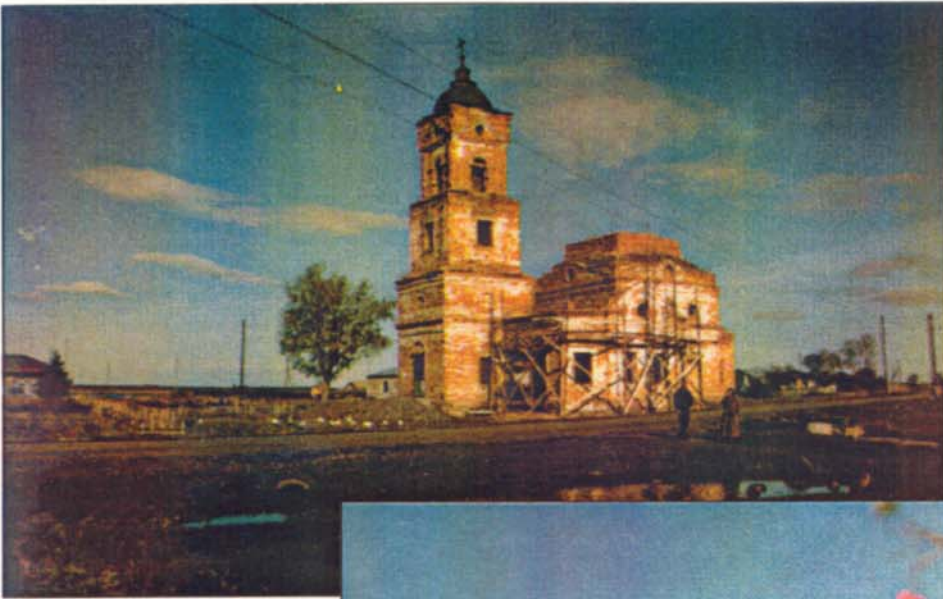
Коркина слобода

Краеведческий альманах

Выпуск второй

Ишим - 2000 г.

**Церковь
Вознесения
в с.Локти.
Начало
строительства -
1812 г.**

**Екатерининская
церковь в
с.Шаблыкино.
Построена
в 1904 г.**

**Никольская церковь г.Ишима.
Построена в 1891 г.**

Алтарь Никольской церкви.

Администрация г.Ишима
Ишимский краеведческий музей
Ишимский государственный педагогический институт
им.П.П.Ершова

Коркина слобода

Историко-краеведческий альманах

Выпуск второй

Ишим - 2000

*Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 2 - 2000
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru*

ББК 63.3 (253.3)
К 66
УДК 908.571.12

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского государственного педагогического института им.П.П.Ершова

Редакционная коллегия: Т.П.Савченкова (главный редактор)

Л.В.Фролов

Н.П.Кузовкова

Н.Л.Проскуракова

Рецензенты: доктор исторических наук,
профессор В.Г.Истомин;
кандидат филологических наук,
доцент Е.Ф.Шефер

К 66

Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. - Ишим: изд-во ИГПИ им.П.П.Ершова, 2000. - 128 с.

Второй выпуск альманаха "Коркина слобода" включает в себя статьи, очерки, заметки, воспоминания, относящиеся к истории Ишима и Приишимья. В традиционных для альманаха разделах содержится много совершенно новых и интересных сведений о нашем крае.

"Коркина слобода" адресована широкому кругу читателей.

ISBN 5-900142-38-8

© ИГПИ им.П.П.Ершова, 2000

От редакции

Составители второго выпуска альманаха «Коркина слобода» выражают уверенность в том, что полное и целостное представление о духовной культуре России невозможно без прикосновения к культурному миру небольших городов и поселений сибирской провинции. Уникальные черты и нюансы истории, архитектуры, литературы Ишима, а также сел, поселков и деревень, тяготеющих к этому городу как своеобразному центру юга Западной Сибири, раскрываются в статьях, очерках, фотографиях данного издания.

Сосредоточенность на локусе «Ишим и Приишимье» создает множество смысловых переключек между отдельными статьями и способствует появлению так называемых «сквозных» тем альманаха, к каковым относятся: «Ершов и наш край», «Никольская ярмарка», «Коркина слобода в восемнадцатом столетии» и т.д.

Следует отметить, что вокруг альманаха сформировался и постоянный авторский коллектив. Во втором номере мы вновь встретимся с В.Н.Малышевым и Ф.М.Пашковым, В.Е.Копыловым и Е.В.Шиловой, а также молодыми краеведами И.В.Курьшевым и Г.А.Крамором. На страницах журнала появились и новые имена. Это историк из Тобольска Н.Л.Коньков и тюменские ученые: В.А.Зах, Е.М.Зах, В.А.Петрова, проявившие интерес к нашему изданию.

Невосполнимой потерей для ишимской культуры и создателей альманаха «Коркина слобода» стала безвременная кончина ишимского врача и краеведа Леонида Васильевича Фролова (1957 - 2000). Вся его недолгая жизнь была связана с Ишимом, которому он посвящал свои талантливые статьи. Одной из главных тем его изысканий была тема провинциального зодчества. Своеобразие архитектуры родного города и его окрестностей он переживал необыкновенно тонко и воплощал свои ощущения в образных, ярких работах: «Храмы земли Ишимской», «Ишим-ские купола», «На восток от Ишима», «Сибирское барокко в храмах Ишимского уезда» и т.д.

Он был прекрасным популяризатором краеведческих знаний, создателем авторской телепрограммы «Прогулки по Ишиму» и рубрики «Городские прогулки» на страницах газеты «Ишимский купец». Будучи бесконечно преданным своему городу, Л.В. Фролов постоянно защищал его архитектурные ценности и принимал близко к сердцу разрушение культурно-исторического ландшафта Ишима. Он много сделал, но не успел осуществить свою основную мечту - написать путеводитель по железной дороге от Тюмени до Омска.

В качестве небольшого фрагмента нереализованного замысла ишимского краеведа можно рассматривать самый последний очерк Леонида Васильевича об остановке царского поезда на станции Ишим. Научная и общественная деятельность Л.В. Фролова - убедительное свидетельство того, что краеведение начинается только там, где есть личный интерес исследователя к прошлому и настоящему своего края.

Мы надеемся, что второй номер «Коркиной слободы» с его разнообразными материалами о Приишимье не только не разочарует постоянных читателей альманаха, но и вызовет интерес у краеведов других регионов нашей большой страны.

К статье Л.В.Фролова
«Царский поезд на станции Ишим».
Николай II в окне вагона.

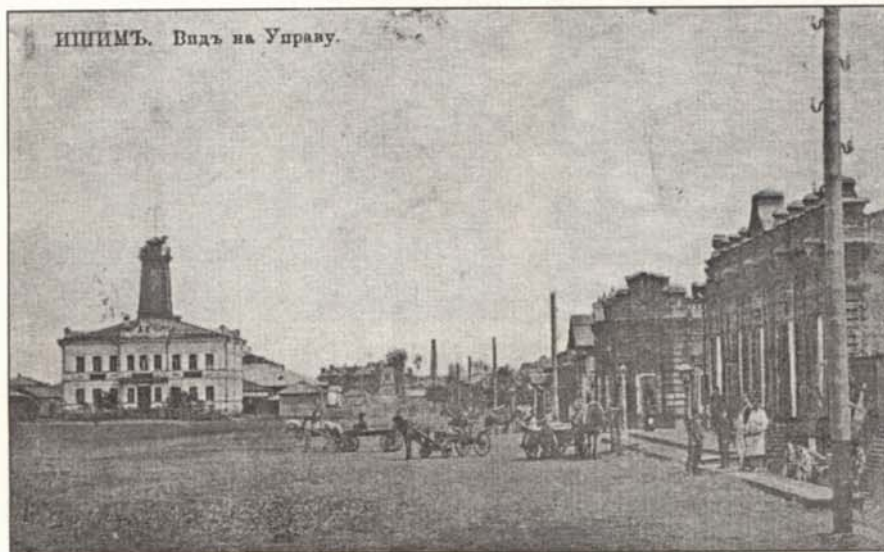

К статье Т.П.Савченковой
«А.П.Чехов в Ишиме».
А.П.Чехов. Фото 1890 г.

К статье Т.П.Савченковой
«А.П.Чехов в Ишиме».
**О.В.Мартынович с семь-
ей. Вторая слева - дочь
Юлия. Фото конца XIX
века.**

К статье
Т.П.Савченковой
«А.П.Чехов в Иши-
ме».
**Здание почтово-
телеграфной
конторы в Иши-
ме. Фото начала
XX века.**

К статье
Е.В.Шиловой
«Соборная, Базар-
ная...»
**Базарная пло-
щадь. Вид на
Управу. Почтовая
открытка начала
XX века.**

К статье С.А.Глухих «Ишимские духовые
и эстрадные оркестры».
**Фирс Игнатьевич Каргополов со сво-
ими детьми: Иосифом, Лазарем,
Дарьей и Варварой (слева-направо).**

К статье А.Н.Филипповой «Ва-
сильий Алексеевич Порфирьев»
**Заслуженный тренер СССР
В.А.Порфирьев. Фото сере-
дины XX века.**

К статье В.Н.Малышева
«Любовь моя - музей».
**Заседание совета музея.
Первый справа - В.Н.Ма-
лышев. Фото 1972 г.**

К статье В.Е.Копылова
«Ершов в Ершове».
**Скульптурная группа в
селе Ершове «Иванушка
с коньком-горбунком».
Фото автора.**

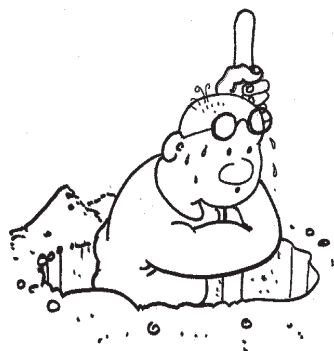
К статье Г.Н.Папулова
«Записки провинциального
интеллигента».
**Михаил Федорович Кухтин
с супругой Марией Кон-
стантиновной и детьми.
Вторая справа в первом
ряду - Наталья Михайловна
Кухтина (в замужестве Па-
пулова). Фото из семейно-
го архива конца XIX века.**

Ишим начала XX века. Почтовая открытка.

Ишим начала XX века. Почтовая открытка.

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ ПРИИШИМЬЯ

В самом обширном разделе нашего альманаха - статьи различные по своему объему, жанру и стилевой окраске. Это обстоятельное исследование крупнейшей в Сибири Ишимской Никольской ярмарки тобольского историка Н.Л.Конькова; созданная в "эскизной" форме (ведь так непросто соединить разрозненные факты чудом сохранившихся клировых ведомостей!) статья Г.Крамора о Богоявленском соборе; увлекательный публицистический очерк Л.Флорова о прибытии на станцию Ишим поезда последнего русского царя.

Рассказ - быль (авторское определение жанра) Ф.М.Пашикова "Чрезвычайное происшествие в Коркиной слободе" позволит читателю с богатым воображением ярко представить один из случаев в жизни наших предков первой половины XVIII столетия. А эссе тюменцев В.А.Заха и Е.М.Зах о раскопках могильника Ласточкино Гнездо на берегу Ишима поможет совершить путешествие в еще более отдаленные времена - эпоху андроновцев.

Статья В.П.Петровой и Н.Л.Проскураковой об ишимском восстании 1921 года написана на основе редкого документа, достаточно долгое время хранившегося в архиве под грифом "секретно".

Большая амплитуда эпох и событий... Но все материалы объединяет искренняя заинтересованность их авторов судьбой ишимской земли, особая "родственная" связь исследователя и изучаемого края. Возможно, этим и объясняется лирическая интонация ряда работ первой части журнала.

Н.Л.КОНЬКОВ

Зимняя Никольская ярмарка

В XIX в. Ишим являлся крупнейшим торговым центром Тобольской губернии. В нем ежегодно проводились три ярмарки, причем одна из них - Зимняя Никольская - считалась «первою во всей Западной Сибири». Предпринимавшиеся в прошлом попытки выяснить точное время возникновения ярмарочной формы торговли в Ишиме не дали положительных результатов. Нет сомнений, однако, в том, что торговля в городе возникла с момента его основания. Когда же в нем была построена церковь во имя святителя Николая (начало XVIII столетия), к храмовым праздникам, надо полагать, были приурочены и торжки, которые затем переросли в ярмарки. В конце XVIII века продолжительность Никольских ярмарок не превышала двух дней.

Согласно «Описания Тобольского наместничества 1785 года» в Ишиме действовали три официально учрежденных ярмарки: 9 мая и 6 декабря в дни Николая Чедотворца и 15 августа в день Успения Богоматери.

К 30-м годам XIX века на весеннюю ярмарку собиралось до двух, а на зимнюю - до четырех тысяч торговцев, в том числе много татар. Продолжительность торговли на них увеличилась весной до четырех дней (с 9 по 12 мая), зимой - до недели (с 6 по 13 декабря). Расширился ассортимент товаров. Торговцы везли в Ишим хлеб, сахар, чай, бумагу, табак, мыло, кофе, напитки, металлические изделия; из Тобольска, Березова и Обдорска - меха, рыбу и оленьи шкуры, из Тары - кедровые орехи, деревянную посуду, из Петропавловска - ковры, шелковые и шерстяные материи, сушеные плоды и разных сортов ягоды.

Мануфактур-корреспондент и тобольский коммерции советник Н.С.Пиленков считал главными предметами ишимского ярмарочного торга этого времени сало, мясо, шелковые и льняные ткани, пушнину. В ассортименте товаров ишимских ярмарок, составленном и опубликованном Н.С.Пиленковым в «Журнале мануфактур и торговли» за 1834 г., названа также продукция тобольских мануфактурных предприятий, в частности, «оконничные стекла с завода купца Медведева, в Ялutorовской округе существовавшего», и «выделанные кожи на заводах разных фабрикантов Тобольской губернии».

Преобразование Ишима в крупный центр ярмарочной торговли в крае объяснялось выгодным географическим положением. Город находился на главном сибирском тракте среди наиболее богатых земледельческих и скотоводческих округов губернии. Он был близок к торговым городам Сибири: Петропавловску (Акмолинская область) и Шадринску (Пермская губерния). Другой важной причиной возвышения Ишима следует считать специализацию его ярмарок на сбыте животноводческой продукции. Первоначально скот закупался на летней Тайнчикульской ярмарке (около Петропавловска), куда казахами («киргизами») ежегодно пригонялись десятки тысяч голов крупного рогатого скота и свыше полумиллиона баранов. В.Иванов в своем «Очерке зиней Никольской ярмарки в городе Ишиме» писал: «Вся эта масса живого товара скупается приезжающими на ярмарку сибирскими купцами и до наступления осенних холодов, выпасается на казенно-оброчных и общественных участках Тобольской губернии и Акмолинской области. В конце октября месяца производятся массовые бойки скота, причем часть приобретаемых на Тайнчикульской ярмарке животных убивается в гор.Петропавловск (до 300000 баранов и до 10000 голов крупного рогатого скота). Продукты, получаемые от убитого скота - мясо, сало, кожи и овчины, продаются исключительно в гор.Ишиме, между тем как вывозимая из степи овечья и верблюжья шерсть, козий пух, мерлушка и конский волос обыкновенно увозятся на Нижегородскую и Крестовскую ярмарки. Кроме того сало поступает на Ишимскую ярмарку из Тюкалинского (бывшего Омского), Ишимского и Каинского округов от местных «скотопромышленников». До одного миллиона пудов сала ежегодно продавалось в Ишиме, большая часть которого отправлялась в Петербург для дальнейшего вывоза за границу (в Англию).

Вплоть до конца XIX в. зимняя Ишимская ярмарка служила пунктом для «своза» животных продуктов - сырого и топленого масла, мяса и кож, и здесь совершались миллионные сделки с этим товаром. Наконец, с середины XIX века она приобрела значение главного рынка для обмена сибирского сырья на фабрикаты внутренней России и Зауралья. Участниками ее были торговцы салом и маслом из Ростова Великого, Москвы, Казани, Екатеринбургa и даже из Нахичивани-на-Дону (ныне Ростова-на-Дону). С 1856 года сюда из Ирбита перенесли свою торговлю таганрогские армяне. Они закупили здесь коровье масло и поставляли его в Приазовье и за границу. «Купленное масло, - рассказал М.Смоленский, автор статистического обзора ярмарочной торговли в Ишиме за 1857 год, - армяне перетапливают в Екатеринбургe и наливают в бочки от 28 до 32 пудов. Весною оно идет по Чусовой и Каме в Волгу до Дубовки; отсюда бывает перевал до станицы Качальны на протяжении 60 верст,

далее везут его по Дону до Ростова и Таганрога». С каждого пуда масла при цене в Ишиме (1856 г.) от 3 руб.43 коп. серебром армяне получали чистой прибыли 1 руб. серебром (в Таганроге ишимское масло продавалось по 6 руб.25 коп., а в Турции по 7-8 руб. серебром пуд).

В Ишиме российские торговцы знакомились с сибирскими и завязывали торговые сношения. Товары, привозимые из России, расходились не только по Западной Сибири, но попадали и в Восточную.

Важное место в структуре товаров занимали лошади. Их закупали у «киргизов» и поставляли на Ишимскую ярмарку станичные казаки, что составляло одну из ее особенностей.

Впервые на этот факт обратил внимание местный купец Н.Черняковский. Рассказывая о ярмарочной торговле в Ишимском округе и участии в качестве профессиональных торговцев станичных казаков, он писал: «Закупая у киргизов скот, они (казаки) также и на городской ярмарке являются с дошадьми, салом и кожами. Казаки вообще представляют тип старожилов-сибиряков. В округе они являются только на ярманку Ишимскую».

В ассортименте ярмарочных товаров находим лес и мельничные жернова. «Лучший лес, - свидетельствовал М.Смоленский, - идет Ялуторовского округа из Юргинской волости. Продают в Ишим его крестьяне Ягорацкой волости, но они большею частью он покупается на корню Тобольского округа в Ашлыцкой волости платят они с пня по 3 коп. серебром. В смежных местах этого округа для продажи в Ишим покупают лес также крестьяне волостей: Аромашевской и Малышинской».

Из Меркушинской волости (Верхотурский уезд) и с 1850 года из с.Колчедановского (Камышловский уезд) поставлялись в Ишим мельничные жернова, причем колчедановский камень ценился дороже.

Помимо торговых сделок, на ярмарке осуществлялись обменные денежные операции. В частности, приехавший в 1857 году для покупки коровьего масла один таганрогский армянин, «зная, как нуждаются в настоящее время в звонкой монете сибирские купцы, торгующие с Азией, привез в Ишим 7000 французских пятифунтовых талеров и взял за каждую штуку барыша 11 коп. серебром. Французская монета приобреталась главным образом для спекуляции с «азиатцами» в Петропавловске, где, кстати, брали «за каждый талер на 10 коп. выше, а за русский серебряный рубль платилось 1 рубль 20 копеек». Находили здесь, по-видимому, сбыт и фальшивые денежные знаки.

Во второй половине XIX века зимняя Никольская ярмарка по-прежнему считалась первой не только в Тобольской губернии, но и во всей Западной Сибири. Продолжительность ее увеличилась; вместо семи дней на ней стали торговать две недели. По одним данным, она проводилась с 3 по 15 декабря, по другим - с 4 по 18 декабря. В 1856 году с разрешения министерства внутренних дел сроки зимней Ишимской ярмарки были определены с 6 декабря по 1 января. Однако, судя по имеющимся сведениям, она начиналась и заканчивалась несколько раньше установленных сроков, в 1861 году она открылась 1 декабря, а в 1888 году проводилась с 27 ноября по 15 декабря.

Первоначально в городе не было специализированных построек для ярмарочной торговли, и торговцы претерпевали разного рода неудобства. Они, по некоторым сведениям, «размещались во дворах домов жителей и даже на улицах». Это повлекло ряд нежелательных последствий: «производило тесноту и неопрятность», а также «представляло опасность от пожаров, так как при непрерывной топке печей неосторожность с огнем могла уничтожить значительные капиталы, заключающиеся в товарах». Позднее были построены склады, лавки и другие подсобные сооружения. За городом было выделено место, названное Табором; огороженное плетнем оно предназначалось для складки сырых животных продуктов. Об этом писал в уже упоминаемом статистическом обзоре ярмарочной торговли в Ишиме за 1857 год М.Смоленский: «Прежде ярмарка производилась на площади вокруг Никольской

церкви, и многие товары размещались на улицах, а жирные продукты большею частью в дворах жилых домов. Ныне отведено место на северо-восточной стороне города».

О размерах, ассортименте товаров, географии торговцев во второй половине XIX века можно судить по так называемым опросным листам. Впервые они были применены в 1872 году, когда тобольский статистический комитет командировал в Ишим своего секретаря И.Юшкова «для собирания сведений способом, установленным для того Центральным статистическим комитетом». Во время Никольской зимней ярмарки И.Юшков собрал 393 ответа на «вопросные пункты» и обработал полученные материалы. В результате выяснилось, что на ярмарку приехали торговцы из 26 городов, пяти округов и двух уральских заводов. География торговцев была разнообразна: Казань (6 человек), Екатеринбург (27), Тобольск (25), Тюмень (29), Омск (13), Ирбит (6), Туринск (8), Москва (4 человека). По сословной принадлежности 52 торговца относились к крестьянам, 126 - к мещанам и 171 торговец - к купцам. Отсюда с полной уверенностью можно утверждать, что более половины участников Никольской ярмарки в Ишиме были профессиональными торговцами и что на ней преобладала в силу этого оптовая торговля. Основными товарами на ней являлись кожи, сало, масло, которых продано было на 1350000 руб., что составило 48,6% от суммы, полученной за сбытые товары.

К сожалению, ярмарочные листы И.Юшкова не сохранились, но в распоряжении исследователей имеются ответы участников Ишимской зимней ярмарки 1877 года. Приведем в качестве примера один из них:

Вопросы

1. Фамилия, имя, отчество торгового
2. Сословие
3. Постоянное место торговли
4. Место, откуда торговец приехал на ярмарку
5. Место, куда торговец отправится с остатками товара по окончании ярмарки
6. Каким товаром торгует, причем следует показать как общее название товара, например, панской, бумажный, галантерейный, бакалейный, москательный, фарфоровый, стеклянный и проч., так и главные сорта, например: сукна, ситцы, шелковый товар и проч.
7. Где товар закуплен
8. Сколько привезено товара весом

Ответы

- Товарищество Ялуторовского 1 гильдии купца Василия Васильевича Калмыкова с братьями
-
- В Ялуторовском округе
- Из собственной заимки Заводо-Уковской волости
- В село Абатское Ишимского округа к Крещенской ярмарке и на свою заимку
- а). Жирным: масло коровье, сало, кожи; б). Семя льняное; в). Куделя; г). Пряники; д). Чай; е) Сахар; ж). Мука, крупчатка; з). Патока; и). Свечи сальные; к). Мыла.
- В Ишиме и выделан на собственных заведениях.
- 10650 пудов.

Перед началом ярмарки, по-видимому, было вручено торговцам для заполнения до 200 таких листов, но «Более половины торговцев, по сообщению городского головы П.Постникова, при выезде с ярмарки розданных им листов не возвратили». Всего в ярмарочный Комитет было препровождено 93 листа (к настоящему времени один опросный лист утрачен). Однако эти недостатки не снижают ценности источника. В первую очередь, он расширяет наши представления о составе участников зимней ярмарки. 85 торговцев указали свою сословную принадлежность. Наиболее активными участниками ярмарки в качестве профессиональных торговцев были

купцы. К ним относились до половины (42 чел.) опрошенных: 6 купцов первой гильдии, 21 - второй и остальные - третьей гильдии. Важную роль на Ишимской ярмарке играли крестьяне. Они участвовали как покупатели промышленных товаров и как продавцы своей продукции, некоторые из них выступали в качестве профессиональных торговцев. Из заполнивших опросные листы 22 торговца оказались крестьянами, в том числе двое торгующих по свидетельству. Заметное участие в ярмарочной торговле принимали мещане - 15 чел. из числа опрошенных. Представители коренных народов Сибири, а также других сословных групп встречались, по-видимому, сравнительно реже.

Девять опросных листов были заполнены женщинами, семь из них, судя по ответам, приехали из Тобольска. Это купеческая вдова Мария Ильинична Черкашина, вдова чиновника Екатерина Ивановна Костина, остальные числились в «мещанском звании» (Дарья Петровна Пиленкова, Федосья Дмитриевна Шапошникова, Екатерина Ивановна Рыморева и др.). Объемы их привоза невелики: от 3 до 16 пудов, преимущественно меха. Фарфоровой, хрустальной и фаянсовой посудой, закупленной в Нижнем Новгороде и Москве, торговала на Ишимской ярмарке «екатеринбургская 2-й гильдии купчиха» Анна Ивановна Янина, шапочным товаром - Анна Ивановна Шепукова - купчиха из Шадринска.

Представляет интерес география участников ярмарки. Опросные листы заполнили 7 торговцев из Ишимского округа, 8 - из Шадринска, по 12 - из Тобольска, Петропавловска и Екатеринбургна. В орбиту Ишимской ярмарки можно включить Казань, Бийск, Каинск, Курган, а также Ялуторовск, Тюкалинск, Барнаул и Вятку. 280 пудов кож, обуви и других товаров, купленных в разных российских городах, привез на Никольскую ярмарку мещанин г.Казани Михаил Андреевич Медведев, 600 пудов товаров на 3300 руб. купец г.Барнаула Дмитрий Еремеев.

По опросным листам можно судить и об ассортименте товаров. Купцы торговли преимущественно мукой, крупой, солью, а также фарфоровой, фаянсовой, хрустальной посудой, изделиями из кости, чаем, мехами, табаком, стеклом; мещане - железными и скобяными товарами, кожами. Екатеринбургский 2-й гильдии купец Арсений Михайлович Черемухин поставил на ярмарку бакалейных товаров на 30 тысяч рублей. 400 пудов мыла, изготовленного на собственном заводе, привез из Петропавловска купеческий сын Ахмет Музафарович Мухарялов. Разнообразен набор крестьянских товаров - мануфактурные, галантерейные, жировые, кожи, соль и многие другие. Крестьянин Степан Кашин, постоянный участник ярмарочной торговли в Кургане, Абатской слободе и даже в Нижнем Новгороде, засвидетельствовал в опросном листе, что привез он на Ишимскую ярмарку иконы, шпалеры, медные изделия и партию книг. Другой крестьянин Никита Осипович Мочиллов «явил» шерстяных и шелковых изделий на 5500 рублей. Приведенные факты позволяют заключить, что отдельные крестьяне участвовали на Ишимской ярмарке не только как продавцы своей продукции, а в качестве профессиональных торговцев. Так называемые «инородцы», обычно привозили рыбу и кедровые орехи. Татарин из-под Тобольска Якуб Кусиматов (Каргайская вол.) «явил» 300 пудов рыбы и орехов «домашнего промысла».

Неодинаковыми были и объемы привозимых товаров. Самая наименьшая оценка их стоимости - 300 рублей, наибольшая - 200000 рублей. Интересно отметить, что эта партия товаров принадлежала не купцам, а торгующим по свидетельству крестьян, хотя в большинстве случаев у последних стоимость заявленных товаров колебалась от 500 до 6000 рублей. Купеческие партии товаров ценились от 10 до 20 тысяч рублей. Мещане «являли» товару до 60 и даже 111 тысяч рублей. Почти во всех случаях товары распроданы полностью, и торговцы из Ишима отправлялись домой или на другие торговщища Западной Сибири. Примечательно, что, по сведениям официальных источников, имевших относительную достоверность, торговые обороты достигали значительных размеров.

Приведем таблицу торговых оборотов зимней Ишимской ярмарки второй половины XIX века.

	привоз	сбыт
1850	539229	338349
1851	560700	400980
1855	1436435	1158870
1856	1626045	1422970
1862	2662895	2341829
1863	2266526	1325224
1865	2060145	1658625
1866	2124000	1689300
1867	2352040	1893240
1868	2463300	2158650
1869	2781350	2518350
1870	2574950	2286540
1871	2738440	2496890
1872	3309750	2775950
1873	3450000	2920000
1874	3500000	2980445
1875	4579080	3604425
1876	4391328	3553328
1877	4655800	4283500
1878	4850000	4390000
1879	4868000	4442500
1880	4892500	4380200
1881	4918500	4283500
1882	4968300	4453500
1883	5603500	4578370
1884	6056700	5247300

В 1885 году на ярмарку было привезено товаров на 5709880 руб., продано на 4769330 руб. «В 1886 и 1887 г. привоз товаров и продажа такие же, как и в 1885 г». В последующие годы торговые обороты ярмарки были таковы:

1888	5736750	4770050
1889	5749200	4850700
1890	4681400	4000000
1891	4681400	4000000
1892	5055700	4231700
1893	5055700	4231700
1894	5304700	4430150
1895	5393700	4576200
1896	5199500	4235500

Как видно из таблицы, за вторую половину XIX века обороты товаров на Никольской зимней ярмарке выросли в 3-3,5 раза. При этом 1884 год был кульминационным моментом в истории ишимского торга, после чего началось постепенное сокращение оборотов. Однако несмотря на это вплоть до конца XIX века Никольская ярмарка в Ишиме считалась в Тобольской губернии одной из главных. На нее приходилось до 40-50% торговых оборотов края. Например, в 1896 году на ярмарках и торжках губернии было продано товаров на общую сумму 10261 180 руб., из которой на Ишимскую ярмарку приходилось 44,5% (4235500 руб.).

В литературе высказано мнение о том, что чрезвычайно велико было влияние Никольской ярмарки на жизнь города. В качестве основного аргумента приводились извлечения из «Тобольских губернских ведомостей» высказывания современников о том, что ярмарка, якобы, «придает особенные жизненные силы городу и значительно увеличивает его доходы и благосостояние жителей». Приводились фак-

ты. Например, в 1861 году от ярмарочного комитета поступило в доход города 5163 руб. 4 коп., помимо того, что жителями выручено за квартиры более трех тысяч рублей и до четырех тысяч за приготовление пищи. В 1872 году городские доходы от ярмарочной торговли составили 6797 руб. 34 коп. и до 3,5 тыс. за квартиры и приготовление пищи. В 1881 году одних иногородних торговцев и покупателей было до 18 тыс. человек («лавок, палаток и балаганов занято было 387, из них 14 каменных лавок, принадлежащих городу») и городской доход от Никольской торговли составил 9537 руб. 21 коп. «Жители города за квартиры и приготовление пищи в течение ярмарочного времени получили 4200 руб.» С этим можно согласиться, но не следует игнорировать и совершенно иные высказывания, которые с успехом можно найти в тех же «Тобольских губернских ведомостях». Приведем одно из таких суждений: «В Ишиме нет ни каменного гостиного двора с необходимыми к нему принадлежностями, как то: огнегасительными снарядами и колодцами, фонарного освещения, мостовых и тротуарных сланей, общественной богадельни; нет даже публичной библиотеки, хотя дума для собственного своего удовольствия и выписывает ежегодно журналов на сумму до 80 рублей».

Отмечался современниками и недостаток квартирных помещений в ярмарочные сезоны, но тем не менее ни местным властям, ни состоятельным гражданам города не пришло на ум построить гостиницу для ярмарочного времени. Также не следует забывать, что Ишим оставался одним из самых небольших уездных центров Тобольской губернии и по благоустройству весьма далеко уступал Тюмени и Кургану.

Таким образом, можно говорить, не о цветущем состоянии Ишима, как результате функционирования Никольской ярмарки, а о диспропорции между объемами торговли, с одной стороны, и низким уровнем благоустройства города, с другой.

В конце XIX века резко уменьшилась численность участников Ишимской Николы. Омские, томские, а также местные торговцы сокращали или даже вовсе прекращали свои «дела» в Ишиме и отправлялись за товарами в Ирбит и Нижний (Новгород), где и совершали свои торговые сделки.

Это было связано с улучшением, в первую очередь, путей сообщения: открытием пароходства по рекам Западной Сибири и постройкой сибирской железной дороги через Петропавловск. В селениях, расположенных вдоль железнодорожного пути стали появляться ярмарки и торжки, значение которых с каждым годом все возрастало. Ишим остался в стороне от магистральной линии на 150 верст. «Это обстоятельство подорвало значение ишимской ярмарки как складочного места для сибирского сырья. В ярмарку 1884 года подвоз сырья животных продуктов из Степного края и Каинского округа Тобольской губернии в Ишим был самый ничтожный, и продукты эти были отправлены в Россию по железной дороге через Омск и Петропавловск. Главные сделки с салом были также заключены в Петропавловске. Сибирским купцам в настоящее время нет надобности приезжать в Ишим за покупками товаров и вести их гужем с ярмарки», - писал В.Иванов в уже указанном «Очерке зимней Никольской ярмарки в городе Ишиме».

Ишим стал лишним звеном в торговле между Сибирью и европейской частью России. Теперь, с открытием железнодорожной магистрали, стало возможным обходиться без посредства Ишимской ярмарки. Отсюда не случайно, что ее «район, охватывающий прежде всего всю Западную Сибирь, большую часть Степного края, Приуралье, многие местности Оренбургского края и вообще Европейской России с открытием Великого сибирского пути значительно сузился». Существенно изменился и ассортимент товаров. Если раньше из Томской, Енисейской губернии и степного края пригоняли в Ишим до 18-20 тыс. лошадей, то в конце XIX начале XX веков «всего на конной площади бывает до 2000-2500 лошадей исключительно из окрестных пунктов и частично из Тарского уезда. Основная же масса лошадей из Степного края, минуя Ишим, направлялась прямо на Омск, Челябинск, Курган, а оттуда на Оренбург, Смирну и Симбирск».

Сократился подвоз кожевенного сырья и мяса. Если раньше в Ишиме сбывалось до 150-200 тысяч кож разных сортов, то в 1895 году было привезено 76000 и на следующий год только 6000 штук. Теперь за две-три недели до открытия Никольской ярмарки, т.е. «когда забойка (скота) достигает своей кульминационной точки», торговцы из европейской части России (в первую очередь, из Москвы) скупали мясо в Петропавловске и на торжках и базарах по линии Сибирской железной дороги. В результате этих «доярмарочных операций» почти полностью исчезло в Ишиме петропавловское мясо («считается лучшим по качеству и выше ценится»). Оно прямо направлялось в Москву, Петербург и Ревель. Так, в 1894 году было вывезено на европейские рынки России 10860 мясных душ крупного и 18000 мелкого рогатого скота, 401680 овчин, 18000 кож, 230250 пудов бараньих кишок, в 1895 году - 20637 мясных туш, 177930 пудов разного мяса, 15000 языков, 185000 кож, 64750 бараньих кишок и около 12000 пудов шерсти. «Таким образом, все это громадное количество мяса и других животных продуктов предназначалось на Ишимскую ярмарку, но с проведением (железной) дороги оно прошло мимо ее, чем значительно сократило ярмарочные обороты». Основными поставщиками животноводческой продукции теперь стали населенные пункты, прилегающих к Ишиму волостей.

Главными предметами торговли в это время стали продукты местных промыслов (охоты и рыболовства) и изделия обрабатывающей промышленности. меховые и кожевенные товары поставлялись из Тобольска, Тюменского, Шадринского, Кунгурского и Екатеринбургского уездов. Рябчики и куропатки привозились из Тобольского и Тюкалинского уездов (в 1893 году - 35500 пар, в 1896 году - 140000, в 1906 году - 200000 и в 1910 году - 400000 пар разной дичи). Важное место в составе ярмарочных товаров занимали изделия сельских ремесленников (например, шубы - до 4000 из Шатрова Ялуторовского уезда, рукавицы - от 600 до 700 пар из Тюмени и проч.). Доля мануфактурных товаров постепенно снижалась, что дает возможность утверждать следующее: в конце XIX - начале XX вв. роль Ишимской ярмарки стала незначительной и из главного сибирского рынка она стала превращаться в торг местного значения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ТФ ГАТО, ф.417, оп.1, д.642, л.7.
2. Муратова Я.В. Никольская ярмарка в Ишиме (XVIII - нач. XIX вв.) // Тобольский архив: прошлое и настоящее Тюменского края. - Тобольск, 1994.
3. Описание Тобольского наместничества. - Новосибирск, 1992.
4. ТФ ГАТО, ф.329, оп.13 541, д.363, л.22.
5. Список существующих в Российской империи ярмарок. - СПб., 1834.
6. Журнал мануфактур и торговли. -СПб., 1834, -Т.4.
7. Иванов В. Очерк зимней Никольской ярмарки в городе Ишиме Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. -1895. -N 48.
8. Смоленский М. Ишимская ярмарка в 1857 году // Тобольские губернские ведомости. -1858. -N 3.
9. Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. -СПб, 1843. -ч.2.
10. Список населенных мест Тобольской губернии по сведениям 1868-1869 годов. -СПб., 1871.
11. Журнал Тобольского статистического комитета // Тобольские губернские ведомости. -1873. -NN 26, 28.
12. ТФ ГАТО, ф.417, оп.1, д.642, л.38.
13. Тобольские губернские ведомости. -1862. -N 8; 1873. -N 28.
14. Сибирские ярмарки // Сибирская торговая газета. -1897. -N 108.

Ишимский Богоявленский собор в «Клировых ведомостях»

Нижеследующие факты выбраны из Клировых ведомостей Ишимского Богоявленского собора за 1873-1916 годы, которые хранятся в Тюмени, в областном госархиве¹.

Клировые ведомости – это составлявшиеся ежегодно в каждом приходе епархии (территориального объединения приходов, находившегося в ведении епископа) сведения о храме и его клириках (священнослужителях), впоследствии отсылавшиеся в Епархиальное ведомство для ознакомления. Поскольку мы не чувствуем себя в силе составить на основании этого одного источника, носящего к тому же официальный характер, сколько-нибудь целостной картины жизни собора, то ограничимся лишь несколькими эскизами к этому полотну, ждущему еще своего талантливого живописца.

Эскиз I.

Каждая Клировая ведомость начиналась со слов: «церковь построена в 1784 году тщанием прихожан по плану и фасаду, выданному 1781 года, вместо деревянной, разобранной в 1780 году, на месте же прежде бывшей церкви построен каменный памятник с надписью о разобраннии деревянной церкви». Здесь требуются уточнения. Согласно грамоте архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама об окончании строительства собора, его постройка завершена в 1793 году, 20 июля которого (по старому стилю) он был освящен². Далее, как отмечает краевед Л.В.Фролов, на плане Ишима 1808 года (хранящемся в Ишимском краеведческом музее) на Соборной площади, кроме самого собора, отмечена севернее еще и «деревянная ветхая церковь»³. Возможно, составители ведомости попросту не придавали особого значения исторической точности этих фактов, как малозначащих. Наконец, о памятнике ведомости упоминают до 1910-х годов, уточняя даже материал, из которого он сделан – «камень» («каменными» в те времена называли обычно кирпичные сооружения). Вряд ли этот памятник исчез после 1910 года, но исчез он – раньше или позже – бесследно.

О самом храме сказано: «в церкви престолов три: внизу, теплая в честь Богоявления Господня, в приделе, также внизу, во имя Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского, и в летней вверху в честь Успения Божией Матери, летняя, без печей». Также: «утварью достаточна».

Зданием церковь «каменная, с таковой же колокольной и оградой, крепкая». В 1893 году «подлежала ремонту, а именно: ошкотурена со вне и снаружи, железная крыша заменена на половину новою, покрашена, ограда же оставлена не ошкотуренною до будущего года. Караулка помещена в здании Собора». В 1895 году «возобновлен иконостас верхнего храма». Далее о каких-либо переделках не говорится, а в 1914 г. сделана запись о том, что церковь «требует капитального ремонта».

К храму была приписана церковь Знамения Пресвятой Богородицы в деревне Игнатьевой (находилась рядом с д.Стрехниной), «деревянная, на каменном фундаменте, без особой колокольни и ограды, ... холодная, без печей», построенная в 1865 г. «на добровольные пожертвования от разных лиц». Вероятно, приход ее был бедным, поэтому причту ей не было положено, а богослужения совершались священнослужителями собора только два раза в год – 20 мая и 8 июня, «во время переноса Чудотворной Иконы Знамения Божией Матери из села Борового в г.Ишим».

В 1909 г. к собору приписали деревянную часовню в деревне Сорочкиной, которая впоследствии указом Омской духовной консистории была обращена в церковь и 30 октября 1916 г. освящена во имя иконы Божией Матери «Неопалимая Купина»⁴.

К собору же относилось и кладбище, «отведенное в двух верстах от города, окопанное рвами, площадь которого покрыта березовой рощей» (старое кладбище у нынешнего элеватора). Упоминается в связи с этим «упраздненное с 1892 года городское кладбище, примыкающее к самой Троицкой церкви и огражденное рвом».

Эскиз II.

Причт храма до 1868 г. состоял из протоиерея (старшего иерея), двух иереев (священников), диакона и двух пономарей (чтецов). Затем некоторые вакансии были закрыты, а по штату, высочайше утвержденному 30 апреля 1877 г., «в сем приходе» определено было состоять настоятелю (протоиерею), помощнику настоятеля (иерею), диакону и двум псаломщикам.

Далее дотошного современника может заинтересовать вопрос: а много ли было у них работы и сколько они за это получали? Ведомости на этот беспардонный вопрос отвечают вполне определенными фактами.

«Сведения о приходе» (т.е. церковном округе, православное население которого посещало храм и содержало его) дают такие цифры. В 1873 г. «по части протоиерея» числилось 720 душ в городе и 1610 душ в деревнях (Гагариной, Кузиной, Сорочкиной, Граматчиковой, Мало-Удаловой, Ваньковой, Забегаловой, Синицыной). «По части священника» - 497 в городе и 1463 в деревнях (Пахомовой, Зырянской, Игнатьевой, Стрехниной, Карпушиной, Лайковой, Борках и Кислой). В 1909 г. на тот же состав клира приходилось уже 1633 горожанина и 3867 жителей все тех деревень (за исключением Кузиной, Кислой, Граматчиковой и Забегаловой, которые исчезли из списка).

Оставим эти цифры без комментариев. Сделаем только предположение, что даже при отлаженной организации служб в храме исполнение различных треб и совершение таинств, пастырские обязанности подразумевали немалое подвижничество священства. (Кроме того, с обустройством в Ишиме и округе различных школ священники занимаются там законоучительской деятельностью, для чего тоже нужны были силы и время).

До конца XIX века причт, не получая содержания от казны, пользовался для своего пропитания ругою (своеобразным сбором) с деревенских прихожан, по одному пуду ржи в год с тяглой души; на часть настоятеля «должно доставляться» было 150 пудов, его помощника – 100, диакона – 75, псаломщиков – по 50. В ведомостях, сообщавших об этом, неизменно добавлялось: «содержание причта скудное». Далее, хотя сбор сей был для крестьянского хозяйства весьма незначительным, настоятель в 1890 году отмечает, что «ругу эту отдавать причту многие не в состоянии по причине неурожайных годов и бывшего упадка скота». Когда же случилось, что «таковой не собирается и пятой части», в 1894 г. было возбуждено ходатайство о замене руги землею, которая и была отмежевана в августе того же года, в двух верстах от города, в количестве 198 десятин, из которых «130 – пахотной, 20 – сенокосной и 48 – покрытой мелким березовым лесом, хищнически вырубаемым крестьянами близлежащих деревень, и частью горожанами». (До этого на вопрос о том, имеется ли в собственности земля, следовал типовой ответ: «земли усадебной, пахотной и сенокосной при церкви нет, потому что для городских церквей отводить землю не положено законом»). Часть пахотной земли «лучшего качества» сдавалась в аренду на годовой срок крестьянам, а именно: в 1903 – 20-30 дес., в 1908 – 30-60 по 2 руб. за десятину, в 1916 – 50 по 2,5 руб. Доход шел на содержание причта, которое, однако же, оставалось «скудным».

В большей мере средства для пропитания давали «братские кружечные сборы» и «приношения добровольные от прихожан за требоисправление». В среднем в разные годы собиралось от 1800 до 3200 рублей на всех членов причта. (В связи с этим любопытен следующий факт. В 1916 г. «поступило в кружки» пожертвований на различные цели: в пользу бедных духовного звания, в пользу православных церк-

вей и школ в Империи, на восстановление православия на Кавказе, на распространение православия между язычниками Империи, в пользу Иерусалимской церкви Св. Гроба Господня, на улучшение быта православных паломников в Палестине, на церковно-приходские школы, в пользу Славянского общества – от 20 коп. до 2 руб. 20 коп., на больных и раненых воинов – 130 руб., в пользу общества спасения на водах – нисколько).

Третий источник – проценты с положенных в банк пожертвований различных благотворителей. В 1883 г. эта сумма составляла 300 руб. серебром (проценты – 12 руб. в год), в 1903 – 2073 руб., в 1909 – 2773 руб. (проценты – 103 руб. в год). Известны имена жертвователей (из ведомостей 1908 г.): купец Николай Черняков, мещ. Зырянов, чин. Николай Трауцкий, свящ. вдова Филикитата Андрианова, купеч. вдова Мария Радова, солдат. вдова Параскева Белова, мещ. Георгий Хлебников, дворян. девица Ольга Щепина, вдова Анастасия Шестакова, вдова Александра Лаптева, крест. вдова Наталия Андреева, мещ. Симеон Пигалев, свящ. Александр Глебовский, мещ. Александр Птицын, мещ. вдова Тарасина, солдат Федор Воронин, чин. вдова Олимпиада Невская, крест. Евгений Бобров, мещ. Александр Иванов, дочь купца В. Кузнецова Александра Ламехова, душеприказчик мещ. Иоанна Петрова Петр Бобков.

Определенное вознаграждение получали также священники, преподававшие в местных школах Закон Божий.

Наконец, в 1915 или 1916 году, после многолетних ходатайств (начавшихся в 1894 г.), причт стал получать жалованье от казны. Протоиерею было назначено 350 руб. в год, священнику – 220, диакону – 150, псаломщикам – по 100; от прихода жалованье не назначалось. Таким образом, в 1916 г. протоиерей М. Голошубин получал, например, 350 руб. годового жалованья как такового, 380 руб. – за законоучительство в высшем начальном женском училище и первом приходском училище, 45 руб. – за исправление должности благочинного (т.е. за осуществление надзора за порядком и поведением клира в окрестных церквях). На месяц приходилось около 64 рублей. Добавим, что в семье протоиерея было четверо несовершеннолетних детей и трое – уже вышедших в жизнь.

Кроме прочего, долгое время проблемой для причта было решение жилищного вопроса. В 1873 г., подчеркивая «скудное содержание» причта, прот. А. Федюшин добавлял: «особенно затрудняет высокая цена квартир за неимением церковных приходских домов». В лучшем случае свой дом был у протоиерея (после долгих лет службы), гораздо реже – у священника или другого служителя церкви. В ведомостях 1903 г. отмечается, что «церковных домов для причта нет, а об устройстве их, несмотря на неоднократные ходатайства, прихожане не заботятся, ссылаясь на неимение средств». Наконец, в 1905 г. был приобретен с торгов за 1100 руб. «одноэтажный деревянный дом с двухэтажным полукаменным флигелем с надворными постройками».

Что касается деятельности церковного попечительства, то в клировых ведомостях 1903 г. о том сделана запись: «официально открытого церковного попечительства не существует, а есть два-три сборщика крестьян, называемых попечителями, которые в течение зимы каждого года собирают зерновой хлеб и другие продукты; деньги же, вырученные от продажи хлеба, поступают на благоустройство храмов, собора и приписной церкви в д. Игнатьевой».

К сему можно добавить только, что с 1909 г. старостой собора был ишимский купец Петр Никитич Бобков, которого в 1916 г. сменил также ишимский купец Василий Иванович Кузнецов.

Эскиз III.

В 1890 г. «на одной ограде с церковью» появляется «каменный в 4 комнаты дом, в котором помещается церковно-приходская школа». Но, видимо, открыть школу в

тот год не удалось, и некоторое время дом этот пустовал. Кроме того, высказывались опасения, что в школе не будет «большого прилива учащихся за нахождением училищного здания на окраине города». Когда открылась школа, не вполне ясно. Ведомости 1901 г. говорят: «есть Воскресная школа, но так как она открыта еще недавно (с 1898 года ноября 8), то нельзя еще указать того или другого отношения местного населения к школе. Однако же открытие и содержание школы поддерживается Обществом попечения о народном образовании, членами которого состоят преимущественно лица интеллигентные, а преподаватели в школе: Священники Николай Гвоздицкий и Петр Овчинкин, наставники Приходского и Уездного училищ и наставницы Женской Прогимназии. А так как приток учащихся иногда достигает до 50 человек, по преимуществу из бедного населения города, то это свидетельствует уже о сочувственном отношении граждан к Воскресной школе». А в ведомости 1903 г. записано об упомянутом доме: «...в котором с 15 Октября 1902 г. помещается церковно-приходская школа». Таким образом, либо она прежде находилась в другом месте, либо была открыта заново.

Содержание школы было первоначально делом церкви (в 1910 г. от собора для нее отпускалось «на дрова и прислугу» до 80 руб. в год; обучалось же 6 мальчиков и 27 девочек), потом в нем принял участие город (в 1916 г. на те же цели – от собора 40 руб. и от города – 100; обучалось 8 мал. и 22 дев.). Попечительницей школы с 1915 г. состояла жена церковного старосты Степанида Павловна Кузнецова.

Под опекой собора находились также т.н. «министерские школы» (училища Министерства народного просвещения) в деревнях прихода; штат их состоял из священника-законоучителя и учительницы. В 1893 г. впервые упоминается такая школа в д. Стрехниной (законоучитель – свящ. Н. Гвоздицкий, учительница – чин. дочь Варвара Федоровна Вострикова; обучалось 24 мал. и 7 дев.; через год – 26 и 6; в 1897 – 20 и 7; через год – 17 и 9, новые законоучитель свящ. Петр Троицкий и учительница Александра Георгиевна Земляницына, свящ. дочь); в 1909 г. – в д. Пахомовой, а в 1910 г. – в д. Гагариной.

Кроме книг, используемых при богослужении, при соборе «с давних времен» существовала библиотека, основу которой составляли «книги, указанные в списке покойного Московского Митрополита Филарета». Всего в ней было к началу века 424 тома, из которых: «Писания Св. Отцов в 64 экз., книги духовного содержания в 318 экз. и исторические в 42 экз.», все – одобренные Св. Синодом и Духовной цензурой. Книгами этими, «как мало доступными для понимания», пользовались «очень немногие из прихожан, преимущественно (из) простолюдин».

Вероятно, по инициативе того же Н. Гвоздицкого в соборе какое-то время проводились внебогослужебные собеседования, но, как отмечалось в 1908 г., «ввиду весьма немногих посетителей храма, удаленного от центра города», они прекратились.

Наконец, в году (согласно ведомостям 1908 г.) совершалось 4 крестных хода. Первый – в десятое воскресенье после Пасхи. Вторым – «21 мая при перенесении многочтимой Боровской Иконы Божией Матери из Игнатьевской приписной церкви в Ишимский Собор и возвращении таковой 7 июля из г. Ишима в село Боровое через Игнатьевское же сельцо». Третьим – «27 Сентября по поводу прекращения холеры в 1892 году». Четвертым – «17 Октября при перенесении образа Александра Невского из Городской Управы в Собор и обратно, в память чудесного спасения драгоценной жизни Высочайших особ при крушении поезда на Курско-Харьковской железной дороге 17 Октября 1888 г.»

Эскиз IV.

Даже косвенно нам трудно судить по сухим анкетным данным о том, какие люди служили в соборе, какими душевными качествами, чертами характера они обладали. Но сама вековая давность тех событий и специфика жизни духовного сословия могут быть интересны нашему «цивилизованному современнику». А чтобы не утом-

лять его чрезмерностью нашего рассказа, перелистаем страницы биографии представителей трех поколений клириков-настоятелей собора – уже упомянутых А.Федюшина, Н.Гвоздицкого и М.Голошубина.

1. **Федюшин Алексей Павлович**, сын священника, родился в 1824 г. в г.Богатом Обоянского уезда Курской губернии. В 1846 г., по окончании полного курса наук в Тобольской духовной семинарии, «с утверждения Его Преосвященства» (архиерея) уволен в Епархиальное ведомство с аттестатом второго разряда и с похвальным листом «за отличные успехи и благонравие». Через три месяца рукоположен в сан священника Курганского округа слободе Салтасарской. Затем «в виду пользы службы» переводился в разные приходы: в 1850 г. – к градо-Туринскому Крестовоздвиженскому собору, в 1855 г. – старшим священником к градо-Туринской Покровской церкви, в 1863 г. – на то же место в Тобольский Кафедральный собор, в 1865 г. – на настоятельское место к градо-Ишимскому Богоявленскому собору. Будучи в Туринске, проходил должности «увещателя и депутата по присутственным местам», был утвержден директором Туринского попечительного о тюрьмах отделения (впоследствии занимал такую же должность в Ишиме). Был награжден набедренником «за ревностное преподавание Слова Божия, за похвальное сочинение Катихизических сочинений и отличное произношение проповеди 6 декабря 1849 года при Архиерейском служении в Тобольском Кафедральном соборе». В 1857 г. «в память Отечественной войны, бывшей с 1853 по 1856 год» пожалован наперсным (т.е. нагрудным) крестом на Владимирской ленте; в 1860 г. Высочайше награжден бархатной фиолетовой скуфьей (вид головного убора) «за отлично усердную и полезную службу по духовному ведомству». Будучи в Тобольске, исполнял должности эконома при Архиерейском доме и присутствующего Духовной консистории; за успешное их прохождение было объявлено Архиерейское благословение «с правом на занятие более выгодного места» (надо полагать, оно оказалось в Ишиме); перед переводом в Ишим был Высочайше награжден бархатной фиолетовой камилавкою (тоже вид головного убора). В Ишиме о.Алексей проходил должности законоучителя Ишимского приходского училища, депутата по «Присудственным местам» Ишима и прочие; был утвержден членом Миссионерского общества; в 1868 г. возведен в сан протоиерея. С приезда в Ишим был определен благочинным Ишимского округа; дважды с 1876 г. на трехлетие определялся членом правления Ишимского духовного училища. В 1877 г. Высочайше награжден золотым наперсным крестом, в 1881 г. – орденом Св. Анны 3 степени, а в 1890 – 2 степени. В 1885 г. А.Федюшин был утвержден председателем церковно-строительного комитета по постройке церкви на капитал вдовы стат. советника Амвросовой. За труд по постройке здания Ишимского духовного училища в 1886 г. награжден 50 рублями.

В семействе у него были: жена Мария Афанасьевна, грамотная; сын Александр, священник градо-Петропавловской Васильевской церкви; дочь Анна, в замужестве за чиновником Люцерновым.

В 1891 г. благочинный округа Н.Гвоздицкий в графе о поведении послужного списка 67-летнего настоятеля сделал запись: «воздерживаюсь от нравственно оценки лица, стоящего выше меня, ибо таковая более известна Епархиальному начальству. Что же касается до отношения о.Протоиерея к прихожанам, то он в большинстве случаев отказывается от исполнения прямых своих обязанностей. Тяготится и Богослужением, исполняя его спешно». Официально о.Алексей был уволен за штат по болезни в 1893 г. Будучи уже за штатом, был «приговором Тобольского Губернского Суда от 11 июня 1894 г. за растрату вверенных ему сумм по постройке церкви в городе Ишиме в количестве 575 руб. 65 коп.» подвергнут денежному взысканию в размере 10 рублей. Скончался А.Федюшин около 1897 года.

2. **Николай Стефанович Гвоздицкий**, диаконский сын, родился в 1856 г. в Усть-Ишиме. По окончании полного курса наук в Тобольской духовной семинарии уволен с утверждения архиерея в Епархиальное ведомство с аттестатом первого разряда со степенью студента в июле 1878 г. Проходил должность надзирателя над ученика-

ми Ишимского духовного училища до октября того же года, когда был рукоположен в сан священника на должность помощника настоятеля Богоявленского собора. Был членом правления духовного училища с 1880 по 1893 год; также – законоучителем женской прогимназии, Стрехнинского сельского училища. Исправлял должность благочинного с 1891 и 1908 годов; также – должности председателя Общества помощи голодающим в 1891 г., председателя строительного комитета по постройке Ново-Никольской церкви г.Ишима в том же году, и другие. С 1892 г. исправлял должность настоятеля собора. В 1899 г. был назначен заведующим воскресной школой при соборе.

В 1880 г. «за усердный и примерный сбор пожертвований на бедных духовного звания» Н.Гвоздицкому было объявлено Архипастырское благословение; «за усердную и полезную службу» был награжден набедренником в 1887 г. и скуфьей в 1892 г. За усердное прохождение должности члена правления Ишимского духовного училища в 1895 г. «Всемиловитейше сопричислен к Императорскому ордену Св. Анны 3-ей степени». Был награжден серебряной медалью в память царствования Александар III-го. «За отличное и полезное служение церкви и делу просвящения юношества Всемиловитейше награжден камилавкою» в 1906 г.

В 1893 г. благочинный прот. Иоанн Кузнецов отмечал в послужном списке о.Николая: «поучения своего сочинения говорил частовременно и с особенным усердием относится к пастырскому делу».

Поведения он был неизменно «отличного». Однако ошибки в сложном труде священника трудно избежать. «За незаконное повенчание брака... в 4 степени родства, без истребования от причтов приходов, к которым принадлежали брачующиеся, надлежащих сведений, на основании 189 п. 100 ст. Устава Духовных Консистолий протокольным постановлением Консистолии, утвержденным Его Преосвященством 12 марта 1899 года, - по неимению в Омской Епархии монастырей, подвергнут трехмесячному клиросному послушанию при Омском Кафедральном соборе». Далее эта епитимья была сокращена епископом наполовину, а по ходатайству Епархиального начальства указом Св. Синода от 26 июня 1903 г. было «определено этот штраф не считать препятствием к получению наград».

В семье у о.Николая в 1909 г. были: жена Елена Александровна, дети – Екатерина, Клеопатра, Елена – в замужестве за священниками, Иоанн и Константин – обучались в Ишимском духовном училище, Елизавета и Мария – в Ишимской женской прогимназии.

Дни Н.Гвоздицкого окончились трагично. 22 мая 1938 г. 84-летний, больной, он был арестован, 10 июня незаконно осужден «тройкой» Омского УНКВД и 16 июня расстрелян в Омске. Реабилитирован только в 1989 году⁵.

3. **Михаил Михайлович Голошубин**, последний настоятель собора дореволюционной эпохи, сын крестьянина, родился в 1870 г. В 1891 г., по окончании полного курса учения в Тобольской духовной семинарии, поступил на службу псаломщика к градо-Тюменской Единоверческой церкви; в сентябре того же года рукоположен во диакона к градо-Тюкалинской Троицкой церкви, а через пять дней – во священника к церкви села Прокуткинского Ишимского уезда; в октябре же – перемещен к село-Карташевской Казанской церкви, где состоял также заведующим и законоучителем церковно-приходской школы. В 1914 г. был перемещен на место настоятеля градо-Ишимского Богоявленского собора, с назначением благочинным. Состоял также законоучителем I-го приходского училища и женского высшего начального училища г.Ишима; был избран в Ишимское духовное правление.

В 1896 г. о.Михаил был награжден набедренником, в 1900 – скуфьей, в 1904 – наперсным крестом; также – серебряной медалью на Александровской ленте, орденом Св. Анны 2 и 3 степеней. В 1913 г. возведен в сан протоиерея.

В семье у него в 1916 г. были: жена Фекла Федоровна; дети – Сергей, студент университета; Михаил, прапорщик в действующей армии; Таисия, учительница в цер-

ковно-приходской школе; Николай, ученик Ишимской мужской гимназии; Елизавета, ученица Ишимской женской гимназии; Всеволод и Мария.

В 1919 г., в колчаковский период истории, прот. М. Голошубин был избран гласным городской думы⁶. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Завершая нашу статью, перечислим имена тех священнослужителей собора (с 1870-х гг.), о которых мы не смогли рассказать более подробно. Это настоятели собора, протоиереи Иоанн Кузнецов (с 1899 г.), Николай Зеленцов (в 1908 г.), Виктор Калугин (с 1909 г.); священники Киприан Петухов, Петр Троицкий, Петр Овчинкин, Николай Покровский, Владимир Клюев (также погибший в 1937 г.); диаконы Философ Наумов, Дмитрий Трисвятский, Петр Меркурьев, Александр Аргентовский, Евангел Сивиллов, Николай Рождественский, Матвей Безсонов, Дмитрий Серых, Александр Селоустьев. Вечная им память.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАТО, ф. И-12 «Ишимский Богоявленский собор». В составе фонда – подлинная «Грамота Архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама об окончании строительства Богоявленского собора в городе Ишиме и о разрешении начать в нем богослужение», клировые ведомости, исповедные росписи, решения Ишимского духовного правления и пр. Для настоящей статьи использованы: оп. 1, ед.хр. 20, 22, 23.

2. Там же, ед.хр. 9, л. 1.

3. Фролов Л.В. Сердце исторического Ишима // «Ишимский купец». – 1999. - № 34.

4. С 1895 г. Ишимский церковный округ относится уже не к Тобольской, а к Омской епархии.

5. Книга расстрелянных. В 2-х тт. Т.1. (Сост. Р.С.Гольдберг). – Тюмень, 1999. – С. 323.

6. ГАТО, ф. И-9, оп. 1, ед.хр. 2, л. 117.

Л.В.ФРОЛОВ

Царский поезд на станции Ишим

*...Тянутся лентой деревья
Морем уходят снега.
Грустные наши кочевья
Кончат винтовки врага,
Или сыпные бациллы,
Или надтреснутый лед,
Вьюга засыплет могилы
И панихиду поет...*

Это стихотворение приписывают белогвардейскому офицеру, поэту Георгию Маслову, умершему от тифа в Новониколаевске (Новосибирске) холодной зимой 1919 года...

К этому времени Белая гвардия стремительно откатывалась на восток под натиском красных отрядов и партизан. Уже минуло полтора года после убийства царской семьи. В стихотворении Маслова, как мне кажется, очень верно отражена суть великой русской национальной трагедии, именуемой «гражданской войной», разразившейся на бескрайних просторах Сибири. Страшные события 1918-1919 гг., к сожалению, не обошли стороной наш город Ишим. И на мой взгляд, первым «актом», своеобразным предвестником этой поистине вселенской трагедии как раз и стал проход через станцию Ишим в апреле 1918 года поезда, в котором находились царь Николай II (уже низложенный) и члены его семьи... Факт этот по-прежнему остается малоизвестным, несмотря на то, что события последних лет (погребение т.н. «цар-

ских останков») в значительной мере всколыхнули интерес общественности к биографии царской семьи, и, в частности, к месяцам ее сибирской ссылки.

Злодейское убийство царской семьи, как известно, произошло в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года в доме Н.Н.Ипатьева. Кстати, вопреки распространенному мнению, Ипатьев вовсе не был купцом. На самом деле Н.Н.Ипатьев был инженером-транспортником, ранее работал на строительстве Транссибирской магистрали, а затем принимал участие в постройке нашей железной дороги Тюмень-Омск в 1909–1913 гг. Здесь Ипатьев сооружал мосты и трубы. К этому же времени относится и постройка им для себя дома в Екатеринбурге, где впоследствии и была расстреляна царская семья.

Войска Белой Сибирской армии и чешские легионы освободили Екатеринбург от большевиков 25 июля 1918 г. – ровно через неделю, как свершилось ужасное преступление. Гражданская война полыхала к тому времени на громадных просторах Европейской и Азиатской России. Менялись правительства, перекраивались территории. Когда в ноябре 1918 г. к власти пришел Верховный правитель адмирал Колчак, то он возложил расследование убийства царской семьи на следователя по особо важным делам Омского окружного суда Н.Соколова.

Об этой личности хотелось бы рассказать более подробно. Николай Алексеевич Соколов родился в 1882 г. в Пензенской губернии. По рождению он был близок простому народу. Юридическое образование получил в Харькове, вернулся на родину, пользовался авторитетом не только в профессиональных кругах, но и в народной среде Пензенской губернии, которая его хорошо знала и любила.

После революции, переодевшись крестьянином, Соколов пробрался в Сибирь. Свой долг он видел только в служении Белому движению. Расследование убийства царской семьи стало главным делом жизни Н. Соколова. Ему удалось собрать громадный материал не только о самом преступлении, но и о последних месяцах жизни царской семьи в Сибири. Свою работу следователь продолжал «до последней минуты», когда красные отряды уже снова занимали Екатеринбург в июле 1919 г. Затем Соколов проделал длинный и опасный путь через всю Сибирь для спасения собранного материала.

После гибели Колчака Соколову удалось выбраться в Европу. Здесь Николай Алексеевич решил сам от своего имени огласить истину, сказать людям правду об убийстве царя и его семьи, несмотря на то, что тогда факт смерти Государя был для некоторых невыгоден по политическим соображениям. Результатом явился труд под названием «Убийство Царской семьи» - сборник собранных Соколовым документальных данных, относящихся к 17 июля 1918 г. В этом отношении книга Соколова до сих пор считается непревзойденной. Она была сдана в печать самим автором, но вышла в свет только в 1925 г. после его безвременной кончины. Н.А.Соколов умер в результате тяжелой болезни 23 ноября 1924 г. во Франции. Надпись на его могиле на кладбище Сальбри гласит: «Правда твоя - Правда во веки».

Б 1991 г. книга «Убийство Царской семьи» вышла в Советском Союзе. При подготовке данной статьи автор воспользовался некоторыми материалами из этой книги.

Напомню кратко, как сложилась судьба царской семьи после Февральской революции. После отречения Николая II от престола, он и императрица согласно постановлению Временного правительства от 20 марта 1917 года были арестованы. Государь и его семья находились под строгой охраной в Царском Селе.

Затем было принято решение перевести Августейшую семью в Тобольск. Это диктовалось целым рядом обстоятельств. В Петербурге обострялась борьба Временного правительства с большевиками. Безопасность семьи никто не брался гарантировать. Нарастали беспорядки. Удаляя царскую семью, Временное правительство укрепляло тем самым и свое собственное положение, свой авторитет. В Сибири же тогда было относительно спокойно. И еще один мотив: «холодная Сибирь - тот край, куда некогда ссылались другие». До Тюмени ехали поездом. 19 августа 1917 г. на пароходе «Русь» царская семья прибыла в Тобольск...

Семью поселили в бывшем губернаторском доме. Этот двухэтажный дом был теплый, светлый. Посланцев «Центра» в Тобольске не было. Царь и его семейство пользовались в городе относительной свободой. По некоторым данным бывали они даже и в окрестностях Тобольска - в Абалакском и Ивановском монастырях, чтобы поклониться местным православным святыням. Многие солдаты из охраны относились к царской семье хорошо. Так продолжалось до апреля 1918 года. После этого уклад жизни царской семьи в Тобольске начал постепенно меняться в худшую сторону. Главная причина - «большевистский переворот в Центре» (октябрь 1917 г.) В Тобольске солдаты перестали выполнять приказы офицеров. Недовольство усугублялось еще и тем, что «нижние чины» месяцами не получали жалования, обещанного правительством Керенского. И все же в Тобольске еще держалась «старая власть», в то время как в Центре России уже установилась власть «новая».

Основные события, в результате которых царский поезд двинулся в сторону Ишима, произошли в Тобольске 22-26 апреля 1918 г. 22 апреля по требованию революционно настроенных солдат из охраны царской семьи в Тобольск из Центра прибыл комиссар. Им оказался В.В.Яковлев. Даже сейчас, по прошествии 80 лет, Василий Васильевич Яковлев остается для историков фигурой загадочной. При нем был отряд красноармейцев в 150 человек и даже «свой» особый телеграфист. Все документы Яковлева были в порядке, каждый имел подпись Свердлова. Согласно этим документам на Яковлева возлагалось «поручение особой важности» (хотя и непонятно, какое). Яковлеву умело удалось нейтрализовать воинственно настроенных солдат из царской охраны и даже войти к ним в доверие.

Между тем, обстановка в Тобольске постепенно накалялась. В феврале 1918 года большевики надежно укрепились в Омске («столице Западной Сибири») и в Екатеринбурге. Глухой захолустный Тобольск еще целых четыре месяца продолжал жить «своей жизнью». Но с марта и здесь появились большевистские комиссары. Началось постепенное установление Советской власти, к счастью - мирным путем. «Комиссар» Яковлев установил нормальные отношения с местным Совдепом. Но в город продолжали прибывать красногвардейские отряды.

25 апреля Яковлев объявил солдатам и офицерам охраны, что он имеет приказ увезти царскую семью из Тобольска. Позднее он сообщил об этом Государю. Вопрос, куда предстояло ехать - конкретно не обсуждался. Но по показаниям свидетелей Яковлев очень торопился сам и торопил других. Его основная мысль была: как можно быстрее уехать из Тобольска. Наследник-цесаревич Алексей Николаевич был в то время тяжело болен и ехать не мог. Семья категорически отказывалась разлучаться. Но на семейном совете 25-26 апреля 1918 г. было решено, что с Яковлевым все же поедут царь, царица и одна из дочерей - Мария Николаевна. За остальными членами семейства Яковлев обещал вернуться в самое ближайшее время. Почему же столь сплоченная, спаянная неразрывными узами царская семья решилась на такой крайний шаг - разлуку, за которой стояла неизвестность? Дело, видимо, в том, что царь и царица целиком доверяли Яковлеву, прониклись к нему симпатией, считали «порядочным человеком». В тот период семья еще не была в плену у большевиков и, казалось, что их жизни пока серьезно ничто не угрожает.

Что касается самого «комиссара» Яковлева, Соколов признает, что так и не смог разрешить вопроса, кто же был В.В.Яковлев на самом деле и даже каково было его истинное имя... Все видели в нем человека интеллигентного. Он знал французский и, возможно, немецкий и английский языки. Долго жил за границей. Соколов считает, что Яковлев был «враждебен целям большевиков». Он был посланцем иной, «небольшевистской силы» и пытался увезти царя не в Екатеринбург, а через Омск - в Европейскую Россию. Попытка имела явно политическую цель. Зачем и кому все это было нужно? История пока на сей счет молчит. Сам же Николай II считал, что это необходимо было немцам - попытаться восстановить в России монархию, зак-

лючить с ней соглашение (наподобие грядущего «Брестского мира»), а затем, используя ресурсы России, продолжить войну с Англией, Францией и их союзниками на Западе. Так ли это было на самом деле?

Известно, что осенью 1918 г. Яковлев пытался вступить в Белую Армию. Но белые ему не поверили, арестовали. Яковлев попал в Омскую белую контрразведку, да еще к бывшему офицеру австрийской армии, плохо говорившему по-русски. Здесь он и пропал бесследно...

Итак, рано утром 26 апреля Царь, Царица и Великая Княжна Мария выехали на лошадях из Тобольска. С ними было совсем небольшое количество прислуги и часть вооруженного отряда Яковлева. Ближайшим пунктом назначения была Тюмень (от Тобольска 285 верст). По пути миновали большие села Иевлево и Покровское. 27 апреля в 9 вечера прибыли в Тюмень. Отсюда лежало два пути в Европейскую Россию: ближайший - через Екатеринбург. И окружной, отдаленный - через Ишим, Омск, Петропавловск, Курган, Челябинск, Самару. Что же произошло дальше? Об этом рассказали солдаты тобольского отряда Яковлева, которые вернулись в Тобольск из Екатеринбурга 8 мая 1918 года. К этому времени царская семья уже была в плену у большевиков.

Вечером 27 апреля Яковлев без всякого промедления повез царскую семью в специальном поезде на запад, то есть в Екатеринбург. Но в дороге выяснилось, что в Екатеринбурге царский поезд будет задержан, а Яковлев уже объявлен вне закона за попытку увезти царя. Тогда царский поезд вернулся снова в Тюмень и отсюда двинулся на восток - на Омск.

Известно, что Государь ехал в вагоне I класса Самаро-Златоустовской железной дороги № 42. Царь находился в отдельном купе: в дороге Яковлев отделил его от императрицы. Свидетели указывают, что Яковлев был почтителен к Николаю II. Они часто говорили о политике, спорили между собой. «Государь не бранил большевиков».

В 1989 г. опубликованы дневники Николая II. Они носят глубоко личный камерный характер. Здесь читатель не найдет размышлений о политике и тому подобных вещей. Обратимся же к этим строкам (даты указаны везде по старому стилю).

«14 апреля. Суббота. Прибыли в Тюмень в девять с четвертью при красивой луне с целым эскадром, окружавшим наши повозки при въезде в город. Приятно было попасть в поезд, хотя и не очень чистый... Легли спать в 10 часов, не раздеваясь...»

И вот наконец 15 (28) апреля - воскресенье.

«Все выспались основательно. По названиям станций догадались, что едем по направлению на Омск»

Какие же станции увидели царственные узники? Ялуторовск? Заводоуковскую? Новую Заимку? Ответа в дневниках не содержится. Читаем далее:

«Начали догадываться: куда нас повезут после Омска? На Москву или на Владивосток? Комиссары, конечно, ничего не говорили... Обедали на остановке на станции Вагай в 11 часов. Очень вкусно...»

Мне доводилось бывать на станции Вагай. Это самая крупная станция между Тюменью и Ишимом. Такой же большой, как и в Ишиме вокзал, только у него с «городской стороны» сохранился деревянный тамбур в стиле «модерн». Сохранилось немало краснокирпичных домов, тоже в стиле «модерн», выстроенных рядами и в «каре», две высокие водонапорные башни - тоже из красного кирпича, «оборотное депо»... Одним словом, большая станция 3-го типа, как и станция Ишим. Но Вагай, в отличие от Ишима, так и остался небольшим рабочим поселком.

Я пытался даже представить, как происходил вышеупомянутый обед. Возможно, его подали прямо в вагон. А возможно, он состоялся в здании вокзала, где вероятно был развернут (как и на любой крупной станции) «пункт питания для раненых воинов». Сохранилась фотография такого «пункта», развернутого на Ишимском вокзале (см. книгу «Ишим далекий - близкий»).

А затем - снова в путь - на восток. Учитывая скорость локомотивов того времени и остановки для дозаправки паровоза водой, с уверенностью можно предположить, что через 4-5 часов, то есть к вечеру того же дня 28 апреля 1918 года, царский поезд прибыл на ст.Ишим.

Ишим в дневниках Николая II не упомянут. Вот что пишет царь после остановки на ст.Вагай.

«На станциях завешивали окна, так как по случаю праздника народу было много.»

Действительно, 15 (28) апреля церковь отмечала один из самых главных своих праздников - Вход Господень в Иерусалим (т.н. «Вербное воскресенье»)

«После холодной закуски с чаем спать легли рано. 16 апреля. Понедельник. Утром заметили, что едем обратно. Оказалось, что в Омске нас не захотели пропустить! Зато нам было свободнее, даже гуляли два раза, первый раз вдоль поезда, а второй - довольно далеко в поле...»

Вот и все. В царских дневниках больше нет ни одной строчки, повествующей о вынужденном путешествии Государя по Тюмень-Омской железной дороге. Всего лишь несколько скупых строк дневниковых записей, но сколько фактов и событий незримо уместилось на самом деле между ними! Постараюсь изложить их по порядку. Останавливался ли царский поезд на станции Ишим? Уверен, что да. И вот почему. Ишим и Вагай разделяют около 150 км. В то время на крупных станциях всегда строились установки для дозаправки водой паровозов - т.н. «гидрокраны» или «гидроколонки». Вода к ним подавалась с водонапорных башен - попросту с «водокачек». Следующая за Вагаем большая станция - Голышманово. В то время она носила и другое весьма неблагозвучное название - Катышка. В Голышманово до сих пор сохранилась внушительная водонапорная башня, такая же, как в Ишиме, и к тому же украшенная белой каменной доской с изображением эмблемы ж.д. транспорта и годом сооружения - 1912. Вероятно, после Вагай следующая дозаправка водой паровоза происходила именно здесь.

От Катышки до Ишима - еще 70 км. Без остановки в Ишиме для пополнения запасов воды обойтись было нельзя. Попытаемся представить, как это было. На станции Ишим высится старинная «водокачка» и даже сохранилось несколько гидроколонок. Одна из них находится к востоку от вокзала, между 1 и 2-м «пассажирскими» путями, наискосок, от нового 4-х этажного административно-бытового корпуса станции. Только тогда на его месте стоял большой одноэтажный деревянный дом на высоком фундаменте из тесаных гранитных блоков, с высокой крышей (снесен в 80-е годы). Сама гидроколонка частично была демонтирована в 1984 г. при электрификации железной дороги. Но основание ее хорошо сохранилось. Скорее всего, здесь и остановился паровоз царского поезда, а ближе к вокзалу - шесть составлявших его вагонов.

Сам Ишимский вокзал в то время был еще «новостройкой». Тогда был он краснокирпичный как и все окружающие его железнодорожные дома, расположенные по обе стороны полотна железной дороги. Со стороны перрона на здании вокзала висел медный колокол (его можно было видеть здесь еще в 60-е гг.). На фотографии 10-х гг. видно, что перрон имел деревянные ограждения, а вдоль перрона стояли фонари характерной многогранной формы на невысоких столбиках... Что касается загрузки паровоза углем (дровами?), то на этот счет у автора сведений нет. Известно, что в Вагае и в Ишиме в свое время были «угольные горки». Неизвестно, как долго простоял царский поезд на ст.Ишим. Охрана в таких случаях отвечала любопытствующим, что едет «иностранный миссия».

И снова в путь - дальше на восток. Царский поезд прогрохотал по мосту через реку Ишим. Справа, у подножия Лысой горы промелькнула кирпичная путейская казарма (она и поныне стоит здесь). Стальной путь обступили леса, болота. Мелькают станции - Маслянская, Новоандреевская, Мангут (самый восточный населенный пункт Ишимского уезда).

По мнению советского исследователя М.Касвинова, автора крайне тенденциоз-

ной книги «23 ступени вниз», царский поезд в своем движении на восток достиг станции Любинская. Н.Соколов в ходе своего расследования установил, что поезд с царской семьей был остановлен и окружен красными позднее - только на станции Куломзино. Ныне это ст.Карбышево, в пределах левобережного района современного Омска. Омск уже был уведомлен Екатеринбургом, что Яковлев объявлен вне закона за попытку «увезти царя за границу». Тогда Яковлев отцепил паровоз, один поехал в Омск, пытался договориться по телефону с ЦИКом, но безуспешно, откуда поступил приказ: ехать через Тюмень в Екатеринбург.

Вот так, глубокой ночью или уже под утро, царский поезд снова проследовал через Ишим, но уже в обратном направлении. Пассажиры все это время мирно спали. Из дневников Николая II:

«17 апреля, вторник. Тоже чудный теплый день. В 8.40 прибыли в Екатеринбург...»

Поезд тут же был окружен большим хорошо вооруженным отрядом красноармейцев. Государь был задержан. Солдаты Яковлева (ошибка «комиссара» Яковлева состояла в том, что он взял их с собой немного) были поодиночке разоружены и заключены под стражу. Все это произошло 30 апреля. Яковлев отправился в Со-вдеп, «пытался бороться, но безуспешно, вернулся в поезд расстроенный». Оставшись один, Яковлев уехал в Москву. Оттуда телеграфировал в Тобольск о «сдаче полномочий». Солдаты его разбрелись кто куда. Часть из них вернулась в Тобольск.

До трагической гибели царской семьи оставалось всего около 2-х месяцев. Она наконец воссоединилась 23 мая, когда в Екатеринбург из Тобольска привезли царских детей. Дальнейшее всем хорошо известно. Добавлю только то, что Н.А.Соколов после долгих лет напряженной работы первый пришел к выводу, что злодейское убийство царской семьи было задумано и решено не в Екатеринбурге, а в Москве - руководителями партии и советского государства.

Уже во время работы над данной статьей выяснилось, что проход царского поезда через Ишим не остался незамеченным для наших сограждан. Автору был передан (в устной форме) рассказ очевидца этого немаловажного события. А произошло это так. Мне позвонила женщина, бывший работник «Союзпечати». При встрече Полина Харитоновна Иванова, находящаяся сейчас на пенсии, поведала интересную историю, которая передается в их семье из поколения в поколение как своеобразное семейное предание.

Муж Полины Харитоновны - Николай Константинович Иванов, в свое время был известным в Ишиме учителем истории. Но речь пойдет не о нем, а об его отце - Константине Ивановиче Иванове - свекре Полины Харитоновны. Константин Иванович, согласно документам, родился в 1891 году, Он не знал ни своего отца, ни матери: кто-то принес и сдал ребенка в детский дом (по тем временам - в «приют»), вместе с запиской «Константин. 3 месяца». Когда Косте исполнилось 8 лет, его и еще двух детей взял к себе домой из приюта один человек, у которого уже было пять своих детей. Поступок этого человека по-видимому объяснялся материальной заинтересованностью - согласно царскому указу за каждого взятого из приюта «приемыша» государство платило по 25 рублей.

Жили они все в городе Луга - неподалеку от С-Петербурга. Семья бала дружная, к приемным детям отец относился хорошо. В 1912 году Константина призвали на службу в армию. Войсковой писарь записал новобранца Ивановым, так как выяснилось, что у парня из приюта не оказалось фамилии. Армейская служба Константина Иванова продолжалась пять лет. Служить ему довелось в столице - С-Петербурге. Три месяца стрелковая рота, где служил Иванов, несла охрану Зимнего дворца. Несколько раз Константину удалось увидеть самого Государя Императора Николая II.

20 декабря 1917 года Константин Иванов был «уволен» с воинской службы. В дом приемного родителя возвращаться не захотелось. Сел тогда солдат в поезд и поехал по необъятной матушке-России. А времена надвигались тревожные, страшные... Доехал Константин Иванов до Ишима и решил здесь остаться. Устроился ра-

ботать на железную дорогу. В марте 1918 года стал «официальным» железнодорожником - в должности «рабочего пути» 2-й дистанции Омской железной дороги. Этой же весной 1918 года и довелось молодому путейцу увидеть царский поезд на станции Ишим. Сам Константин Иванович рассказывал об этом так: «Поезд стоял долго. Много было народу, но на перрон никого не пускали. Перрон был пустой». Таким образом, ишимские граждане откуда-то узнали о прохождении царского поезда. Возможно, об этом телеграфировали по всей линии из Екатеринбурга, Омска, Тюмени? Весть моментально разнеслась по относительно небольшой тогда станции Ишим...

Перрон оцепили. Тогда Константин взял молоток с длинной ручкой и на свой страх и риск двинулся вдоль состава, изображая осмотрщика пути. В одном из окон он вдруг неожиданно увидел царя. Николай II стоял у окна и, как показалось рабочему, равнодушно смотрел на перрон. На какое-то мгновение они встретились взглядами. По тому, как царь подался вперед, молодому путейцу показалось, что государь «узнал его», памятуя службу при Зимнем дворце. Подошел милиционер: «Что стоишь?» «Хожу, осматриваю линию», — ответил Константин. И пошел с молотком дальше вдоль состава. Кто-то задернул шторы окна, где только-что стоял царь...

Вот что поведал своим домашним очевидец прохода царского поезда через станцию Ишим. Добавлю, что эта история, конечно же, не относилась к числу тех, которые в не очень отдаленные времена можно было рассказывать открыто. Сам К.И.Иванов всю оставшуюся жизнь проработал на ж.д. транспорте в службе пути. Стал старшим рабочим, затем бригадиром, инспектором по качеству ремонта пути. Скончался в 1944 году. Трагическая история гибели царской семьи и в дальнейшем неожиданно оказалась связанной с нашим городом Ишимом.

Как известно, следователь по особо Важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколов приступил к расследованию злодейского убийства царской семьи согласно приказу адмирала Колчака 7 февраля 1919 года. Следователь осознавал всю важность предстоящей работы и колоссальную меру ответственности перед Россией и ее народом. В стране полыхала братоубийственная гражданская война. В июле 1919 г. красные отряды уже снова подступали к Екатеринбургу. К тому времени Н.Соколову удалось собрать на месте преступления - в Ипатьевском доме и у рудника «Четырех братьев» (где были уничтожены останки мучеников) значительный следственный материал. В своей книге «Убийство царской семьи» Н.Соколов пишет: «Я осматривал рудник и окружающую его местность с 23 мая по 17 июня 1919 года».

По приказу адмирала Колчака здесь с 6 по 10 июля 1919 г. проводились раскопки. В июле (т.е. через год) красные подошли вплотную к Екатеринбургу. Соколову как известно удалось спастись и вывезти весь собранный материал. Но на этом работа неутомимого следователя далеко не оказалась законченной.

Гражданская война буквально разбросала людей - свидетелей и просто лиц, имевших косвенное отношение к страшному преступлению по всей Сибири и далее - по всему миру. В своей книге Соколов прямо указывает, что следственную работу он продолжил и в других городах Сибири, Дальнего Востока и Западной Европы - в Омске, Чите, Харбине, Париже... Среди упомянутых пяти городов совершенно неожиданно оказался и наш Ишим.

Н.Соколов пишет об Ишиме дважды. В период с 4 по 7 августа 1919 г. следователь допросил в нашем городе 5 человек, которых он именует «свидетелями». Это были простые люди, крестьяне из села Коптяки и местный лесничий. Коптяки – ближайший населенный пункт от страшного рудника «Четырех братьев», где 18-19 июля 1918 г. происходило уничтожение тел убитых в Ипатьевском доме.

Как известно, 25 июля 1918 года большевики оставили Екатеринбург. До этого движение по коптяковской дороге было перекрыто, местность оцеплена, и все последние дни на руднике были слышны разрывы гранат....

Допрошенные Соколовым в Ишиме лесничий В.Редников и крестьяне Н.Божов,

А.Зудихин, И.Зубрицкий и Н.Тетенов пришли к руднику одними из первых, после совершенного здесь преступления – вечером 28 июля 1918 г. Сюда же они вернулись на следующий день 29 июля, «исследовали и дорожку к руднику, и самый рудник». Лесничий и крестьяне прежде всего обратили внимание на следы нескольких автомобилей. Следы доходили до самой открытой шахты и здесь кончались. «Много молодых деревьев было вывернуто вдоль колеи дороги». Видели крестьяне и место, где один из автомобилей сорвался в придорожную яму. Они первыми обнаружили и следы двух больших костров... Таким образом, в Ишиме свидетели полностью подтвердили факты, ранее установленные следствием.

Немногим ранее, 22 июля 1919 года в Ишиме Н.Соколовым был допрошен еще один свидетель – инженер В.С.Котенев. 18 июля 1918 года он ехал из Екатеринбурга в Коптяки. Его не пропустили у переезда. Здесь же Котенев увидел автомобиль, на котором стоял «железный бочонок от бензина на 10-11 пудов». К этому времени Н.Соколов уже знал от ряда свидетелей, что 18-19 июля 1918 г. к руднику возили серную кислоту и бензин...

Где конкретно в нашем городе, в каком месте Н.Соколов вел допросы вышеупомянутых людей? Может быть, в здании Городской Управы (Госбанк)? Или в помещении Окружного суда (местонахождение которого пока неизвестно)? А может быть, это происходило в Гостиничных номерах по ул.Большеникольской? История пока только ждет ответы на эти вопросы.

Так или иначе, наш город в свое время имел прямое отношение к расследованию одного из самых страшных преступлений XX века.

...За всю историю Русской Сибири, на нее никогда не ступала нога иностранного завоевателя. Зато во время гражданской войны, своей, русской кровью она напилась вдосталь. Вслед за гражданской войной, которая велась с невиданным ожесточением, на горизонте уже вставали кровавые сполохи восстания 1921 года...

...В Гольшманово в Привокзальном сквере стоит памятник на братской могиле красноармейцев, погибших в боях с белогвардейцами и белочехами в середине июня 1918 г...

Летом 1999 г. на станции Мангут один из старожилов показывал мне на здании старинного ж.д. вокзала якобы след от снаряда, выпущенного артиллерией белых, когда они вели наступление на станцию со стороны села Могильное...

«Восточный фронт, еще недавно разбросанный на необозримых пространствах, сократился до узенькой полоски между Сибирской Трансмагистралью и Московским трактом. Белые отходили..., оставляя на своем вьюжном пути тысячи трупов. Умершие от тифа, от ран, замерзшие люди лежали в брошенных вагонах, в станционных залах, просто на перронах...» (А.Алдан-Семенов «Красные и белые»).

В Ишиме, в его окрестностях, на ж.д. станциях немало памятников, напоминавших нам о страшных годах гражданской войны. Расскажу только о некоторых, расположенных в районе станции Ишим.

К зданию ишимского вокзала лучше всего будет подойти с его восточной стороны. Именно эта часть старинного здания сохранилась до наших дней практически в неизменном виде. Здесь также видно, что вокзал построен как бы на большой ступени, возвышающей здание над уровнем земли. Так сооружены почти все вокзалы Тюмень-Омской железной дороги. Отсюда хорошо видна часть перрона, где, должно быть, и стоял царский поезд. Зимой, когда нет листвы, на противоположной стороне ж.д. полотна видна шеренга красных кирпичных домов. Ночью хорошо просматриваются их светящиеся окна. Кажется, ничего не изменилось за 80 минувших лет. Не видно только окутанных дымом и паром, пыхтящих и сипло гудящих паровозов, тянущих за собой составы таких же архаичных вагонов. Но такую картину представить нетрудно.

Правая сторона Привокзальной площади за десятки лет мало изменилась. Здесь, чуть поодаль от вокзала стоят два краснокирпичных одноэтажных дома периода постройки железной дороги (1912 г.). В одном из них («дом МПС № 6») вероятно

жило местное ж.д. начальство. Это можно предположить потому, что дом меньше других, и в нем даже сохранились некоторые элементы благоустройства дореволюционной эпохи. Соседний «дом МПС № 5» (Привокзальная площадь, 19) значительно больше. Как установила ишимский краевед М.А.Бровко, в этом доме накануне революции тайно собирался «рабочий кружок». Станционные рабочие изучали устройство оружия, учились обращаться с ним. У кружка был свой руководитель. Так шла подготовка к грядущим «классовым битвам».

Время не замедлило себя ждать.

Многим ишимцам знакомо здание по адресу Привокзальная площадь, 9, где расположена техническая библиотека ст.Ишим. Слева от входа в библиотеку – мемориальная доска. Надпись на ней гласит: «В этом здании работал первый ишимский железнодорожный райком большевиков XII – 1917 г.».

Трехэтажное здание воспринимается как достаточно типичное для архитектуры 60-х годов, но никак не начала века. Дело в том, что на этом месте до середины 50-х годов стоял большой краснокирпичный одноэтажный ж.д. дом в стиле «модерн». Он и еще три таких же дома составляли целый ряд по левую сторону от вокзала. В 50-е годы дом надстроили до трех этажей, при этом все приметы стиля «модерн» (лучковые фронтоны, декор, вертикальные и горизонтальные пояса) были уничтожены. В результате получилось невыразительное даже по тем временам строение. Мемориальная доска появилась на здании уже в 70-е годы XX века. Конечно же, трудно представить, что здесь когда-то находился штаб ишимских революционеров.

На противоположной стороне железнодорожного полотна находится большой сквер. В северо-западной его части, напротив административного здания дистанции пути, в металлической ограде стоит обелиск с пятиконечной звездой. На нем можно прочесть надпись: «Здесь похоронены расстрелянные в 1918-1919 гг. венгры-интернационалисты и железнодорожники г.Ишима». Автору неизвестны подробности этой трагедии и время установки памятника. Но обращает на себя внимание упоминание в числе похороненных «венгров-интернационалистов». Как они оказались здесь и почему сложили свои головы в далекой сибирской глуши? Думаю, что на этот вопрос можно ответить так.

В годы первой мировой войны на западном фронте Россия воевала с Германией и ее союзницей – Австро-Венгрией (Империей Габсбургов). Австро-Венгерская монархия была многонациональным государством. Многие служившие в ее армии славяне (чехи и словаки) симпатизировали России и нередко в ходе войны переходили на сторону русских. Венгры же напротив хранили верность короне Габсбургов. Чехов и словаков, желавших помочь России, переправляли в специальные лагеря в глубь страны – на Украину, на Волгу. Огромное количество чехов, словаков и венгров оказалось в русском плену после крупного наступления русской армии, известного в истории как «Брусилловский прорыв» (1916).

Выдающийся чешский писатель Ярослав Гашек в своем знаменитом антимилитаристском романе «Приключения бравого солдата Швейка» немало пишет о неприязни и вражде, которую питали друг к другу венгры и чехи, - военнослужащие одной и той же армии. Теперь они вместе оказались в одних и тех же лагерях для военнопленных в России, слушали здесь речи разного рода «революционных агитаторов». Россия шла к революции. И когда революция разразилась, то чехи в основной своей массе поддержали белых, а венгры встали на сторону красных. Былая вражда проявилась и на чуждой для тех и для других земле.

Весной 1918 г. восставший чехословацкий корпус захватил всю Транссибирскую ж.д. магистраль от Пензы до Владивостока, затем действовал вместе с армией А.В.Колчака. Венгры в немалом числе пошли в Красную Армию. Кстати, в Красной армии служил и сам Я.Гашек, будучи по национальности чехом. Вот так, в далекой холодной Сибири сошлись в смертельной схватке представители не только русского, но и других народов. Одни мечтали о «мировой революции», другие считали, что помогают «свободной России».

Территория у братской могилы содержится в порядке силами работников дистанции пути. Раньше обелиск хорошо просматривался с железной дороги. Сейчас он скрыт разросшимся сквером.

Отсюда же начинается «линия» из семи кирпичных зданий периода постройки железной дороги. Безмолвные свидетели прошлого, почти все они хорошо сохранились.

Больше 80 лет минуло с того дня, когда через нашу станцию прошел царский поезд. Публика, желавшая увидеть его и вышедшая на перрон, должно быть и не подозревала, предвестником каких роковых событий для страны станет этот поезд, и о том, в какую бездну рухнет Россия через считанные месяцы после этого.

Теперь все это – далекая История.

Напомню мысль, которую считаю правильной. В гражданской войне не бывает правых и виноватых. У гражданской войны не может быть героев. У гражданской войны могут быть только жертвы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. – М., 1991.
2. Дневник Николая II // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма. – М., 1989.
3. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. – М., 1987.

В.П.ПЕТРОВА, Н.Л.ПРОСКУРЯКОВА

Из истории боевых действий Красной Армии при подавлении крестьянского восстания в Тюменской губернии

В 1921 г. в Западной Сибири произошло крупнейшее вооруженное выступление крестьян против коммунистов. Тюменская губерния стала одним из основных районов восстания. Долгие годы эти события назывались кулацко-эсеровским мятежом. За последнее десятилетие события 1921 г. в Тюменской губернии стали характеризоваться как крестьянское восстание, одно из многих в России в 1917-1922 гг., когда в ходе гражданской войны шла ожесточенная борьба за власть между большевиками и их противниками. Возможности для более объективного рассмотрения этой проблемы предоставились лишь в последние годы, когда стали доступны для исследователей многие документы, хранившиеся под грифом секретности.

Политика, проводимая большевиками в период военного коммунизма, еще больше ухудшила положение сибирского крестьянства. Недовольство крестьян проразверсткой, методами ее проведения обострилось осенью 1920 г., когда в Ишимском уезде начались неповиновения властям, нападения на милиционеров и продработников. Большевицкая диктатура вызвала у крестьян ненависть ко всему, что связано со словом «коммунист», «коммуна». В конце января – начале февраля в Ишимском и Ялуторовском уездах началось восстание, которое быстро охватило всю губернию. Партийные, советские, военные организации губернии оказались неспособны остановить братоубийственную войну. Повсеместно началась расправа с коммунистами, коммунарами, продработниками, милиционерами, красноармейцами, учителями, а также с их семьями. Восставшие перекрыли железнодорожное сообщение Сибири с центром страны.

В ходе восстания в деревнях и селах создавались сельские штабы, формировались отряды крестьян из добровольцев или мобилизованных. Волостные штабы взяли на себя проведение мобилизации, изъятие и изготовление оружия, охрану сел. Отдельные отряды объединялись в более крупные соединения, которые назывались народной армией. Повстанцы пытались захватить Ишим, но это им не удалось.

Крестьянское восстание в Сибири по своему размаху представляло серьезную опасность для правящей партии. Руководство страны направило все усилия на по-

давление восстания. На территории губернии с 6 февраля вводилось военное положение, были проведены мобилизации коммунистов и комсомольцев, но этих сил было недостаточно. В губернию были направлены регулярные части Красной Армии, курсанты военных училищ, отряды ЧОНа (части особого назначения – прим. ред.). Штаб 85 бригады ВНУС (войска внутренней службы – прим. ред.) прибыл в Ишим 9 февраля 1921 г., когда восстание охватило все уезды губернии. Оперативное командование Ишимским участком поручалось командиру 85 бригады ВНУС Н.Н.Рахманову.

Предлагаем вниманию читателей сокращенный доклад комбрига Н.Н.Рахманова о действиях бригады на Ишимском участке в феврале-марте 1921 г. Документ хранится в Российском государственном военном архиве (РГВА) и публикуется впервые. Доклад предварялся замечанием «секретно», а копия его направлялась председателю Сибревкома. Документ отражает позицию одной стороны – правящей партии и военного командования, и освещает один из наиболее опасных периодов, когда судьба государства зависела от действий отрядов Красной Армии. Доклад Н.Н.Рахманова дает возможность выяснить время и место боевых операций, передвижение повстанцев, методы подавления повстанцев и многие другие вопросы, связанные с противостоянием крестьянства и советского государства в условиях гражданской войны.

Значительный объем доклада не позволяет опубликовать его полностью, поэтому в примечаниях оговорено содержание пропущенных разделов доклада. Текст доклада отпечатан на машинке, но потом сделана правка, исправлены некоторые ошибки, внесены новые слова, на полях есть примечания, но установить кем они сделаны невозможно, можно лишь предполагать, что изменения внесены рукой Н.Н.Рахманова.

Текст документа печатается в соответствии с действующими правилами орфографии, с сохранением стилистических особенностей подлинника.

Из доклада командира 85 бригады ВНУС Н.Н.Рахманова Помглавному¹ о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии с 10 февраля по 24 марта 1921 года

г.Омск

14 апреля 1921 г.

(...) Повстанческий пожар был настолько силен, что вовлек все крестьянство, включая и явных бедняков. Повстанцы поставили своей целью: свержение Советской (Коммунистической) власти. Выдвигались в различных местностях самые противоречивые политические лозунги, начиная от беспартийности советов и до приглашения Михаила Александровича², но неизменным оставалось требование уничтожения всех коммунистов.

Причины восстания. Одной из главных причин, в конечном счете вызвавшей восстание, безусловно является продовольственная разверстка (включительно: хлебная, мясная, шерстяная, масляная и пр.), самый факт которой был ненавистен собственническим инстинктам крестьянства и в психологии последнего представлялся грабежом казны. Это представление крестьянства усиливалось многими случаями недостойного поведения продотрядов, действовавших по изъятию разверсток, а именно: пьянством, побоями, непрерывными угрозами оружием и др. самочинными действиями, напоминающими поведение завоевателей в чужой стране (материал имеется в Сибревтрибунале)³.

Другой причиной послужили ошибки продовольственной политики, примером которых могут служить: шерстяная разверстка начала проводиться поздно осенью, вследствие чего остриженные овцы (в Гольшмановском районе) погибли от холода; в некоторых местностях в разверстку отбирался даже семенной хлеб, чем подрывались совершенно крестьянские хозяйства. Третьей причиной – гужевая повинность и лесозаготовительные работы, за которые крестьянство не получало даже фуража. При всем этом отсутствовала агитационно-разъяснительная работа лучшими силами, крестьянам не разъясняли зачем у них «отбирают» хлеб и скот⁴.

(...) **Лозунги восстания.** Восстание началось под разными лозунгами. В Кротовском районе было захвачено красное знамя с черным крестом и надписью: «Мы боремся за хлеб. Не гноите его в амбарах». В районе Армизонского – зеленое знамя (символизирующее зеленые поля) с белыми буквами (сибирские снега) «Долой Коммунизм»⁵. В районе Кусеряк захвачено трехцветное знамя (с... (неразборчиво) цветами), здесь и появилось требование князя Михаила Александровича к власти. Одним из первых лозунгов был «Да здравствует свободная торговля». В большинстве же чаще повторялись под разными вариантами лозунги «Долой коммунистов», «Да здравствуют беспартийные советы крестьянских депутатов», «Вся власть крестьянам» и т.п. Неизменным оставался лозунг, требовавший устранения от власти коммунистов и им пестрят все воззвания, флаги, сводки и приказы Штабов.⁶

(...) **Организаторы восстания.** Отсутствие при Полевом Штабе Ишимской группы особого отдела не дает в настоящем докладе возможности указания на определенных организаторов. Имеющийся в данное время материал поможет соответствующим органам восполнить настоящий пробел. Но и сейчас не подлежит никакому сомнению существование свободного подпольного центра, подготовлявшего восстание.⁷ Это неопровержимо доказывается однотипностью первого повстанческого аппарата, сразу возникшего по всей территории, охваченной повстанческим движением, а именно в Ишимском, Тобольском, Тюменском, Ялуторовском, Тюкалинском, Петропавловском уездах немедленно организовывались по одному типу сельские штабы. Этим доказывается существование на периферии агентов заговорщического центра, при первой вести о начавшемся восстании немедленно выполнивших ранее полученные директивы своего центра. Контингент зачинщиков состоял из попов, кулаков, лесничих, офицерства. Во многих случаях попы занимали активные должности в военных учреждениях, как-то начальников штабов и пр.

В Коротковском районе восстанием руководил (после убитый нашими частями) Коротков, сотрудник Ишимского увоенкомата по переписи лошадей. Видное участие в руководстве восстанием к югу от Ишима принимал сотрудник увоенкомата Атаманов Григорий, сын кулака д.Смирновой.⁸ В ишимском районе занимали активные должности многие лесничие Боровской и Юрьевской казенных лесных дач (Молотков, Чердынцев, Сергеев), а также офицерский состав Полестро.⁹ Последним принадлежит видное руководство восстанием в Голышмановском районе в лице Кирилла Петрова и Василия Волынского, после убитых повстанцами. Сотрудники Полестро (33) возводили укрепления (окопы, засеки, проволочное ограждение), научили баррикадировать и маскировать деревни, проводить телефоны, пользоваться телеграфом и пр. Они же руководили всеми операциями партизанских отрядов, в Голышмановском районе направляя их к жел. дороге.¹⁰

(...) **Ишимская армия.** Наиболее активная, многочисленная и вооруженная. Во главе ее сначала встал некий Таскаев, а затем был избран председателем от частей и штабов Гр.Атаманов, который занимал должность командарма с первой половины февраля по 23-24 февраля, затем был заподозрен повстанцами в измене и согласно постановления собрания представителей Уктузского, Петуховского, Песьяновского, отряда Губы-Орлова Ташлакова, 2 дивизии, Гогтева, отряда Холкина, Плотникова и Глущенко отстранен от должности и направлен под надзор в Уктузский Штаб. Атаманову очевидно удалось реабилитироваться, и он в конце февраля снова вступает в командование армией, причем на собрании от 4 марта представителей Огневского штаба, отрядов Орлова-Губы и войсковых частей Атаманову снова оказано было доверие и он снова избирается командармом, причем Атаманов взял гарантию, что все его приказы будут беспрекословно исполняться. Приказы командарма Атаманова распространялись на части, действующие в районе Локтинского, Травнинского, Пегановского, Бердюжского, Истошенского, Армизонского. (...) Общая численность Ишимской армии до 6000 человек, хорошо вооруженной пулеметами, винтовками и располагавшей 2 орудиями. Кроме того из состава Ишимской армии была выделена дивизия Бардакова на Петропавловское направление (Бардаков на

время нахождения Атаманова в Уктузе был Ишимским командармом), ко времени же окружения бандитов в кольцо дивизия же Бардакова снова примкнула к Ишимскому штабу. Ишимская армия имела главную задачу: занять г.Ишим, значение которого бандиты правильно оценили. Штаб армии находился в последнее время в д.Окунево. В состав армии, кроме добровольческих партизанских отрядов, составивших ее основу, и влитого исполнения возрастов от 18-45 лет, входили добровольцы Ситниковского, Усть-Ламенского и Голышмановского районов (в Ражевских частях). В местностях, близлежащих к ж/д и к г.Ишиму было мобилизовано все взрослое население, не исключая стариков. Так в д.Травное все мужчины под ружьем. Штабом была произведена мобилизация сапожников для работы на армию, шитье халатов для лыжных команд, поставлено в большом масштабе изготовление пик в сельских кузницах, имелась ружейная мастерская (с.Ражевское, а затем и д.Истошное и д.Бердюжское), где производилась починка шашек, револьверов, пулеметов, винтовок, дробовиков-оружия, изготовления для дробового оружия, трещотки для имитации пулеметных выстрелов и даже деревянные орудия.

Снабжение армии производилось отчасти из ссыпных пунктов и продконтор, причем люди получали по 3 фунта хлеба и (на фронте) по 1/4 фунта мяса. Против дезертирства принимались суровые меры вплоть до расстрела. Сотрудники Штаба в большинстве офицеры Полестро и из Боровского лесничества. Привлечены были учителя, псаломщики и попы, последние в большинстве занимались агитационной работой, писанием и распространением прокламаций. Много воззваний было обращено к красноармейцам. Штабом ежедневно выпускалась сводка, которая распространялась во все стороны через штабы и комендантов на местах, где обычно прочитывалась всему населению.¹¹

(...) **Действия частей на повстанческом фронте за период с 10 по 24 февраля 1921 г.** (обзор). Первая половина этого периода – борьба за г.Ишим и ж/д в сторону Омска и до ст.Голышманово. Бандиты группировались под г.Ишимом, имея намерение захватить город, а отдельные бандитские отряды с севера и юга от ж/д в районе Маслянская, ст.Карасульская, 37 разъезд, ст.Голышманово непрерывно портили ж/д полотно, разбирали и увозили рельсы, перепиливали телеграфные столбы, рвали телеграфные провода. Связь с действующими отрядами на линии ж/д прерывалась ежечасно, то в одном, то в другом направлении.

Бандитами в нескольких местах разобран путь на ст.Голышманово. Для обеспечения ж/д линии, возможности пользоваться последней для оперативных целей, 10 февраля из Ишима отправлен отряд под командой комполка 254 т.Черемных в составе 2-х рот полка, 1 роты 253 полка, полуэскадрона образцоотряда, одной бронеплощадки и 2 орудий «Маклена» с задачей пробить Голышмановскую пробку и повести наступление на ст.Вагай для установления ж/д сообщения в сторону Тюмени. Впереди отряда шел бронепоезд «Красный Сибиряк» с десантом 8 роты 253 полка и 2 пулеметами с начдивом т.Онуфриевым. После исправления в нескольких местах ж/д полотна и телеграфа, бронепоезд продвинулся за Карасульскую, откуда цепями поведено было наступление вдоль линии ж/д на Голышманово, по пути были выбиты бандиты из д.Воздвиженка.

Отряд прибыл на ст.Голышманово 11 февраля утром, по пути выдержав до 14 боев и столкновений с бандитскими отрядами. В тот же день бронепоезд «Красный Сибиряк» занял ст.Омутинскую и проследовал на ст.Вагай. Отряд Черемных для обеспечения ст.Голышманово дважды вел наступление на д.Зимино и д.Медведевское, где с юга и севера встретил упорное сопротивление¹² и занял 2 ротами указанные пункты 12 февраля. Главные силы и штаб бандитов находился в д.Голышманово. Дальнейшие действия отряда Черемных направлены на разгром бандитов в д.Голышманово, на обеспечение телеграфной связи и ж/д полотна в сторону Омска, так как бандиты непрерывно рвали проволоку телеграфа и разбирали полотно, чем вызвали крушение поезда с восстановительной колонной, а также дальнейшего продвижения в сторону Тюмени.

Бронепоезд «Красный Сибиряк» продвигался за Вагай. Связь имелась только до последнего и то с перерывами. За недостатком патронов ст.Вагай была отрезана бандитами, затем и разъезд № 31 и станция Омутинская также захвачены. Связь в сторону совсем прекратилась. Сведений о мостах, ж/д полотне, станции в Ялуторовске уже не поступало, бронепоезд проследовал в сторону Ялуторовска.

Первую половину периода пришлось потратить на обеспечение участка ж.д. Ишим-Голышманово. Постепенными действиями наших отрядов бандиты на всем протяжении этого участка оттеснялись от линии, занимались в обе стороны деревни, прилегающие к полосе, отрядами действовавшими со стан. и разъездов № 37, Карасульская, брались заложники из кулачества, ответственность за сохранность телеграфной линии возлагалась на население деревень, и в некоторых случаях крестьяне выходили на полотно и несли караулы.¹³

(...) К югу от ст.Ишим происходило сосредоточение бандитов, к которым все время прибывало пополнение из южных местностей. Перед бандитами стояла задача во что бы то ни стало захватить город. Сделанная ими попытка не увенчалась успехом. Влетевшая в центр города конница была немедленно обстреляна, расстроена и преследовалась конницей 181 полка ВНУС на юг по тракту, понесла большие потери. Охрану города взяли вооруженные члены Ишимской организации РКП(б), охрану ст.Ишим – 5 Коммунистическая рота. Город с южной стороны был укреплен проволочным заграждением, во всех направлениях выставлены заставы, караулы, посылались разведка и дозоры. Резерв в городе – 8 рота 254 полка. Имелось в городе кроме того 2 роты 253 полка, безоружных, красноармейцы этих рот при приезде в Ишим заявили, что «воевать не будут», происходят из околоточных волостей. На отбитых у бандитов лошадях была посажена пехота, которая вместе с кавалеристами взвода увоенкомата, 3 кавэскадрона и полуэскадрона оброчотряда ВВШ составила сводный эскадрон Помкомполка 181 ВНУС т.Лушников¹⁴, производила налеты и разведки в направлениях Локтинском и Ларихинском, имела ряд боев, нанесла бандитам сильные потери в Рошихе, д.Гагарушки, д.Клепиковской. Особенно сильное сопротивление бандиты оказывали в д.Травнинское; забаррикадирована боронами, сохами и пр. земельными орудиями. Бандиты держались активно и, располагая большим количеством пехотных и конных сил, не раз подступали к городу, но всякий раз отбивались. Особенно активны бандиты в районе д.Мизоновское, д.Завьялово и д.Безруково. Последние два пункта переходили из рук в руки. Бандиты стремились взять разъезд № 37 и повести с его стороны наступление на Ишим.

На севере от г.Ишима высланными отрядами Тихомирова и Васильева была освещена местность в районе д.Кротово-Б.Сорокино, были обнаружены сильные банды, пополнившиеся проводившейся мобилизацией. При следовании на д.Кротовское отряд т.Тихомирова был окружен и, прорываясь к Ишиму, понес значительные потери. Следуя за отступающим отрядом т.Тихомирова, бандиты занимали деревню за деревней и остановились на линии д.Казанской, д.Песьяное, д.Куимова, д.Прокуткино, д.Кривошеково.

Наши части как в южном, так и в северном направлении за малочисленностью сил вынуждены были всюду перейти к обороне: несли сторожевое охранение, разведывательную службу и отбивали попытки наступающих бандитов, поджидая прибытия, следовавших из г.Омска эшелонов 256 и 232 полков.

Прибытие последних дало возможность всюду от активной обороны перейти в наступление.

17 февраля отрядом т.Лушников в составе 6 рот 256 стр. полка и 181 ВНУС и сводного эскадрона было поведено наступление на д.Локтинское, Ларихинское и Травное. Того же числа комполком 181 т.Ефремовым-Лариным 2 ротами поведено наступление на д.Прокуткино и д.Саранино. 18 февраля Комполком 232 стр. поведено наступление на д.Голышмановское и к югу от ж/д на д.Земляновское частями 254 полка вдоль линии ж/д в сторону ст.Омутинской.

Лушниковым в тот же день было занято: д.Гагарки без боя и помкомполка 256 Лютовым с боем занято д.Буково.¹⁵ В д.Травное бандиты оборонялись, будучи окруженными нашей пехотой и кавалерией. Приходилось с боем брать, бомбами и поджогами, каждый дом. После нескольких часов уличного боя помкомполка т.Лушников был убит, наши части понесли сильные потери: убитыми и ранеными до 120 человек, был выбит почти весь комсостав, много красноармейцев обморозилось. В результате части не выдержали и отошли на д.Кислое, а затем на д.Быково; при отходе конница бандитов отрезала путь отступления 2 ротам 256 полка; которые пробились в д.Быково с боем.

Командование отрядом на юге от Ишима было вручено комполка 256 стр. т.Пирожкову, которым к вечеру 20 февраля занято было д.Мизоновское. Части 232 полка, разбив сильно укрепившихся бандитов в районе с.Гольшманово, вели наступление на д.Свистовское и Усть-Ламенское, а к югу от ж/д на д.Ражевское. Части 254 стр. полка заняли с боем разъезд № 31 и прилегающие к нему деревни, велось наступление далее на запад. Это период самый напряженный. Опасность захвата г.Ишима была велика.¹⁶

(...) Обзор действий частей с 20-24 марта 1921 г. В результате действий наших частей со стороны ж/д Омск-Тюмень и Челябинск-Омск повстанческая территория сужалась кольцом, и постепенно части, действовавшие с юга и с севера встретились и установили самую прочную связь между собою. Бандиты, пользуясь знанием местности, прорвались к направлению ст.Мамлютка, имея намерение уйти к казакам за жел.дор.

(...) К 24 марта нужно полагать повстанческое массовое движение¹⁷ в Ишимском и Ялуторовском уездах ликвидированным, за исключением блуждающих банд в южной части Ишимского уезда и в районе Ялуторовска. Шло непрерывное наступление на Тобольск. Наши потери людьми за это время выразились цифрами: убитых – 1) комсостава – 26, 2) красноармейцев – 342; раненых: 1) комсостава – 40, 2) красноармейцев – 930 человек, а всего с убитыми, ранеными, без вести пропавшими, пленными, больными и отмороженными: комсостава – 84 и красноармейцев – 1580 человек. Эти цифры безусловно высоки. Но они свидетельствуют также о слабостью подготовленности частей к ведению боя и неумелом руководстве комсостава своих подчиненных в бою. Наиболее значительные потери понесли части молодые, недавно сформированные, как 256 и Казполк. Прошедшая операция показала на несовершенство и недостаточность охраны железных дорог, главным образом в распылении сил на линии ж.д. большого протяжения, отсутствия резервов. Распыленность сил лишала возможности инструктировать людей, проводить строевые и иные занятия, чем и вызвана утрата частями ж.д. охраны воинского духа и слабая боеспособность.

Комбриг 85	Рахманов
Начальник штаба	Печенев
РГВА.Ф.1345. Оп.12. Д.17. Лл.13-20. Подлинник.	

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Помглавком – Помощник Главнокомандующего Вооруженными силами Республики по Сибири В.И.Шорин.

2. Речь в документе идет о брате царя Николая Романова Великом князе М.А.Романове, расстрелянном большевиками в июне 1918 г. в Перми. В годы гражданской войны в Омске и других городах ходили слухи об его спасении и возможном приходе к власти.

3. Материалы о преступных действиях продработников в Ишимском уезде были рассмотрены 28 февраля 1921 г. в Ишиме выездной сессией Сибвоенревтрибунала, пятеро были приговорены к расстрелу, но расстрелян был только М.Лаурис, остальным расстрел был заменен на 5 лет тюрьмы.

4. Далее опущено описание действий восставших с примерами по Омутинскому району.

5. Начало предложения: «В районе Армизонского – зеленое знамя» вписано от руки на полях документа.

6. Далее опущено описание пропагандистской деятельности повстанческого Тобольского штаба и информация о совещании крестьян в с.Юргинском.

7. Доказательств существования такого центра нет, восстание было стихийным, попытки придать ему организованный характер, объединить восставших и создать единый центр были неудачными.

8. Атаманов Григорий Денисович – сын зажиточного крестьянина из д.Смирное Казанского района. Накануне восстания работал в Ишимском уездном военкомате. Был расстрелян после подавления восстания.

9. Полестро - 33 полевое строительство – воинское подразделение, выполнявшее работы по сооружению полевых укреплений, часть 3-го отряда 33 полевого перешла на сторону повстанцев.

10. Далее опущено описание структуры, состава повстанческого военного аппарата (сельские, волостные штабы, Главный штаб), а также состав основных групп повстанческого фронта: восточная, Ишимская, Петропавловская.

11. Далее опущено описание Курганской освободительной дивизии, Голышмановской и Тобольской группы, внутренней жизни повстанческих отрядов, боевых качеств и тактики повстанцев, а также частей Красной Армии.

12. Слова «с юга и с севера встретил» написаны от руки на полях документа.

13. Далее опущено описание боевых действий на Омском направлении – ст.Мангут и Называевская.

14. Лушников Евгений Иванович (1898-1921) – командир сводного отряда 181 полка ВНУС. Погиб в бою под д.Травное, похоронен в братской могиле в г.Ишиме.

15. Так в тексте, правильно – д.Быково.

16. Далее опущено описание боевых действий с 20 февраля по 20 марта.

17. Слово «массовое» вписано от руки на полях текста документа.

Ф.М.ПАШКОВ

Чрезвычайное происшествие в Коркиной слободе

Рассказ-быль

Давно это было. Так давно, что надо раз пятнадцать сказать пра, пра..., чтобы назвать бабушек и дедушек, живших в то время. Коркина слобода, как назывался наш город Ишим, была совсем маленькой. Границей слободы с запада, с юга и с востока была река Ишим. Северная окраина слободы проходила по нынешней улице Пролетарской. В центре слободы стояла деревянная Николаевская церковь. Вокруг нее располагались гражданские и духовное учреждения, соляной и винный магазины, зелейный (пороховой) погреб и другие строения. Для «обережения» от набегов кочевников имелось девятнадцать пушек, располагавшихся вдоль деревянной крепостной стены, которой была обнесена слобода.

На севере, где-то там за кустарником и лесом, вдалеке от слободы, на месте нынешнего кинотеатра и части военного городка, находилось кладбище, а на востоке от него и несколько севернее, в роще, среди деревьев стояли казармы воинской команды, выделяемой от Сибирского драгунского полка для дежурства на пограничных форпостах. Граница Российской империи в то время проходила по реке Ишиму от слободы Коркиной до слободы Абатской, далее до города Тары на Иртыше и по Иртышу на Омскую крепость. От реки Ишима у Коркиной слободы граница резко поворачивала на запад и шла через деревню Безруково на слободу Усть-Ламенскую и Ялуторовскую и далее вверх по реке Тоболу на крепость Звериноголовскую и затем на Оренбург.

20 апреля 1741 года жители слободы увидели необычную картину. От реки на гору поднимался табун лошадей, а за ним шла толпа крестьян в окружении вооруженной охраны. Некоторые крестьяне едва передвигались, поддерживаемые товарищами, на головах у них были окровавленные повязки. Кровь текла по лицу и одежде. Заголосили бабы, закричали дети, узнавшие своих мужей и отцов. Что же случилось?

В те годы ходить, ездить за реку Ишим и вообще за указанную выше границу строго запрещалось во избежание встреч с киргиз-кайсацкою ордою. Орда эта постоянно кочевала в междуречьях Тобола, Ишима и Иртыша и часто делала набеги на русские селения, в том числе и по причине «озлобления» из-за краж, грабежей у них русскими скота, лошадей, овец.

В исключительных случаях, при крайней необходимости, начальством выдавались разрешения на поездку за пределы границы, на юг, в степь, но обязательно группой при оружии. Такая вот необходимость, нужда и возникла вследствие оскудения съестных припасов к весне у некоторых коркинцев. Собралось двадцать человек: Потап Молоков, Леонтий Мальцов, Затей Коротаев, Семен Нагорных, Тимофей Водников, Матвей Рагозин, Роман Ренев, Козьма и Федот Жениховы, Федор Женихов с племянником Иваном Жениховым, Макар Паланкиров, Ларион Толмачев, Федор Усольцев, Семен Дьячков, Макар Козлов, Василий Елеев (из деревни Стрехно), Федор Афанасьев, Петр Долгошеин и Федор Часовиков.

Крестьяне получили разрешение от управления Ишимского дистрикта Матвея Соколова и верхом на лошадях отправились «из-за нужды на рыбную ловлю на озеро Ванкино, вверх по Ишиму верст сорок». Мостов через Ишим тогда не было, поэтому сами переправились на лодках, а лошадей пустили вплавь. Дорогой, в степи, наши рыбаки повстречали «гульных», т.е. ничьих, безхозных, без пастуха сорок лошадей, в числе которых было много жеребят. Чьи это были лошади, «русские», «башкирские» или «казацкие», «того познать» наши путники не могли. А поэтому решили их поделить и пригнать домой с тем, чтобы, как они потом объясняли, этих «гульных» лошадей сдать «при записке Ишимской управительской канцелярии». Так, не доехав до места рыбалки, коркинцы с «гульными» лошадьми повернули обратно.

На их беду по степи за Ишимом нес службу конный драгунский патруль с ближайшего форпоста, следивший за кочевниками, а заодно и ловивший нарушителей запрета поездок за Ишим. Патрулем в этот день командовал каптенармус Овцов. С ним было четыре человека драгун. В районе нынешнего села Синицыно наших несостоявшихся рыбаков этот патруль и обнаружил. Налетел с криками, угрозами, не слушая никаких объяснений отобрал ружья «и другой шкарб неведомо за что» и направил их с лошадьми в слободу.

Переправившись через Ишим под горой у слободы, каптенармус Овцов потребовал выкуп за отобранные ружья и «шкарб» в четыре рубля, которые вынужден был отдать «Семен Нагорных с товарищами». Мало того, патруль с присоединившимися к нему солдатами, «а кто именно, того крестьяне не знают», избili многих. При этом, «Потапу Молокову проломил голову с переди и сзади, нанесли увечья Леонтею Мальцову и Затею Каратаеву». Затем Мальцова, Каратаева, Ренева, Тимашова, Усольцова посадили на гауптвахту. Пострадавшие пишут управителю дистрикта Матвею Соколову доношение обо всем случившемся и просят «милостливое прошение» рассмотреть, принять пригнанных лошадей и наказать обидчиков. По причине неграмотности крестьян доношение составил и руку приложил, т.е. расписался за них, «Ишимской управительской канцелярии копеист Фоминых». Так выглядел этот случай со слов потерпевших.

Матвей Соколов в ответ на это доношение, недолго думая, «чтоб другим не повально было, чтоб не озлобляли орду», учинил перед канцелярией публичное наказание: приказал бить батогами всех провинившихся крестьян.

По версии же начальника воинской команды, «обретающейся на Коркинском фор-

посте,» секунд-майора Нелюбова, все случившееся выглядело несколько иначе. В своей строгой, назидательной промемории управителю Соколову он пишет, что по силе указа ему велено держать везде караулы от неприятельских людей и одновременно от русских людей, «чтоб за Ишим никто не ездил. Однако же несмотря ни на что русские ездят в степь и торг ведут с казачьей ордой, продают муку и прочие вещи. Ездят по ночам, когда усмотреть и поймать кого-либо невозможно. Да, кроме того, выезжающие за реку русские часто чинят озлобление орде, как случилось и в этот раз» По докладу степного караула, коркинские крестьяне отогнали и разделили пятьдесят казачьих лошадей. Первого вора зовут Ларионом Толмачевым, второго – драгунского сына, Затеем Коротаевым, хотя этот и отпирается, что не ездил за Ишим, был будто бы пьяным и ездил на своей лошади по улице, а ездили крестьяне Коркиной слободы», которых он перечисляет поименно. Нелюбов уточнил, что взяли они в казачьей орде 46 лошадей да сверх того 4 жеребенка-сеголетка и переправили их через Ишим «и на этом плавеже утопили 4 лошади». Отобранные 41 лошадь содержатся в табуне под караулом. Нелюбов просит Соколова отыскать других «гульных» лошадей и просит наказать виновных, а также добавляет, что ведется следствие в отношении каптенармуса и драгун,

«которые отобрали ружья и котомы, взяли выкуп».

Забегали пешие, заскакали конные нарочные от воинской команды в управительскую канцелярию и обратно. Матвей Соколов в раздражительном тоне ответил, что о разрешении крестьянам ехать в Ишим дважды было сообщено Нелюбову, но ответа от него не поступало и что крестьяне, отогнавшие лошадей, наказаны. Интересен сам обмен «депешами» между Нелюбовым и Соколовым. Вот он:

Нелюбов – Соколову: из канцелярии были две промемории, а я знаю только одну.

Соколов – Нелюбову: промемории были посланы в начале апреля.

Нелюбов – Соколову: прошу для очной ставки прислать крестьян, с которых драгуны брали взятку «за отпуск их и их шкарбу».

Соколов – Нелюбову: указанные крестьяне посылаются к нему согласно реестру.

Нелюбов – Соколову: прошу отпустить овса для отогнанных лошадей.

Соколов - Нелюбову: овес для лошадей отпущен.

Нелюбов – Соколову: необходимо направить донесение в Тобольск, каждый по своему ведомству – военному и гражданскому – в отношении отогнанных лошадей: что с ними делать?

Соколов – Нелюбову: согласен.

Направив донесения в Тобольск о случившемся, Соколов и Нелюбов стали ждать ответа от губернии.

А губерния поступила «мудро». Лошадей приказала отправить под надлежащей охраной в Тобольск, а крестьянам, которые ранее без разрешения ездили за Ишим в степь и вели торговлю с кочевниками, меняя хлеб на овчины и тулупы, «учинить жестокое наказание плетями с барабанным боем». Что и было сделано пред всем честным народом и пред грозными очами Соколова.

Лошадей в Тобольск перегнать поручили пятидесятнику Афанасию Кузину, дав ему в помощники девять человек.

Надобно добавить, что среди «гульных» лошадей крестьяне Кузьма Чернов, Петр Клепиков, Семен Глатков признали своих лошадей, ранее угнанных у них неприятельскими людьми. Нашлись и свидетели, подтвердившие принадлежность лошадей данным лицам. Соколов же приказом от июля 5 дня 741 года отдал опознанных лошадей крестьянам.

Вот такое чрезвычайное происшествие случилось в апреле 1741 года в Коркиной слободе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Рассказ имеет документальную основу. См.: РГАДА, ф. 1007 (Ишимская управительская канцелярия, 1741 г.), оп. 1, ед. хр. 13.

В.А. ЗАХ, ЕМ. ЗАХ

Прикоснуться к прошлому (о раскопках могильника и городища Ласточкино Гнездо)

Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они... они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...

Эти строчки из прошлого века вспомнились вдруг, когда в центре подкурганной площадки появились контуры одинокой ямы с останками погребенного в ней человека из куда более давней эпохи. Позднее, под палящим июльским солнцем, мы расчистили это и еще одно, похожее, под соседним курганом, погребение могильника Ласточкино Гнездо, удалили остовы-бровки ярко-алой прокаленной земли.

... Они лежали в ритуальных, по-младенчески скорченных позах, почти никаких вещей не было с ними, кроме гладкого плоского камня (от зернотерки?), и ничего не сохранилось от их облачения, только мелкие комочки позеленевшей глины указывали на какие-то рассыпавшиеся бронзовые украшения. Эти бедные с обыденной точки зрения погребения словно заставляли пристальнее всмотреться в прошлое, будили мысли о духовном родстве времен и людей — давно усопших и ныне живущих в этом редком по красоте месте единой для них земли.

... Они жили более трех тысяч лет назад, в бронзовом веке, и оставили в память о себе одну из самых выразительных археологических культур, которую относят к так называемой андроновской эпохе. В вещественных остатках эпохи, как в старом, помутневшем зеркале, отразились далеко не все черты жизни ее свидетелей. Однако и в этом размытом, нечетком «отражении» можно увидеть детали их быта, занятий, досуга, разглядеть следы связей с родственным или инородным окружением. Культура андроновцев — скотоводов и солнцепоклонников — известна на юге Тюменской области не по одному памятнику, но в Нижнем Приишимье андроновские погребения исследованы, пожалуй, впервые и, возможно, откроют новую страницу в истории края.

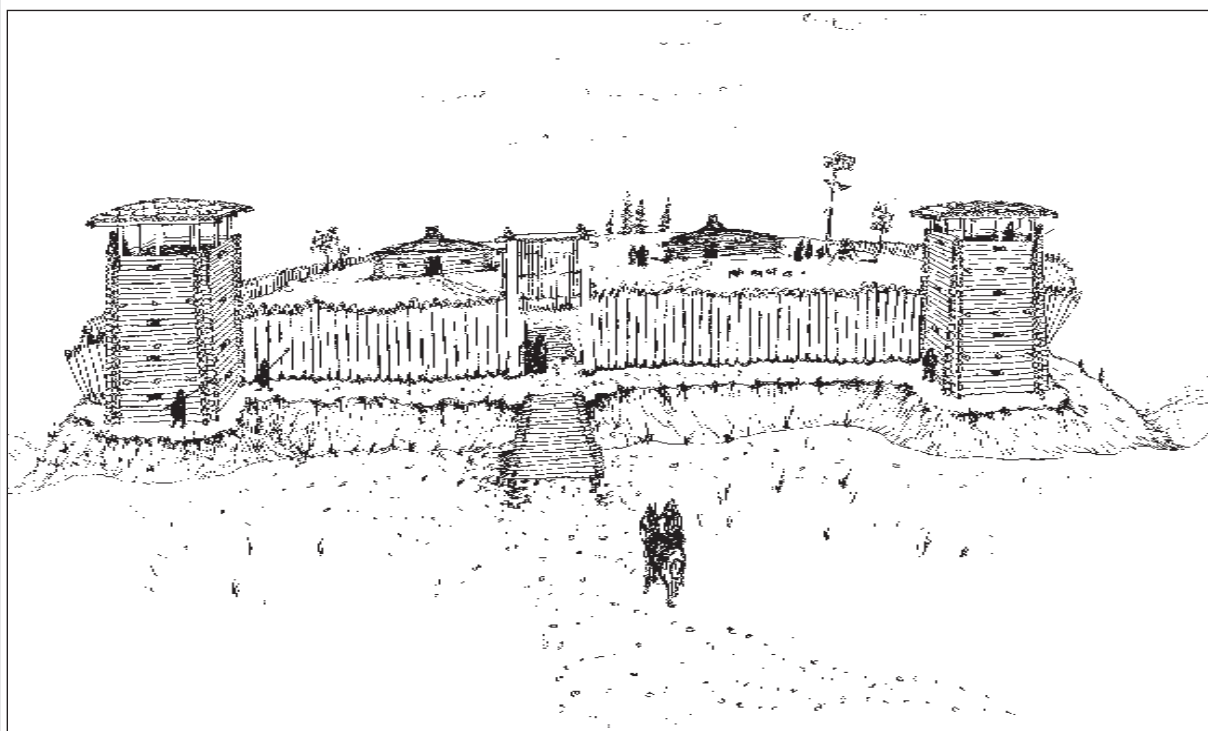
«Времен связующая нить» не была прервана в следующую эпоху. Отделенное от могильника Ласточкино Гнездо логом, на соседнем мысу высокой, ступенчато-слоеной ишимской террасы уютно расположилось городище раннего железного века с тем же названием. При внимательном осмотре городища показалось не лишним сделать детальную топографическую съемку поверхности мыса. Впоследствии по ее графической реконструкции удалось проследить, что площадку в две тысячи квадратных метров оконтуривает не одна, а, вероятно, две линии укреплений, каждая из рва и вала. Хорошо видны были на поверхности бастионы, выступающие за пределы внешнего вала на семь метров, — эти массивные укрепления-башни, по-видимому, защищали въезд на городище.

Исследования памятника велись в течение двух полевых сезонов — в 98-м и 99-м годах. В июне 99-го возле городища раскинулся настоящий палаточный городок. Погода не радовала, но ни упорные дожди, ни холод, ни укусы клещей не могли помешать отчаянным девчонкам (мальчишек почему-то собралось мало) во главе с их наставницами познавать с лопатой в руках прошлое. Благодаря их усилиям облик древней крепости, казалось бы надежно скрытой под оплывшими толщами земли, стал проясняться. Основой укрепления служила стена-сруб, частично забутованная землей, опоясанная двумя рвами глубиной более метра. Укрепленная площадка не имела следов постоянного жилья, на древней поверхности расчищены были лишь остатки нескольких кострищ и «островки» из обломков глиняной посуды, собраны кости животных. Для чего же нужна была крепость на высоком ишимском берегу? Скорее всего, укрывала она окрестных жителей во время нападений врага и служила сторожевым пунктом округи: велика была вероятность вооруженных столкновений

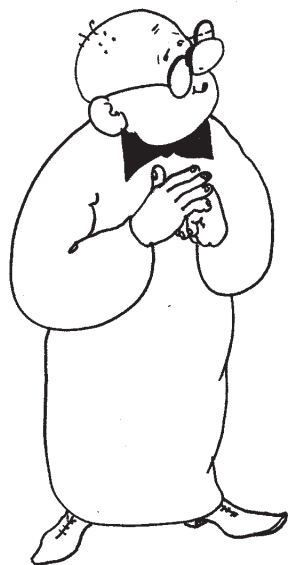

в борьбе за овладение новыми или наиболее ценными территориями и имуществом. Усиление конфликтности, расслоение общества, стремление господствовать станут неотъемлемыми чертами нарождающейся эпохи железного века. Люди, построившие крепость, делали посуду, украшенную штампованными (так называемыми гребенчатыми), ямочными и резными узорами. Она близка керамике богочановской археологической культуры, памятники которой известны в Нижнем Приишимье, баитовской культуры Притоболья, датируемых VII-V вв. до н.э.

До завершения работ пока далеко, но ниточка от бывших обитателей этих мест к нынешним уже протянулась. Прикосновение к прошлому станет более ощутимым и, что, может быть, важнее, наглядным и доступным, если удастся полностью исследовать городище и воссоздать его первоначальный облик - там, где когда-то оно было возведено. На месте проведения археологических работ, после того как «считана» информация, собраны находки, остается обычно лишь заброшенный, теперь уже «немой», квадрат раскопа. А ведь так хочется не только представить по рисункам и описаниям, но и попасть в былую реальность, воочию увидеть тот мир, который был привычным для человека из прошлого...

*Реконструкция городища раннего железного века на стоянке
«Ласточкино гнездо» в Сеницынском бору.
Рисунок художника Р.Симанова.*

КУЛЬТУРА КРАЯ

Статьи этой рубрики созданы на "стыке" разных сфер: краеведения и филологии, истории, лингвистики, музыковедения. Своим "комплексным" характером они и могут быть интересны любителям провинциальной культуры.

Так, работа Т.П.Савченковой об остановке в Ишиме А.П.Чехова любопытна не только новыми документальными материалами, лежащими в ее основе, но и тем, что дополняет представления ишимцев о Чехове-писателе, в сибирских очерках и письмах которого формируется художественный образ нашего края.

В статье Е.В.Шиловой, пишущей в русле лингвистического краеведения, проводится мысль о том, что исконные названия улиц и площадей российских городов, в том числе и Ишима, содержат бесценную культурную информацию и являются памятниками истории. Языковедческий аспект работы позволяет автору внести определенность в топонимику ишимских площадей.

Автором очерка "Ишимские духовые и эстрадные оркестры" С.А.Глухих рассматривается история духовых коллективов и эстрадных оркестров города, а также судьба их создателей - бескорыстных энтузиастов и талантливых подвижников музыкального искусства.

Т.П.САВЧЕНКОВА

А.П.Чехов в Ишиме

Пребывание А.П.Чехова в нашем городе до сих пор не получило освещения ни в одной научной или популярной работе, связанной с путешествием писателя через всю Сибирь на Сахалин в 1890 году. Даже в самом полном на сегодняшний день собрании сочинений и писем А.П.Чехова в тридцати томах с тщательно составленными комментариями и указателями имен мы при всем желании не сможем найти никаких сведений о «пане Залесском», у которого останавливался писатель. Нет в этом издании, не говоря уже о других исследованиях, специально посвященных теме: «Чехов в Сибири», и сведений о местонахождении «чеховского» дома в Ишиме.

В основу данной статьи, представляющей попытку заполнить одну из лакун сибирской одиссеи Чехова, положены новонайденные материалы Тобольского и Ишимского филиалов архива Тюменской области, фотографии из фондов Ишимского краеведческого музея, семейных альбомов горожан, а также устные свидетельства старожилов об Ишиме конца XIX века.

Все эти документы и факты могут быть бесполезны как филологам, интересующимся сибирской страницей биографии Чехова, так и краеведам, восстанавливаю-

щим буквально по крупицам историю духовной и материальной жизни небольших уездных городков и селений Сибири, которые видел во время своего путешествия по бескрайним российским просторам писатель и врач А.П.Чехов.

Общеизвестно, что официальной причиной поездки А.П.Чехова в Сибирь и на остров Сахалин было изучение быта переселенцев и каторжан. В качестве корреспондента газеты «Новое время» (редактор А.С.Суворин) Чехов должен был знакомить читателей с суровыми условиями жизни этих людей. Но чеховское путешествие было вызвано и рядом скрытых побудительных мотивов. Впоследствии писатель попытается объяснить свое решение ехать «на край света» желанием узнать жизнь России, запастись яркими впечатлениями, а самое главное, пережить новые ощущения. Эта цель, как впрочем и другие, была осуществлена в полной мере. Уже в письмах с дороги Антон Павлович говорил о «непонятном задоре», заставлявшем его рисковать здоровьем, быть на грани между жизнью и смертью, испытывать множество физических неудобств и при этом чувствовать большую радость.

В письме от 5 июня 1890 г. из Иркутска, обращенного к писателю и редактору журнала «Осколки» Н.А.Лейкину, он замечает: «Многое я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто как для человека. Енисей, тайга, станции, ямщики, дикая природа, дичь, физические мучительства, причиняемые дорожными неудобствами, наслаждения, получаемые от отдыха, - все, вместе взятое, так хорошо, что и описать не могу. Уже одно то, что я больше месяца день и ночь был на чистом воздухе - любопытно и здорово; целый месяц ежедневно я видел восход солнца от ночи и до конца».

А в письме к брату Александру, написанном в тот же день, Чехов, называя Сибирь «холодной и длинной страной», вновь говорит о своих эмоциях: «Интересного и нового вижу мало, зато чувствую и переживаю много. Воевал с разливами рек, с холодом, с невылазной грязью, с голодухой, с желанием спать... Такие ощущения, которые в Москве и за миллион не испытаешь».

И уже после своего, почти восьмимесячного путешествия, Чехов пишет: «... тяжело ехать и ехать, но зато как легки и воздушны воспоминания обо всем пережитом!» (И.Л.Леонтьеву-Щеглову, 10 декабря 1890 г.).

А.П.Чеховым был проделан громадный и крайне нелегкий для человека слабого здоровья путь: от Москвы до Северного Сахалина, а самая тяжелая часть путешествия по Сибири началась для него от Тюмени. Первоначальному замыслу Чехова - плыть от Тюмени до Томска на пароходе - помешала поздняя навигация. Узнав, что первый пароход в Томск пойдет лишь 18 мая, Чехов принимает решение не теряя времени зря отправиться 3 мая из Тюмени по сибирскому тракту на лошадях. «Почтовым» ямщикам он предпочел «вольных» и в тарантасе, открытом всем ветрам, поехал по «самой большой и, кажется, самой безобразной дороге в мире» в сторону Ишима.

4 мая Чехов уже в нашем городе, а 5 мая он выезжает из Ишима в село Абатское, откуда после кратковременной остановки, необходимой для смены лошадей, продолжает свое странствие по сибирской земле.

Итак, почти два дня. проведенных в Ишиме. Что было сделано в это время? Литературовед М.Л.Семанова в своих примечаниях к очеркам «Из Сибири» указывает, что первые впечатления Чехова о Сибири были записаны 5 мая, в Ишиме, а их окончательная подготовка к печати в газете «Новое время» состоялась в дальнейшем в гостинице Томска.

Существует и другая версия, менее убедительная, на наш взгляд. Составитель «Летописи жизни и творчества А.П.Чехова» Н.И.Гитович полагает, что Чехов стал вести короткий дневник карандашом уже в дороге, с 3-го мая. Возможно ли это

было сделать в «прыгающем», «грохочущем» и «визжащем на разные голоса» тарантасе во время очень быстрой езды? Вряд ли. Следует также заметить, что расстояние от Тюмени до Ишима в 200 верст было преодолено всего за сутки! Это осуществимо лишь при условии непрерывного передвижения.

Для нас очень важно, что в самом первом очерке, открывающем сибирский цикл, упоминается Ишим. Возница Чехова, нанятый им в Тюмени, рассказывая свою «биографию», упоминает родителей - «киржаков» (раскольников), которые «за всю свою жизнь не видали ни одного города, кроме Ишима».

Не менее значим и другой момент: образ чеховской Сибири, который останется фактически неизменным во всем цикле, за исключением последнего, девятого очерка, сформируется на пути от Тюмени к Томску через Ишим и село Абатское. Из каких констант складывается этот образ? На первый взгляд, достаточно традиционных: сумрака, ночи, холода, безлюдья. Традиционно и само противопоставление Сибири всей России в начальных строках первого очерка: «Да, уже май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге уже давно цветут акация и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед, на берегах и в оврагах лежит еще снег...»

И все же чеховская эстетика нежных и прозрачных полутонов, в которой выполнены ландшафтные зарисовки его прозы: повестей и рассказов, проявится и в очерках «Из Сибири» и определит новизну художественного образа нашего края: пустынной, грустной, но такой прекрасной земли. Один из самых дивных чеховских пейзажей всего цикла - «абатский»: «По сторонам дороги и вдали на горизонте змееобразные огни: это горит прошлогодняя трава, которую здесь нарочно поджигают. Она сыра и туго поддается огню, и потому огненные змеи ползут медленно, то разрываясь на части, то потухая, то опять вспыхивая. Огни искрятся, и над каждым из них белое облако дыма. Красиво, когда огонь вдруг охватит высокую траву: огненный столб вышиною в сажень поднимается над землей, бросит от себя к небу большой клуб дыма и тотчас же падает, точно проваливается сквозь землю. Еще красивее, когда змейки ползают в березняке, весь лес освещен насквозь, белые стволы отчетливо видны, тени от березок переливаются со световыми пятнами. Немножко жутко от такой иллюминации».

Не менее значимы в художественной системе сибирских очерков и звуковые образы. Глубокая, «тяжелая, гробовая тишина» сменяется криками ямщиков, бранью перевозчиков или наполняется голосами птиц, изобилие которых особенно поразило Чехова-путешественника: «...раздается знакомый мелодический звук, глядишь вверх и видишь невысоко над головой пару журавлей и почему-то становится грустно. Вот пролетели дикие гуси, пронеслась вереница белых как снег, красивых лебедей... Стонут всюду кулики, плачут чайки», «где-то токуют тетерева».

Чехову-художнику достаточно нескольких штрихов, чтобы «закрепить» в своих очерках выразительные фигуры арестантов, паромщиков-ссылных, ямщиков, переселенцев. На основе мимолетного наблюдения создаются запоминающиеся образы людей, увиденных на сибирском тракте. К примеру, встреченный на пути в Ишим курский мужик «со скрипками» становится «героем» миниатюрной, но такой емкой по смыслу и печальной по интонации вставной «новеллы» о бобыле, живущем из милости у своего брата. С его семьей он отправляется в далекую Сибирь, где неминуемо зачахнет и умрет.

Сибирские впечатления писателя отражены и в письмах к родным и знакомым. Из Ишима Чехов отправляет так называемое «открытое письмо». Оно содержит следующее сообщение: «4 мая. Я жив, здоров и благополучен. Кофе варить научился,

но только у меня на стакан идут две ложки, а не одна. Кланяюсь всем нашим и Линтварям. Зелени нет, морозно. Зябнут ноги. Будьте здоровы. Не скучайте. Ваш уважительный сын А.Чехов». Постскрипtum: «Зелени буквально еще нет ни капли». На обороте указан адрес: г.Сумы (Харьковской губернии). Евгении Яковлевне Чеховой на Луке.

На этой открытке, хранящейся в настоящее время в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва), имеется пять почтовых штемпелей. На трех из них указано: Ишим Тобольской губерний, почтово-телеграфная контора, 6 мая 1890 г. На двух других значится: г.Пермь, 11 мая 1890 г. и Сумы Харьковской губернии, 17 мая.

Здание ишимской почтово-телеграфной конторы сохранилось и поныне на улице Гагарина, 65. Двухэтажный каменный дом с фигурными аттиками-фронтонами южного и восточного фасадов, построенный в 1871 году, сегодня является своеобразным опознавательным знаком Ишима второй половины XIX столетия и украшает исторический центр города.

Позднее Чехов в письме из Иркутска от 6 июня 1890 г. интересовался у родственников: «Получали ли из мелких городов мои открытые письма? Берегите их: по ним буду судить о скорости почты. А почта здешняя не спешит». Самым первым «мелким» сибирским городом для Чехова явился Ишим.

О своей остановке в Ишиме А.П.Чехов расскажет подробнее в томском письме от 16 мая 1890 г., обращенном к матери Евгении Яковлевне, сестре Марии Павловне и брату Михаилу Павловичу. Жалуясь на холод и неудобные сапоги, Чехов говорит о покупке в Ишиме валенок, в которых он проделал путь до самого Томска, пока они «не раскисли от сырости и грязи». Чуть ниже в своих рассуждениях о ссыльных поляках, попавших в Сибирь после подавления восстания 1863 - 1864 г.г., он пишет: «В Ишиме один богатый пан Залесский, у которого дочь похожа на Сашу Киселеву, угостил меня за 1 рубль отличным обедом и дал мне комнату выспаться; он держит кабак, окулачился до мозга костей, дерет со всех, но все-таки пан чувствуетея и в манерах, и в столе, во всем. Он не едет на родину из жадности, из жадности терпит снег в николин день, когда он умрет, дочка его, родившаяся в Ишиме, останется здесь навсегда - и пойдут таким образом множиться по Сибири черные глаза и нежные черты! Эти случайные примеси крови нужны, ибо в Сибири народ некрасив. Брюнетов совсем нет».

И, наконец, вспоминая в том же самом письме обед на берегу Томи, Чехов вновь называет фамилию «ишимского пана»: «...хозяйкина дочь подает мне отличных щей с прекрасным мясом и жареной картошки с огурцом. После пана Залесского я ни разу так не обедал».

В письмах Чехова из Сибири содержится немало жалоб на всевозможные дорожные неудобства: невылазную грязь, голодуху, желание спать, «дождь, злющий ветер, холод». Ишим же, один из немногих уездных городов, оставил у Чехова приятные впечатления. Здесь он получил кратковременный, но столь необходимый ему отдых, хорошую еду, тепло, участливое обхождение. А ишимские валенки Чехов будет вспоминать в течение целого месяца! В первом «последешимском» письме к М.В.Киселевой от 7 мая 1890 г. он заметит: «...день и ночь еду в полушубке и валенках». В уже цитируемом послании из Томска он скажет о валенках семь раз! 0 валенках будет идти речь и в письмах к А.С.Суворину от 20 мая 1890 г. из Томска, Н.А.Лейкину от 5 июня 1890 г. из Иркутска, А.Н.Плещееву от 5 июня 1890 г.

А что же мы знаем о «пане Залесском», принявшем столь гостеприимно А.П.Чехова в Ишиме? В 80-90-е г.г. это была достаточно заметная в городе фигура. Антонин Залесский или, гораздо чаще, Антон Францевич Залевский, польский пере-

селенец, мещанин города Ишима, занимался винной торговлей, а также, как установил краевед Ф.М.Пашков, избирался в городскую думу в разные годы. На городской думе рассматривались и его заявления. Первое: «о разрешения открытия временной выставки для продажи питей распивочно и на вынос во время зимней Никольской ярмарки в 1889 году на Ярмарочной площади». Второе «...о дозволении, открыть в 1894 году трактирного заведения».

Мы знаем также, что он был в приятельских отношениях с почетным гражданином города, надзирателем тюремного замка Алексеем Терентьевичем Волохиным, который, будучи православного вероисповедания, избрал в качестве восприемника для своей новорожденной дочери Аполлинару человека католической веры - поляка А.Ф.Залевского. В Ишимском архиве имеется Метрическая книга Градо-Ишимской Тюремной Богородице-Скорбященской церкви, где есть запись о крещении 7 января 1892 года Аполлинару Волохиной, родившейся 30 декабря 1891 года.

Впоследствии Аполлинурия Алексеевна закончит ишимскую прогимназию, в советское время станет учительницей начальных классов и будет вспоминать, как в раннем детстве со своей матерью ходила в гости к крестному, дом которого находился за старым кладбищем.

В 1897 году в Тобольской губернии проходит всеобщая перепись населения. Переписные листы по Ишиму, сохранившиеся в Тобольском филиале архива Тюменской области, свидетельствуют о том, что А.Ф.Залевский владел двумя домами в разных частях города. Один из них находился в 1-й части, в 3-м квартале, в Дементьевском переулке (совр. ул. Чкалова), а второй, состоящий из трех жилых строений, - во 2-й части, в 4-м квартале. Это дворовое место, представлявшее некий «островок» на пустынной окраине города, имело название «Заимка Залевского».

Из переписного листа на дом Залевского в Дементьевском переулке мы узнаем следующие сведения о хозяине. Антону Францевичу уже 72 года, он родился около 1825 года в г.Владимире Волынской губернии. Принадлежит к мещанскому сословию, по вероисповеданию - католик. Родной язык - польский, грамоте обучался в домашних условиях, умеет читать. Главным средством существования является винная торговля. В графе «семейное положение» указано: «холост», но следует учесть, что «при нем» в качестве квартирантки проживает ишимская мещанская девица Марфа Ивановна Баженова, пятидесяти лет.

В квартире Залевского значится еще шесть человек. Жильцы: Константин Григорьевич Свечников и Петр Алексеевич Калмыков, занимающиеся «письмоводством». Две кухарки-прислуги и чернорабочий польского происхождения, а также «гостья», мать М.И.Баженовой.

А на заимке Залевского проживает девять человек. Это молодые женщины с детьми, солдатские жены, мужья которых находятся, по всей видимости, в казармах, расположенных рядом с заимкой.

Таким образом, наряду с винной торговлей вторым немаловажным источником доходов Антона Францевича была сдача квартир внаем.

Умер А.Ф.Залевский 4 мая 1899 года в Ишиме, был погребен 7 мая на местном кладбище по католическому обряду священником Кореневским. Согласно духовному завещанию, составленному 30 апреля 1899 года, все свое движимое и недвижимое имущество он передал «в вечное и потомственное владение крестьянину Ишимского уезда, Боровской волости (село Боровое) Осипу Васильевичу Мартыновичу», который должен был принять на себя платеж всех долгов Залевского, как в Ишимский городской общественный банк, так и частным лицам.

Именно такое условие было выдвинуто Залевским О.В.Мартыновичу, получившему в наследство «участок усадебной земли в конце города Ишима, в соседстве с

городской больницей и казармами», на котором находился «одноэтажным деревянный дом, такой же флигель и надворные постройки». Ясно, что речь здесь идет о «Займке Залевского», а дом в Дементьевском переулке к этому времени уже не является собственностью Антона Францевича.

Указывая Мартыновича в качестве единственного своего наследника, Залевский уточняет: «Находящаяся же у меня в услужении ишимская мещанская девица Марфа Ивановна Баженова, как получившая полное вознаграждение движимостью при жизни моей заявлять претензии к Мартыновичу не должна». В «Сведениях о наследственном имуществе», представленных О.В.Мартыновичем в Тобольскую казенную палату, на вопрос: «Кто состоит или считает себя наследником умершего», дается ответ: «Никто права из родственников на наследство не заявлял и неизвестно, имеются ли прямые наследники».

Вот здесь-то и возникает самый «загадочный» момент в биографии «пана Залесского», связанный с его дочерью. Была ли она незаконнорожденным ребенком «холостого» Залевского и «мещанской девицы» М.И.Баженовой? А может быть, «жилицей» Залевского или дочерью квартирантов хозяина дома? Как сложилась ее судьба в дальнейшем? Умерла от эпидемии холеры в 1892 году? Навсегда уехала из Ишима? Никакого упоминания о ней в документах, связанных с А.Ф.Залевским, мы на обнаруживаем. Остается только надеяться на будущие архивные находки.

Одно можно уже сейчас сказать с уверенностью: единственная сибирская барышня, понравившаяся А.П.Чехову, была увидена им в доме «пана Залесского» в г.Ишиме. Она стала исключением из общего правила, так как в целом чеховское отношение к сибирским женщинам и, прежде всего, к их внешности было весьма далеким от восторженного. В очерках «Из Сибири» мы читаем: «Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа; она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не миловидна и, как выразился один старожил в разговоре со мной: «жестка на ощупь». Когда в Сибири со временем народятся свои собственные романисты и поэты, то в их романах и поэмах женщина не будет героинею; она не будет вдохновлять, возбуждать к высокой деятельности, спасать, идти «на край света».

А в письме к родным от 7 июня 1890 г. из Иркутска эта оценка принимает еще более уничижительный характер: «Я, должно быть, влюблен в Жамэ (московская знакомая Чехова Л.С.Мизинова - Т.С.), так как она мне вчера снилась. В сравнении с Парашами-сибирячками, со всеми этими рылами, не умеющими одеваться, петь и смеяться, наши Жамэ, Дришки и Гундасихи просто королевы. Сибирские барышни и женщины -это замороженная рыба. Надо быть моржом или тюленем, чтобы разводить с ними шпаков».

И только черноглазая дочь ишимского «пана» оставила у Чехова приятные впечатления, вызвав ассоциации с Сашей Киселевой, дочерью владельцев имения Бабкино под Москвой - Марии Владимировны и Алексея Сергеевича Киселевых. А.П.-Чехов любил Сашу за ее живой нрав, миловидность, остроумие и посвятил ей, одиннадцатилетней девочке, одну из немногих своих стихотворных миниатюр:

*“Милого Бабкина яркая звездочка!
Юность по нотам allegro промчится:
От свеженькой вишни останется косточка,
От скучного пира - угар и горчица*

А.Чехонте

86. 12. 05 в минуты идиотски-философского настроения”

Сравнение дочери «пана Залесского» с Сашей Киселевой (год рождения - 1875) в письме Чехова позволяет установить и приблизительный возраст девушки из Ишима: в 1890 г. ей около 16-17 лет.

И еще один вопрос, связанный с пребыванием А.П.Чехова в Ишиме. В каком доме А.Ф.Залевского останавливался писатель? Как уже отмечалось, документы свидетельствуют о наличии двух домов Антона Францевича, расположенных в разных частях города. Дом в Дементьевском переулке (1-я часть Ишима) указан только в переписном листе 1897 г. и не упоминается как собственность Залевского в деле о наследстве уже через два года. Второй дом - «Заимка Залевского» - во второй части города, переходит после смерти владельца его наследнику -Осипу Васильевичу Мартыновичу, поляку по происхождению.

Вступив в наследство 20 января 1902 года, О.В.Мартынович вскоре подарил этот дом с участком земли 36х34 сажени своей дочери Юлии, вышедшей замуж за Константина Николаевича Бакуса, поляка из Литвы. «Усадьба Бакусов» и останется в памяти старожилов как место остановки А.П.Чехова в нашем городе.

В статье уже звучало имя крестницы Залевского - Аполлинарии Алексеевны Волохиной, которая называла «заимку» единственно возможным местом остановки Чехова в Ишиме. Есть и другие свидетельства, подтверждающие данный факт. Так, в письме уроженки Ишима Валерии Прокопьевны Пахарь (в девичестве Артемьевой) от 4 сентября 1996 г., присланном из г.Кременчуга (Украина) автору данного исследования, рассказывалось о Елизавете Федоровне Неживых. Елизавета Федоровна (1880 г.р.) - тетя Валерии Прокопьевны, дочь ишимского купца Баженова, слышала от своих родственников о доме «Залевского-Бакусов», в котором и останавливался по пути на Сахалин А.П.Чехов. Принадлежность этого дома Залевскому и вероятность пребывания в нем Чехова подтвердила уже самой Валерии Прокопьевне в конце 40-х гг. XX века дочь Осипа Васильевича Мартыновича - Юлия Иосифовна (Осиповна) Бакус, у которой Валерия Прокопьевна вместе с мужем снимали комнату .

Еще одним аргументом в пользу данной «версии» является местоположение «Заимки Залевского» на сибирском тракте. Этот небольшой «островок» из нескольких домиков на фоне лесного массива можно видеть на почтовой открытке нач. XX века, представляющей панораму восточной части Ишима (см.»Коркина слобода», вып.1). Между заимкой и окраинными городскими постройками: «тюремным замком», административным зданием «винных складов» (справа) и двухэтажным домом А.К.Постникова (слева) - около 500 м свободного пространства. Широкая лента дороги уходит на северо-запад сразу же от усадьбы Залевского. Уже в 20-30-е гг. XX столетия этот участок будет застраиваться и усадьба «Залевского-Бакусов» окажется на пересечении улиц Большевокзальной (К.Маркса) и Кирпичной (Суворова).

О том, как выглядела эта усадьба в 10-е гг. XX века мы узнаем также из воспоминаний самой владелицы - Юлии Осиповны Бакус, урожденной Мартынович, которая делилась ими со своей дочерью Еленой.

Елена Константиновна Бакус (1921 - 1996) слышала от матери, что дом на «перекрестке» был тогда подобием хутора и стоял в пустынном месте среди перелесков на дороге за кладбищем. Этот большой деревянный дом был окружен множеством построек и приезжающие в Ишим на ярмарку купцы и торговцы часто оставляли здесь свои товары, которые затем постепенно перевозились на базар для продажи.

Сама Елена Константиновна в свои детские годы хорошо запомнила просторную завозню, где находились запасные колеса для телег, а по стенам висели хомуты и сбруи. Зимой к потолку завозни подвешивались громадные туши мяса. Был здесь и глубокий погреб, в который к лету привозили с реки лед в коробах, сплетенных из

тальника. В этом «холодильнике» хорошо сохранялось мясо, масло, молоко, а также соленые огурцы и квашеная капуста в деревянных бочонках. Завозня была под одной крышей с амбаром и баней. Все постройки казались основательными, так как были сложены из крупных бревен и крыты железом. Дом же на углу двух улиц таким крепким не представлялся и частично был разобран из-за своей ветхости в начале 50-х г.г., а его флигели стали использоваться только в хозяйственных нуждах.

К сожалению, не сохранилось ни одной хорошей фотографии дома «пана Залеского». В фотоальбоме Е.К.Бакус можно найти только небольшой любительский снимок этого дома, сделанный в середине XX века со стороны двора. И все же относительно полное представление о его первоначальных размерах, количестве комнат, их расположении дает план из Бюро технической инвентаризации (в настоящее время находится в ИКМ).

На нем мы видим, что дом своим южным фасадом выходил на улицу Большевокальную (его протяженность - свыше 12 м), а восточным - на Кирпичную улицу (протяженность - около 17 м). В одной из двух комнат южной стороны находилось трактирное заведение, «преобразованное» в советское время в «Закусочную». Достаточно просторными были три комнаты восточной стороны. В доме были русские и голландские печи, досчатый пол. Снаружи дом был обмазан глиной и побелен; окна с филенчатыми ставнями имели полуциркульную форму. Он был сложен из основных бревен и покрыт дерновой крышей, впоследствии замененной на тесовую.

В 1961 году дом Залевского-Бакусов был снесен со всеми близлежащими строениями, в том числе и «новым» домом самой Юлии Осиповны на ул.Кирпичной, возведенным ею в 1914 году, предприятием «Обувная фабрика» с целью постройки на этом месте каменного жилого дома. Ныне здесь возвышается типовая «пятиэтажка» (К.Маркса,9/Суворова,33). Документы старых домов, отданных бывшими владельцами этому предприятию, не сохранились. И лишь чудом был спасен уже предназначенный к уничтожению в БТИ план дома Залевского. Его нашла в 1986 г. директор ишимского музея истории здравоохранения Тамара Васильевна Сажина.

Краеведами города неоднократно высказывалась мысль о необходимости увековечения памяти А.П.Чехова каким-либо знаком на том месте, где он останавливался.

Может быть, одним из стимулов в осуществлении этого давнего намерения уже в самое ближайшее время станут и последние архивные находки, обогащающие наше представление о Чехове в Ишиме?

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. Письма в 12-ти тт. - М., 1976. - Т.4
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. Сочинения в 18-ти тт. - М., 1978. - Т.14-15.
3. Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П.Чехова. - М., 1955
4. ЦГАЛИ, ф.549 - открытое письмо Е.А.Чеховой из Ишима
5. Пашков Ф. Известные люди Ишима // Ишимская правда, 1997, 14 января
6. Тобольские губернские ведомости, 1889, 16 декабря
7. Тобольские губернские ведомости, 1894, 9 марта
8. ТФ ГАТО, ф.417, оп.2, ед.хр.607, л.62а
9. ТФ ГАТО, ф.417 оц, оп.2, ед.хр.607, л.88
10. ТФ ГАТО, ф.154, оп.15, ед.хр.791 / завещание А.Ф.Залевского /
11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения в 18-ти тт. - М., 1982. - Т.18.

Е.В. ШИЛОВА

Соборная, Базарная... (К истории названий площадей и улиц города)

За более чем двухсотлетнее существование города Ишима в нём сформировалась своя система площадей, улиц, переулков, проездов и выездов, сейчас их в городе 214. Каждый из этих внутригородских объектов имеет историю. Заглянем в историю площадей Ишима, какими они были до начала XX столетия, а их было 5: Соборная, Базарная, Сенная, Кузнецкая (Кузнечная) и Загородная.

На Геометрических планах города 1808 и 1818 гг. (статус города Ишим получил в 1782 году) нет топонимических названий, нет их и на картах и планах середины XIX века. На названных планах чётко обозначена большая площадь, в центре которой - каменная соборная церковь во имя Богоявления Господня, освящённая в 1793 году. Собственного имени у площади ещё нет. Возможно, она уже тогда в народе именовалась Соборной, но официально ни на одном из планов Ишима у площади нет названия, как нет его и у других площадей и улиц города. Собственные имена улиц и площадей находим уже в конце XIX в. в материалах Первой всеобщей переписи населения российской империи, проходившей в 1895-1897 гг.

На Планах 1808 г. вблизи от каменной обозначена и "деревянная ветхая церковь", построенная в начале XVIII века, в 1726 году она сгорела "от ветхой трапезной печи" и была выстроена в 1731. Церковь была снесена или разобрана в исторический промежуток времени с 1808 по 1818 гг.

На площади располагались здания духовного правления, богадельня, здание суда, каменные погреба для хранения казны, здесь же торговые лавки, соляные "магазины", питейные дома с расположенными на берегу Ишима каменными винными подвалами. В юго-западной части площади, по берегу, несколько домов, "выстроенных не по плану и опасность имеющих от подмытия берегов реки Ишим". После проведения отводного канала через озеро Синкино (район современного моста через Ишим) и изменения русла реки такая опасность исчезла, и дома на этом месте, разумеется, уже другие, относятся сегодня к улице имени А. Луначарского.

В октябре 1817 года в Ишиме было открыто первое учебное заведение - мужское уездное училище. Училище существовало на пожертвования. Одним из жертвователей был купец 2-ой гильдии Фёдор Еманаков. Своего помещения училище не имело, и Еманаков отдал ему часть своего дома. Этот дом находился на главной площади города.

Итак, к концу XIX столетия на площади располагалось деревянное, крытое деревом здание ишимского уездного училища (В 1982 году здесь построен корпус № 2 Ишимского государственного педагогического института имени П.П.Ершова). При училище было 3 квартиры. В одной из них проживал смотритель училища Куминов Владимир Петрович, окончивший Омскую учительскую семинарию, с женой, выпускницей Тобольского епархиального училища, двумя сыновьями. В квартире жили также кучер, кухарка и "призреваемый" - учащийся уездного училища Комов Матвей Иванович, рождённый в деревне Клепки Ларихинской волости Ишимского уезда, У Куминова Комов получил приют и пропитание. Во второй квартире жил садовник училища Константинович Доминик Осипович, поляк из Ковенской губернии, при нём жена - «прачка при муже», имеющая домашнее образование и читающая по-польски (город Ковно в 1917 году был переименован в Каунас, Литва). Сам Доминик Осипович обучался в Ишимском уездном училище.

В третьей квартире жил плотник, родом из Саратовской губернии Камышенского округа, с женой и двумя сыновьями.

На площади стоял еще один деревянный, крытый деревом, дом из 2-х жилых строений. Дом принадлежал почетному гражданину Ишима городскому голове Еманакву Олимпию Александровичу, внуку того Федора Еманаква, который в начале века отдал один из своих домов для Ишимского уездного училища. В одном из строений дома Еманаква, кроме него и жены Марии Ивановны, жили его сестра, выполнявшая обязанности экономки и швеи, две квартирантки, учащиеся Ишимской женской прогимназии. В другом строении жили Славинские, Анисим Александрович и Марфа Игнатьевна (кучер и кухарка) и горничная Зверева Ольга Андреевна. К сожалению, в 60-е годы XX века красивый дом купца Еманаква на Соборной площади был снесен. «Его утрата – невосполнимая потеря для нашего города», - с горечью писал об этом в газете «Ишимский купец» краевед Л.В.Фролов.

На площади стояли и другие деревянные дома, но крытые дерном. Это дом «земледельца» Каледина с женой-прачкой и их детьми; дом делопроизводителя Ишимского уездного воинского управления Морожникова Дмитрия Павловича. Хозяин с семьей жили в первой квартире дома, а во второй квартировал «нахлебник» - Петропавлов Александр Иванович, ученик уездного училища. На площади был также дом Матрены Максимовны Сорокиной, занимающейся табаководством, она жила в первой квартире дома вместе с дочерью, тоже «табаководом», сыном-дворником и жилищей-поломойкой. Во второй квартире Сорокиной жили супруги Каледины – «работники без места». В доме Афанасьева Петра Петровича, стоявшем тоже на площади, жили Афанасьев с женой, двумя дочерьми и сыном-«письмоводителем», на заработки которого и жило все семейство. Во второй квартире этого дома жил тоже письмоводитель, но «письмоводитель у товарища Тобольского губернского прокурора 2-го участка Ишимского округа» Смолин Иван Алексеевич с женой. Как видим, дома на площади, как правило, были из 2-х строений, в каждом из которых было, по крайней мере, две квартиры.

В соседстве с мещанскими домами в первом квартале первой части города (было такое деление Ишима) на Соборной площади стоял ночлежный дом. Это было деревянное строение с деревянным покрытием. «Проживали» здесь мещане без прописки – ссыльные из городов и губерний России. Обитателями дома были только мужчины, в возрасте от 21 до 67 лет, в основном вдовы или холостые (последних было меньше), несколько женатых. Из живущих здесь 66 человек почти половина были безграмотны, некоторые читали не только по-русски, но и по-немецки, или по-польски, или по-малороссийски и считали родным языком не русский, а соответственно – немецкий, польский или украинский (Малороссия – устарелое название Украины). Большинство ночлежников имели профессии, которые были ими приобретены или там, откуда они прибыли, или в Ишиме: сапожники, каменщики, маляры, кровельщики, кузнецы, печники, портные, повара и даже «художники». В городе кто-то смог устроиться кучером по найму, кто-то – приказчиком в мясной или бакалейной лавке, мужчины с профессиями рабочих трудились на кожевенном, мыловаренном, овчинном (были пимокатных дел мастера), кузнечном или кирпичном заводах, точнее – заводиках Ишима. Проживали в доме и прибывшие из Санкт-Петербурга «медицинский фельдшер» и «накладчик при типографии». Один из москвичей владел «картузным мастерством», другой называл себя «писцем на паровой вальцовой мельнице», третий был «шёрным мастером». Были среди ночлежников «официант в клубе» и «курьер по дилижансам». Последняя специальность была привезена из Европы (Черниговская область) и вряд ли была вос-

требована в маленьком сибирском городке. Не все жители дома на Соборной площади могли использовать свои умения, а у некоторых их просто не было, и пристраивались ссыльные чернорабочими, разного рода поденщиками, многие называли основным источником средств существования «любую работу», «сбор милостыни» или иначе – «сбор подаяний».

Обитатели ночлежного дома прибыли в Ишим в разное время и из разных городов и губерний обширного Российского государства: из Москвы и Московской губернии, из Санкт-Петербурга и его губернии, из Одессы и Киева, Минска и Кишинева, Казани и Воронежа, из Владимира и Нижнего Новгорода, из Бессарабии (Молдавия), Смоленской, Саратовской, Тамбовской, Таврической (совр. Омская область), Херсонской, Екатеринославской (совр. Днепропетровск, Украина), Лифляндской и других губерний (Лифляндия – часть Эстонии и Латвии, вошедшая в состав России в XVIII веке как Лифляндская губерния). Из Москвы и Санкт-Петербурга в этом доме было по пять ссыльных, а из остальных российских мест – по одному, редко – по два человека. Представляете, какая богатая география «проживала» в ночлежке на площади Соборной! Здесь были «гости» не только из центральной части европейской России, но и с ее окраин. Кстати, в Ишиме был еще один ночлежный дом. Деревянная «торговая баня» Егорова, расположенная на улице Большой Кузнечной, по вечерам и ночам давала приют беспризорным ночлежникам. По социальному статусу жители «места Егорова» были ссыльными из тех же мест, что и проживающие в ночлежке на Соборной площади, только здесь было несколько человек и из деревень Ишимского уезда.

Говоря о ночлежных домах в Ишиме, уместно вспомнить, что в 1881 году, когда в Москве проходила перепись, Л.Н.Толстой столкнулся с проблемами «понимания и участливости» и взялся за осуществление грандиозного благотворительного проекта избавления города от нищеты. Осуществляя этот проект, писатель обнаружил парадокс: среди тысяч нищих, населявших один только московский ночлежный дом под названием «Ржановская крепость», вряд ли можно было найти одного-двух, кому требовалась немедленная материальная помощь, способная изменить положение этих несчастных. Такие нищие и обездоленные были и в нашем городе. Конечно, сотня ночлежников для восьмидесятилетнего Ишима в конце XIX века – это не многие тысячи нищих для многомиллионной Москвы того времени. Но все же... Как жили бедные и обездоленные люди – ночлежники в Ишиме? Наверное, так же, как и в любом ночлежном доме России. Представить такую жизнь можно, прочитав известную пьесу М.Горького, написанную в 1902 году и вышедшую в 1903 под заглавием «На дне» в Санкт-Петербурге и «На дне жизни» - в Мюнхене.

Вернемся к Соборной площади. В России исторически сложившиеся улицы и площади городов несут в себе бесценную языковую информацию, их названия почти никогда не были случайными, а отражали духовную и материальную культуру города. Именно поэтому новые названия, появившиеся в XX столетии, заменившие исконные названия и имеющие идеологическую мотивацию, не могут быть памятником истории и культуры. К культуре не имеют отношения, как правило, и новые источники формирования урбанонимов – названий городских объектов, в том числе улиц и площадей. Не имеет отношения к культуре и новое название площади Соборной – площадь имени С.Урицкого. На этой площади возвышается Богоявленский собор. На этой площади, кроме Собора, стоит памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны. Имя Урицкого не самое для нее подходящее, тем более, что историческое имя площади благоприятно для этого святого места. Слово СОБОР пришло к нам из старославянского языка, где было переве-

дено с греческого СИНАГОГА, что значит «место собрания, схода». Площади, где есть церковь и священный памятник, где люди собираются, чтобы вместе порадоваться и поскорбеть, конечно, нужно вернуть ее историческое имя, данное ей когда-то по зову сердец, - Соборная. Когда величественный колокольный звон прозвучит над Ишимом на СОБОРНОЙ площади, а не на площади Урицкого, он найдет торжествующий радостный отклик в наших душах. Когда спрашиваешь у горожан, где находится площадь Урицкого? и кто такой Урицкий? – они не могут ответить. Если спросишь, на какой площади находится Богоявленский собор, как правило, отвечают: «Наверное, на Соборной»...

В материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проходившей «на основании Высочайше утвержденного положения 5 июня 1895 года», в городе Ишиме названа и площадь Церковная (в Тобольской губернии, куда входил Ишим, перепись проходила в 1897 г.). Но документы этой же переписи показывают, что в городе не было самостоятельной Церковной площади, это, по-видимому, Соборную называли и Церковной, что вполне логично. Итак, по переписи Церковная площадь, как и Соборная, находится в первой части города, в первом квартале, а Троицкая и Никольская церкви – во второй части Ишима. Далее, на так называемой Церковной площади, в деревянном, покрытом деревом доме – «караулка наследие Паклевских» - жил комендант при винном складе Бушков Андрей Дмитриевич с женой, сыном и тремя дочерьми. Как уже говорилось, каменные винные подвалы (погреба, склады) испокон находились в Ишиме на Соборной площади, на берегу реки. Таким образом, из сказанного вытекает, что именно Соборную площадь называли и площадью Церковной.

Второй по значимости и размеру была в Ишиме площадь Базарная. В некоторых краеведческих работах находим и другие площади: Ярмарочную и Торговую. Сопоставительный анализ места нахождения этих площадей на картах и планах города, обозначенные на них городские объекты, архивные документы позволяют говорить, что Базарная, Ярмарочная и Торговая – названия одной и той же площади. Итак, на Базарной площади – городское полицейское управление, прогимназия, торговые постройки, на Ярмарочной площади – женская прогимназия, на Торговой площади – церковь Святой Троицы. Находим и название Торгово-Базарная площадь. Разные названия одного и того же объекта объяснимы. Во время создания, например, городских государственных планов и карт до конца XIX века не было упорядоченной системы названий улиц и площадей, на картах и выкопировках из них мы не находим названий улиц, площадей, но везде, кроме площади Соборной, обозначена и площадь, находящаяся в центре города и являющаяся центром мирской, в том числе и торговой жизни Ишима. Бессистемность городских объектов и их названий наблюдается и в документах Первой Всероссийской переписи. Так, например, обозначены Торговая и Базарная площади, а Ярмарочной площади нет, Большая Никольская улица на некоторых переписных листах названа улицей Мертвой, так неофициально называли эту улицу после эпидемии брюшного тифа в 1892 году в Ишиме и его окрестностях. Разные названия одной и той же площади объяснимы и лингвистически. Базар – место открытой торговли съестными припасами и товарами широкого потребления. В русском языке слово, во всей видимости, заимствовано в XV веке из персидского языка через торговых людей. Слово БАЗАР в значении «рынок восточного типа» известно во французском, немецком, английском, испанском и других западноевропейских языках. Ярмарка – временный, широко открытый торг, большой торговый съезд, устраиваемый ежегодно, в определенное время, в одном и том же месте, куда съезжаются из разных населенных пунктов страны, а иногда и из разных стран для продажи и закупки товаров. На ярмарках бывают также различные увесе-

ления (Никольская ярмарка в Ишиме). Слово Ярмарка заимствовано в начале XVII века из немецкого языка. Слово в немецком состоит из двух частей: Jahr – год и Markt – рынок. Таким образом, при переводе слово ярмарка обозначает «ежегодная торговля, рынок». О том, что Базарную площадь в Ишиме называли также и Ярмарочной, находим еще одно подтверждение. В одном из документов Тобольского филиала госархива о застройке Базарной площади города в конце XIX века находим сведения о том, что для постройки торговых помещений на Базарной площади купчихе Карнауховой разрешено «место на зимней Никольской ярмарке» (подчеркнуто нами – Е.Ш.).

В XIX веке Базарная площадь занимала в городе значительное пространство. С южной стороны площадь начиналась от улицы Базарной (совр. Советская), с северной ограничивалась улицей Садовой (совр. Малая Садовая), на западе заканчивалась улицей Старой Сенной (совр. А.Пономарева). На восточной стороне площади стояли и ограничивали ее Свято-Троицкая церковь и здание городской управы. Сравнивая исторические планы площади с современными, видим, что сегодня Базарной площади, пусть и под другим названием, нет. В 1919 году площадь была переименована в Октябрьскую. К тому времени торговые помещения на площади вошли в структуру Большой и Малой Никольских улиц и улицы Старо-Сенной. Площади Базарной (Ярмарочной, Торговой) в городе не стало.

Главным зданием на Базарной площади, ее украшением была Свято-Троицкая церковь, построенная на средства ишимских купцов в 1842-1843 годах. С южной стороны площади угловые строения были «домами церковными» или иначе – домами для церковнослужителей. Сегодня эти здания в архитектурном отношении ничем не примечательны. Сейчас в одном из них находится кафе «Отдых» (бывшая «шашлычная»), в другом – городской комитет по молодежной политике и городской молодежный центр, до них здесь работал детский клуб «Дзержинец». Сама церковь в советское время была почти разрушена, какое-то время сохранялась колокольня, но и она исчезла, а кладбище, которое тянулось за церковью, было закрыто еще раньше.

На площади Базарной стояло каменное двухэтажное здание для окружного Ишимского полицейского управления и окружного казначейства. На современной карте это здание находится на улице им.А.Луначарского, дом № 70, где многие годы работал городской Дом пионеров, сейчас это учреждение переименовано в Детский дом творчества.

На восточной стороне Базарной площади, южнее Троицкой церкви, с середины XIX века возвышается каменное здание, обозначенное на плане Базарной площади 1866 г. как городская управа. Интересно, что на одной из выкопировок из этого плана нет названия «городская управа», а здание названо «канцелярией надзирателей». Это и понятно: выкопировка сделана безграмотно: год ее составления не обозначен, автора нет, а сама площадь именована Торговой, какого названия на официальных планах не было. Выкопировка была сделана на основании поданного 23 сентября 1871 года прошения купца 2-ой гильдии Василия Осиповича Вехова «о строительстве дома деревянного с каменным низом». Дом был построен на углу улиц Двойниковской (Чкалова) и Большой Никольской (Ленина). Дом сохранился до настоящего времени.

В центре города, на Базарной площади, располагалась и городская пожарная с двумя строениями. В одном, деревянном доме, покрытом деревом, жили девять пожарных, возрастом от 45 до 69 (!) лет, умели читать из них только трое. Семь пожарников были холостыми, один вдовый, один женатый. Во втором доме проживал «служитель пожарного обоза» (вероятно, и конюх, и кучер в одном лице – Е.Ш.).

В 1863 году на Базарной площади было построено деревянное здание для Ишимского женского училища, которое в 1871 году было переименовано в Ишимскую трехлетнюю прогимназию. В некоторых краеведческих документах местом расположения прогимназии называется Базарная улица. Действительно, после сокращения пространства площади и продолжения в северную сторону улиц Большой и Малой Никольских сократилась с западной стороны и площадь Базарная, а торговые постройки и женская прогимназия оказались не на площади, а на улице Базарной. Здание женской прогимназии (позднее – гимназии) сохранилось до сего времени, в нем не одно десятилетие работает городская школа № 3.

К 1882 году, к столетию города, на Базарной площади были выстроены каменные торговые ряды. Здесь стоял каменный «гостинный ряд», каменный магазин купца Бокарева, хлебные магазины, «весы с балаганом для вывешивания хлебных материалов» (одно из значений слова балаган – временная легкая деревянная постройка для ярмарочной торговли, жилья, зрелищ). Предполагалось еще строительство хлебных магазинов, разного рода торговых лавок. Интересна история постройки торговых помещений на Базарной площади. Немного об этом.

11 мая 1896 года городская Дума города Ишима постановила «разрешить устройство временных торговых помещений на городской площади». Прошение об этом было отправлено в губернский Строительный отдел в Тобольск и было получено им 15 июня того же года. В прошении Думы спрашивалось: «...не будет ли нарушать эта постройка действительного на город Ишим плана (1866 г. – Е.Ш.) и вообще не встречается ли к сему каких-либо законных препятствий». Идет долгая переписка между городскими и губернскими чиновниками, между строительным губернским отделом и ишимским головой. План корректируется, исправляется, дополняется. Наконец, 7 мая 1897 года ишимский голова Еманаков О.А. за своей подписью отправляет Его Превосходительству Господину Тобольскому Губернатору «вновь» составленный план торговой площади, вновь составленный – это на старый план 1866 г. нанесены планируемые постройки и дано их описание. План представляется губернатору на «благоусмотрение и утверждение». В этот же день на заседании Думы было разрешено купчихе Карнауховой П. строить торговые помещения на Базарной площади, план постройки площади был отдельно отправлен также в Строительный отдел. А сама Пелагея Карнаухова 17 мая 1897 г. отправляет в Тобольск телеграмму с текстом: «Благоволите разрешить представленный Ишимской городской управой 11 мая № 52 утвержденный план Торгово-Базарной площади, на которой разрешено построить мне торговые помещения. К начатию сего материалы приобретены, подрядчики и рабочие наняты». Желających строить свои торговые помещения и осаждающих Думу по этому делу, кроме Карнауховой, было в Ишиме много. И поэтому городской голова Еманаков дает 23 мая 1897 г. телеграмму в Тобольск: «Ввиду усиленной просьбы лиц построить торговые помещения на Базарной площади, прошу о разрешении плана дать знать телеграммой». В июне того же года за подписью Еманакова в губернию (Тобольск) отправляется отношение, где указано, что в плане под литерами В и Д построены помещения в разное время, начиная с 1866 и до 1874 гг. По журналам городской управы эти постройки утверждены с обязательством: если «места понадобятся, то торговцы свои лавки обязаны снести и место очистить». Таким образом, на «Торгово-Базарно-Ярмарочной» площади были построены и временные магазины и лавки. Как видим, работа по застройке Базарной площади в конце века шла активно.

Кроме названных двух больших и значимых в городе площадей, в Ишиме было еще три площади: Сенная, Кузнечная и Загородная. В примечании к Геометрическо-

му плану Ишима 1808 г., когда город с северной стороны ограничивался современной улицей им.В.Чкалова, обозначены места «для будущего размножения города». Там была обозначена и «площадь для продажи хлеба, сена, лесу и дров». Это место расположено южнее современной поликлиники по улице имени А.Пономарева, на берегу Ишима, от улицы им.А.Луначарского до названной улицы. Эта площадь получила название Сенная, а улица, ограничивающая ее с восточной стороны, называлась Сенной, Старо-Сенной до 1919 года, когда и была переименована в улицу имени А.Пономарева. Так как на этой площади продавали не только сено, но и хлеб (пшеницу, овес и т.п.), то в некоторых документах она обозначена как Хлебная. В материалах Первой переписи есть только Сенная площадь, Хлебной нет. Таким образом, можно предположить, что в городских документах и конца XIX, и начала XX вв. использовались два названия для одного и того же внутригородского объекта – площади, что было, как уже говорилось, не единично. В 1920 г. Хлебная площадь была переименована в пл. Свободы, а Сенная уже не упоминается. Вскоре Сенная или Хлебная, или пл.Свободы исчезла с карты города. С ростом города на Сенной площади перестали продавать сено и хлеб, площадь застраивалась жилыми домами, по берегу прошла улица Московская. Торговать сеном стали в заливной части, там, где находится небольшая улица Сенная. Улица идет параллельно улице Республики, в районе новых корпусов Ишимского ПАТП. Рядом с улицей большое незастроенное место, пустырь, который ишимцы называют Сенной площадью, хотя официально такой в городе нет.

На Сенной площади жили не только выходцы из Тобольской губернии, но и прибывшие в Сибирь по своей или не по своей воле из европейских городов и губерний России. Из Тобольской губернии здесь проживали отставной солдат Хавов Василий Андрианович, родившийся в Мизоново, занимающийся сапожничеством, его жена, тоже из Мизонова, сын и постоялец – крестьянин из государственных – пимокат Безруков, родом из Удалова. Из деревни Пахомово прибыл Чирков Яков Ефремович, тоже крестьянин из государственных, с женой, родом оттуда же, и сыном. Из местных были еще «сторож окружного судьи» Санников Иван Яковлевич, родившийся в деревне «Большой Удаловой», с женой из Воронежской губернии. Прислугой у Бубнова Василия Агапьевича, приказчика в пивном ларьке, москвича по рождению, была Черемисова Анна Алексеевна из деревни Сметанкино Тобольского уезда. Сожительница Бубнова Татьяна Матвеевна Белозерова из Новочеркасского уезда Ставропольской губернии. Из Митавской губернии прибыл в Ишим стекольщик Бернштам Матис с семьей, у него было три работника, приехавших из Санкт-Петербурга и Житомира (Митава – город в Латвии, в 1917 году был переименован в Елгаву). Далее. В доме на площади жил выходец из Тульской губернии Емельянов Василий Прохорович. Кроме жены, родом из Мценской волости Орловской губернии, и детей, в доме жили столяр, прибывший из Курляндии (Курляндия – иное название Латвии). Как видим, большинство населения Сенной площади были пришлыми из европейской части страны. Что их привело в Ишим – не знаем.

На берегу реки Ишим, напротив здания старого автовокзала, в районе автоколонны 1319, были кузницы, а это городское место называли Кузнечной (Кузнецкой) площадью. Позднее это был Кузнечный ряд, который в 1973 году был переименован в улицу имени С.Орджоникидзе. Вообще слово «кузнечный» было убрано в городе в названиях трех объектов. До названного переименования в 1961 году, улица Большая Кузнечная по просьбе «старейших коммунистов города Ишима» была переименована в улицу имени Александра Ермиловича Карякина, «организатора парттор-

ганизации РСДРП(б) в Ишиме». Еще в 1920 году улица Кузнечная получила имя деятеля международного рабочего движения 20-х годов XX века Розы Люксембург. Так памяти о том, что на территории современного Ишима были когда-то кузницы, не осталось.

В городской части № 2 (Базарная площадь в этой же части) на площади под названием Загородная находилась Ишимская «местная команда» (воинская часть). Обозначение этого места как площадь в Воинской «перечневой» ведомости Первой переписи (1897) несколько условно. Команда квартировалась в Ишиме на так называемой Заимке, на берегу реки. (Заимка – земельный участок, занятый кем-нибудь по праву первого владения, заселения).

На этой Загородной площади (площадке) в одном из частных домов, но с казарменным порядком, проходили службу 117 человек, из них только пятеро были некрестьянского сословия, а крестьяне были в основном из государственных. На службе в местной команде, кроме офицеров, были сапожники, кузнецы, оружейники, портные и «прислуга» (ординарцы). Во втором доме, тоже частном, но с городским порядком, служивые до поступления в команду также занимались земледелием. Здесь они выполняли те же работы, что и «жители» казарменного дома: были портными, сапожниками, малярами, «офицерской прислугой», ложниками, т.е. оружейниками – специалистами по деревянной части ружей, в которую вкладывается и к которой прикрепляется ствол (устар. Ложа – жёлуд, канал). Служивые низших чинов были в основном холостыми мужчинами 25-35 лет, мало было грамотных, рождением они были, в основном, из Тобольской и Томской губерний.

Итак, в конце XIX столетия в городе Ишиме было пять площадей: Соборная, она же -Церковная; Базарная, она же - Ярмарочная, она же – Торговая, она же – Торгово-Базарная; Сенная, Кузнечная и Загородная. К концу XX и началу XXI веков в Ишиме можно назвать только две площади: имени С.Урицкого (исконно Соборная) и площадь Привокзальная, которая начала формироваться после 1913 года, когда в трех верстах от Ишима прошла железная дорога. Площадь Октябрьскую, которая обозначена на картах 90-х годов прошлого столетия, нельзя считать площадью, она вся занята строениями, на ней стоит возведенное в 1937 году здание кинотеатра, как теперь говорят – киноконцертного зала, возвышается здание нефтепроводного управления, при нем – одноэтажный магазин, еще один магазин (бывшая столовая общепита). Площади Октябрьской, бывшей Базарной, как таковой нет. А жаль...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ИФ ГАТО, ф.1, оп.1, ед.хр.7 (Протокол заседания Военно-Революционного Комитета от 22 декабря 1919 г.).
2. ТФ ГАТО, ф.154, оп.21, д.123 (Геометрический специальный план города Ишима Тобольской губернии 1818 г.).
3. ТФ ГАТО, ф.353, оп.1, д.606-608, 611-612 (Материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи).
4. ТФ ГАТО, ф.353, оп.1, д.123 (Выкопировка из Генерального плана города Ишима с показанием места Вехова).
5. ТФ ГАТО, ф.353, оп.1, д.212 (План Базарной площади 1897 г.; Материалы по застройке площади).
6. РГАДА, ф.1343, оп.1, д.16 (Геометрический специальный план Тобольской губернии уездного города Ишима с выгонною землею купцов, мещан и разного звания людей – 1808 г.).

С.А.ГЛУХИХ

Ишимские духовые и эстрадные оркестры

О духовых коллективах Ишима XIX и начала XX века известно крайне мало. В отрывочных воспоминаниях современников упоминаются вечера, на которых играли небольшие музыкальные ансамбли, первый «Ишимский клуб», на открытии которого в 1866 году присутствовал оркестр «из людей, исполняющих свое дело довольно порядочно». В 1867 году в Доме уездного училища регулярно устраивались танцевальные вечера.

В первое десятилетие XX века в городе уже существовали постоянные духовые коллективы, например, концертный оркестр под управлением С.И.Телешева, игравший в городском летнем саду. Или оркестр при мужской гимназии, о котором мы узнаем благодаря сохранившейся в Ишимском краеведческом музее фотографии. На снимке – юноши-учащиеся с музыкальными инструментами. Состав оркестра: три скрипки, виолончель, контрабас, флейта, тромбон, трубы, кларнеты, барабан. На зрителя смотрят выразительные глаза музыкантов, мы видим одухотворенные, интеллигентные лица. Что исполнял этот оркестр? Судя по своеобразному составу, а это почти камерный оркестр, музыканты играли классические произведения. Но, вероятно, им была не чужда и танцевальная музыка. Они также вполне могли аккомпанировать певцам. В одном из гимназистов мы узнаем известного в будущем ишимского музыканта и руководителя различных духовых оркестров города – Виктора Олимпиевича Еманакова.

Благодаря исследованиям краеведа В.Меньщикова теперь известно, что в 1934 году Еманаков, бывший участником многих городских духовых оркестров, становится полковым музыкантом Ишимского территориального кавалерийского полка, но многочисленные марши и походы подрывают его здоровье. Позже, до 1935 года, он руководит духовым оркестром в железнодорожном Доме культуры – ЖДК, а затем по причине болезни переходит работать на мукомольный завод, тоже руководителем духового оркестра и музыкального кружка. В 1936 году мельницу закрывают на консервацию, а инструменты передают на элеватор. Туда же уходит Еманаков. Несмотря на преклонный возраст, он не расстается с трубой. Именно его оркестр был особо популярен перед войной. Он воспитал много музыкантов, которые затем играли в различных городских духовых оркестрах. Духовой музыкой увлекались семьями: отцы учили своих детей, образовывая целые династии музыкантов. Такая династия, к примеру, была у ученика Еманакова – Фирса Игнатьевича Каргополова, который не только сам играл на бас-трубе, но и обучил своих сыновей: Лазаря (баритон), Иосифа (тенор) и Павла (альт). А после его смерти на чердаке дома оставалось еще много разных труб – целый оркестр. Фирс Каргополов играл в оркестре мукомольного завода, а во время войны – на танцах в городском парке или в фойе кинотеатра «30 лет ВЛКСМ». Он занимался музыкой до 1954 года. В эти же годы самый младший в семье сын – Павел, учащийся 5-й городской школы, организовал в ней духовой оркестр, который выступал на школьных вечерах.

3 января 1937 года – начало работы В.Еманакова в педагогическом техникуме в качестве преподавателя музыки и пения. В начале 1940-го года педагоги училища и учащиеся собрались в небольшой симфонический оркестр, руководителем и дирижером которого стал Еманаков. Так, к старости осуществилась его мечта вновь играть, как и в юношеские годы, в настоящем симфоническом оркестре. «Симфоническим» его назвали в газете «Серп и молот» от 24 июня 1940 года – хотя, если

судить по составу, приведенному в заметке – это лишь миниатюрный камерный оркестр. Но для маленького Ишима это было большое культурное событие.

Звуки духовых оркестров звучали и на станции Ишим, в районе железнодорожного вокзала. Это место было воистину интернациональным. В Алексеевском поселке, кроме русских, проживали венгры, поляки, чехи, украинцы. До революции в железнодорожном парке был построен клуб (на месте малого фонтана), а в 1928 году было возведено новое клубное здание, сохранившееся и по настоящее время. И первым руководителем духового оркестра в этом здании стал Петр Иосифович Еркалов. В 30-е годы был принят на работу Александр Кузьмич Петров, а в конце войны – Григорий Данилович Осьмах. С 1942-1944 гг. оркестр возглавил Андрей Данилович Ковалев и, забегаая немного вперед, хочется отметить, что после войны оркестр ЖДК достигает наивысшего расцвета под руководством Леонида Афанасьевича Кутырева.

Известно также и о существовании в эти годы ансамбля «песни и пляски» под руководством Карла Георгиевича Вальдера, которому аккомпанировал и духовой оркестр.

В военные годы музыкальная культура Ишима не только не пришла в упадок, но и значительно выросла благодаря эвакуации некоторых музыкальных коллективов из Ленинграда в наш город. И сегодня помнятся старым ишимцам джазовый оркестр в ЖДК и другой джазовый коллектив, из ленинградцев, проводивший танцевальные вечера в клубе военного городка, а также в кинотеатре «30 лет ВЛКСМ».

В 1941 году при формировании в Ишиме 384-го полка стрелковой дивизии был создан и духовой оркестр. Им руководил Леонид Кацин. Музыкантов набирали из города и района. Ваня Селянинов пятнадцатилетним подростком сбежал из дома и попросился играть в оркестр. Начались репетиции. Инструменты для репетиций оркестра взяли на мельнице, вернув перед отправкой на фронт. В Ишимском краеведческом музее имеется фотография состава этого оркестра.

После войны музыкантов в городе осталось мало. Духовой оркестр, который был до войны в педучилище, нужно было собирать вновь. Его организатором стал Иван Николаевич Селянинов, начинавший свою музыкальную карьеру еще в оркестре Еманакова. Пришлось большинству ребят учить заново, но оркестр уже скоро заиграл. На трубе играл Фофанов – учитель физкультуры. Из учащихся: Владимир Колмаков – баритон, Иван Бринёв – труба, Николай Данилин – альт, Александр Самойлов – тенор, Сима Ванюков – альт. А также Дмитрий Шалыгин, Михаил Поляков, Валентин Филатов, Владимир Кислов (учитель).

В 1948 году музыкантов добавилось: Виктор Глазунов, Александр Нусс, Владимир Глазунов. Ведущими музыкантами оркестра были Иосиф Каргополов, Валентин Рогачев, Николай Глушков. Много музыкантов выросло в этом коллективе. Некоторые сами стали руководителями: Иван Бырдин организовал оркестр на машиностроительном заводе, а Владимир Белов – в седьмой городской школе.

В 1951 году руководителем духового оркестра в городском Доме культуры становится приехавший из Ленинграда Федор Владимирович Шабанов. Он создал коллектив из прекрасных музыкантов. «Лицом» оркестра были трубачи Н.Елисеев, Н.Помешкин, В.Антушев, Орленко, В.Гуменюк, Е.Ольшко и др. Александр Попов играл на валторне, Смарикин и Нестеров – на трубе. Геннадий Тюменцев – на домре-бас. Барабанщиком оркестра был Юрий Гультяев. С оркестром выступали и певцы. Летом духовой оркестр играл на танцах в горпарке, зимой – в фойе ГДК. Потанцевать, как правило, приходили взрослые люди старше двадцати лет. Танцы проходили с 7 до 11 часов «заездами»: полчаса оркестр, полчаса радиолы.

Играли танго, краковяк, пасадобль. Люди парами чинно ходили кругами по залу в соответствии с танцевальным распорядком.

Выступления духового оркестра всегда ждали. Когда оркестр переходил играть в парк, и люди видели, что музыканты несут трубы – моментально, и задолго до начала танцевального вечера, собиралась толпа любопытных. Всем хотелось услышать новую танцевальную программу оркестра! Коллектив просуществовал до 70-х годов. В 1973 году 7 марта в возрасте 54 лет Федор Шабанов умер. Его похороны, проводившиеся из помещения ГДК, собрали невиданную массу людей. Похоронная процессия растянулась от ГДК до кинотеатра им. 30 лет ВЛКСМ. Так с любовью провожал город музыканта, с которым связывают целую эпоху развития и совершенствования духового оркестра в Ишиме.

В начале шестидесятых годов в Ишиме было несколько духовых оркестров. Традиционно каждое предприятие – машиностроительный, механический заводы, локомотивное депо, автоколонна 1319, обувная фабрика – имели свой оркестр. Оркестры играли фокстроты, модную танцевальную музыку послевоенных лет. Джаз не допускался по идеологическим соображениям. Любителей было много, и духовой оркестр был для них доступен. Ярким трубачом прошлых лет был «Толя Мулёк» - Анатолий Елисеев, бывший еще и вратарем футбольной команды локомотивного депо. Он был солистом-трубачом в коммерческом духовом оркестре еще в 1949 году, игравшем ежедневно на танцах в кинотеатре 30 лет ВЛКСМ. Ровно в 22 часа начинался последний киносеанс, и одновременно начинались танцы. За работу в кинотеатре платили деньги в зависимости от важности музыканта: 1-й корнет и баритон за концерт получали 5 марок, 2-й корнет и тенор – 4, бас – 3, барабан и альты по 2 марки. Марка – условная единица, процент важности данного исполнителя. Жанр духового оркестра в Ишиме развивался до 1983-84 гг.

Первый эстрадный оркестр в ЖДК появился в 1961 году. Его организатором стал хороший кларнетист и саксофонист, бывший руководитель духового оркестра ЖДК – Валерий Степанович Пангелов. От духового эстрадный оркестр отличался, прежде всего, репертуаром и составом: он был ближе к начавшему вновь развиваться в стране джазу. В оркестр вошли опытные музыканты: Николай Алексеев – труба, Валерий Ткач, Владимир Иванов, Александр Куликов – саксофоны, Вадим Гуменюк – тромбон, Михаил Шорохов – баян, и др. По средам, субботам и воскресеньям в переполненном фойе ЖДК, на танцах, оркестр «сыгрывался», набирался опыта. На танцы иногда приходило до семисот человек! Все снимали верхнюю одежду и переобувались. Танцевали, знакомились, влюблялись... Оркестр обожали. Шли послушать и потанцевать иногда через весь город. Оркестр был большой. Руководитель сам расписывал партии. Музыканты были грамотные: хорошо играли по нотам. В те годы эстрадный оркестр был новинкой, какой не было нигде на Свердловской железной дороге: ни в Тюмени, ни в Свердловске, куда оркестр и выезжал для участия в фестивалях. Наиболее значимым и памятным для ишимских музыкантов был конкурс-фестиваль, проходивший в Свердловске по инициативе Свердловской железной дороги.

Туда съехалось много коллективов: и танцоров, и певцов, и оркестров. Дождливым вечером сели ишимские музыканты в вагон и тут же, объединившись по пять-шесть человек, начали играть и импровизировать. Так с музыкой и весельем доехали до Свердловска, где после выступления стали лауреатами конкурса-фестиваля.

Запомнился и концерт в Тюмени: жили в каютах на дебаркадере, много купались, даже загорали, ярко выступили в переполненном зале и уехали непобежденными. С едой все было просто. В Тюмени, тогда еще на старом вокзале, на перроне стояли старушки с корзинками и прямо на газетках продавали самую разную

рыбу: и осетра, и муксуна, икру и много всякой снеди. Оркестр просуществовал, по крайней мере, до 1965 года, но, к сожалению, распался.

А в 1966 году в железнодорожном клубе им.Ильича появляется новый руководитель и новый коллектив: эстрадный оркестр, который становится на десятилетие местной кузницей талантов. Первый «рокер» города, руководитель эстрадного оркестра в ЖДК, а впоследствии, и самой известной группы (ВИА) того времени «Грезы» - Николай Александрович Фомин прошел большой путь музыканта. Будучи преподавателем черчения в железнодорожной школе № 1 (ныне 31 шк.), он, бывало, даже на уроке, увлекался и на слух, глядя в окно, записывал в нотную тетрадь, которую всегда приносил с собой в класс, ноты. Если же ученики, воспользовавшись такой передышкой, начинали шуметь сильнее шумового порога, то им попадало и линейкой, и зажатými в руку очками. И все же он был добрым, отзывчивым учителем и интересным музыкантом. Его ученики-музыканты, как правило, становились грамотными исполнителями, играющими увлеченно и само-забвенно.

Н.Фомин вошел в музыкальную культуру города сразу после войны с баяном в руках. Он на протяжении двадцати лет развивал эстрадно-духовое направление, благоприятствовала этому и его учеба в Вильнюсе, на курсах джазовых руководителей у известного композитора-песенника Дунаевского. После прохождения курсов он с гордостью показывал удостоверение, подписанное мэтрами советской песни. Самое же важное для нас, что он получил «разрешение» на творчество. В Вильнюсе положительно оценили привезенные им композиции, и уже скоро они зазвучали в Ишиме в исполнении эстрадно-симфонического оркестра ЖДК, им руководимого. Его вальс «Сердце, молчи» на протяжении многих лет (!) открывал танцевальные вечера в ЖДК. Часто исполнялось танго «Осенние листья» и песни: «В проводницу я влюблен» и «Поезда». Фомин особенно тяготел к жанру «танго» и здесь есть немало интересных музыкальных мелодий. Сам он особенно выделял танго «Вечерний закат», рассказывая ученикам с гордостью и ноткой ностальгии, что «его и теперь часто играют на побережье Черного моря». Ишимские мотивы присутствуют в танго «На берегу Ишима». Общая настороженность к авторской песне не позволила тогда полноценно оценить творчество Николая Александровича. Достаточно сказать, что даже ансамбль «Грезы» исполнял исключительно музыку советских композиторов.

Фомин явился родоначальником первой большой музыкальной студии в городе, воспитывающей музыкантов на протяжении многих лет. У него был, несомненно, большой, выдающийся талант распознавать, учить и выводить в путь к Большой музыке молодежь. Почти полсотни его учеников стали профессиональными музыкантами, закончив средние и высшие музыкальные учебные заведения. Ему мы обязаны развитием талантов Николая Бочкуна – заслуженного артиста Латвии, оперного певца; Ивана Сергеева – участника Омского народного хора, Игоря Половникова – саксофониста, руководителя оркестра, Сергея Аксенова – барабанщика Омского народного хора, Николая Чупина – кларнетиста Омского симфонического оркестра, Александра Белоногова – тромбониста Омского музыкального театра и многих других. И большая часть городских ВИА-музыкантов вышла из его «Грез». Это Коля Хрулёв, Юра Криворученко, Витя Соломенцев, Володя Шарاپов, Андрей Буторин, Валера Аксёнов, Валера Ледаков и многие другие талантливые ребята.

В конце 50-х начале 60-х гг. железнодорожный парк был любимым местом отдыха горожан. Здесь можно было встретить и пожилых людей с внуками, и ветеранов войны в кителях, увешанных медалями, и молодежь. Работал большой деревянный пивной бар, в глубине парка стояли павильон для игры в бильярд, чи-

талья, была и пельменная. Шумели фонтаны, брызги лучились радугой, отражая свет фонарей. Статуи атлетов с веслом - мужчины и женщины, привносили в пейзаж уверенность бытия. По вечерам было многолюдно, особенно когда проводились танцы на летней площадке. Приходили люди всех возрастов потанцевать под джаз-оркестр, который был крепок и многочислен: четыре саксофона, две - три трубы и другие инструменты. Площадка полностью заполнялась танцующими людьми. Играли модную и современную музыку. Уже появился «твист»: и в Ишиме, в парке, полулегально исполняли «Валентина-твист», делали перевод песни «с польского» И пели, естественно, на русском. Танцующие, для страховки от милиции, разбивались на пары и в центре площадки «ломали» твист, пока не подходили охранники, впрочем, добраться до середины было весьма нелегко, а танец к тому времени кончался.

Кроме твиста Фомин сумел исполнить в городе, точнее на концерте в первой железнодорожной школе в 1966 году, шейк «Стамбул». Исполнение было стилизовано - исполнители, для придания восточного колорита, надели повязки на лица. За этот номер директор школы тут же запретил ансамблю заниматься. Правда, ненадолго.

Певцами в оркестре были: Александр Вахмин (1968г.), Юрий Криворученко (1969), Валентина Федоренко. Владимир Жиделев играл на контрабасе фирмы «Амати». Борис Тосик - на трубе.

Эстрадный оркестр постепенно уступил место ВИА, хотя отзывался вкраплением в гитарный состав то саксофона, то трубы, то скрипки.

В ГДК ещё работал духовой оркестр, когда в 1968 году появился новый эстрадный оркестр. Его возглавил Борис Васильевич Казанин. Он активно начал репетиции и привлёк многих уже известных музыкантов. В группе саксофонов играли А.Бешлый, К.Чупин, В.Иванов, В.Белов, Н.Вилков, С.Валенцев, на клавишах - В.Новиков и Ю.Климов. Ким Аркадьевич Осинцев - директор ГДК - попросил эстрадный коллектив играть на танцах. Музыканты играли за плату, хотя она была небольшой. Выезжал оркестр и на предприятия. Играл на всех смотрах художественной самодеятельности. Когда Борис Казанин ушел директорствовать в ДМШ № 1, руководителем вместо него стал Владимир Иванов. Музыкальной литературы было мало, и он решил сам писать ноты, музыку, соответствующую возможностям оркестра. И написал много, хотя не афишировал это. Потом в оркестре стала падать дисциплина: Иванов тогда работал начальником строительного управления, был загружен работой: он предупредил музыкантов и вскоре ушел из оркестра. Коллектив перестал существовать.

Через некоторое время музыканты, истосковавшиеся без серьезной игры и репетиций, вновь собрались под руководством Бориса Казанина. Эта была третья попытка эстрадного коллектива консолидироваться. При энтузиазме и большом опыте, талантливых музыкантах – а в нем вновь заиграл и Валерий Пангелов, и лучший трубач города Анатолий Липовка, и прекрасные саксофонисты Валерий Ткач и Владимир Иванов, пианист Сергей Глухих и трубач Виктор Михелев, оркестр смог создать новую сольную программу, открывающуюся свиридовской «Время, вперед», с вокалистами: Александром Шоховым и молодым Виталием Гицевичем. К сожалению, существование этого коллектива было недолгим. На смену духовой музыке пришла музыка ВИА. Наступил бум электроники и гитар. И все же духовая музыка не сошла окончательно с культурной сцены Ишима. Ее оживление началось с переводом в город полка ВДВ из г.Пренай (Литва) и создания при нем духового оркестра в 1995 году. Городские оркестранты приняли активное участие в работе данного коллектива. Это были В.Аксенов, А.Безуглов, В.Шарапов, С.Орленко, А.Викторов и др. Дирижер – Сергей Анатольевич Якушин.

Оркестр просуществовал три года. Его военная основа дисциплинировала музыкантов, у них появилась заинтересованность в усложнении репертуара. Возрос исполнительский уровень.

Общий подъем городской музыкальной культуры сегодня связан с именем мэра В.А.Рейна. Оценив важность сохранения культурных традиций малого города, он способствовал созданию в 1998 году первого муниципального духового оркестра под руководством Павла Гребнева и муниципального оркестра народных инструментов под управлением Валерия Петриха. Не каждый город способен иметь такие коллективы. Благодаря заботе мэра уровень искусства игры на духовых и русских народных инструментах в городе вновь поднялся, а это значит, что не умерли традиции духовых оркестров, зародившихся в XIX веке.

ЛИКИ ПРОШЛОГО

Что общего между «купеческой женой» П.И. Карнауховой, попечительницей ишимской женской прогимназии, и Заслуженным тренером СССР В.А.Порфирьевым, воспитавшем в середине XX века целую плеяду замечательных спортсменов? Только одно: верность городу Ишиму, которому они, выполняя свой гражданский долг, служили в меру сил своих и возможностей.

В.Н. МЕНЬЩИКОВ

Почетная попечительница ишимской женской прогимназии П.И. Карнаухова

В конце XIX в. женское образование переживало период своего становления.

Первая женская школа в Ишиме, открытая 28 апреля 1860 г. и преобразованная 15 апреля 1871 г. в трехклассную прогимназию, делала робкие шаги по утверждению своего статуса, как полноправного учебного заведения. К деятельности женской школы общественное мнение того времени относилось довольно инертно и равнодушно, порой с непониманием и усмешкой.

Любой исторический процесс складывается из деятельности множества личностей. Но лишь немногие люди играют в нем решающую роль, что не всегда в достаточной мере осознается современниками. После смерти память о таких людях, зачастую малоизвестных при жизни, исчезает под спудом времени. Однако без таких «маленьких» личностей движение к «общественному благу» было бы значительно замедлено.

Известно совсем немного женских имен, оставивших о себе память в истории Ишима добрыми делами. И это неудивительно. XIX век предоставлял немного возможностей для самоутверждения женщины как личности, для выражения ее душевных качеств на общественном поприще. Мешали узкие рамки косных представлений и предрассудков. Для ишимской женской прогимназии такой «маленькой» личностью, без которой женская школа не могла бы достойно пройти важный этап своего развития, стала «купеческая жена» Пелагея Игнатьевна Карнаухова, первая из попечительниц этого учебного заведения, заслужившая звание «Почетной», благодаря не столько своему богатству, сколько неустанной деятельности и щедрости души. Под ее материнской опекой женская прогимназия находилась около двадцати трех лет.

Родилась П.И. Карнаухова в 1857 г. Семнадцати лет вышла замуж за Михаила Ивановича Карнаухова (1849 г. рождения). Ишимский купец второй гильдии Карнаухов торговал бакалейными товарами. В 1891 г. являлся Директором городско-

го общественного банка. В круг близких знакомых семьи Карнауховых входили исполнявшие должности Товарищей Директора Общественного банка купцы Ф.П. Вострых и И.А. Бобков, а также екатеринбургский мещанин Тараканов, мастерской той же губернии Тверсков, высокопоставленный чиновник – исправник Виноградский. Карнауховы имели репутацию порядочной семьи среднего ранга, достаточно уважаемой, но не более того.

Общественная карьера М.И. Карнаухова не достигла своего пика, в середине 90-х гг. XIX в. он умер, и П.И. Карнаухова становится самостоятельной владелицей бакалейного магазина, высокое каменное здание которого располагалось на Базарной площади, неподалеку от прогимназии (в 50-е гг. XX в. полностью перестроено, в настоящее время – здание городской библиотеки). В справочной книге по всем отраслям культурной и торговопромышленной жизни «Вся Россия» за 1908 г. фамилия Карнаухова упоминается в перечне торгующих галантерейными товарами.

Еще при жизни мужа, 8 июля 1889 г., П.И. Карнаухова утверждена Попечительницей женской прогимназии. Отзывчивая и сердобольная по характеру, она стала настоящим «ангелом-хранителем» прогимназии. Благотворительная деятельность для Карнауховой являлась не только обязанностью, но и потребностью в проявлении добродетели. Со слов старожилов известно, что, будучи набожной женщиной, купчиха Карнаухова раздавала по праздникам булочки заключенным, находившимся в тюремном замке. Не имея прямого отношения к народному образованию, П.И. Карнаухова, руководствуясь понятиями христианской морали, содействовала улучшению материального обеспечения женской школы, в то время как основная масса купечества еще только начинала осознавать свою роль в поддержании школьных учреждений на должном уровне, в необходимости оказания им не показной, а действенной помощи.

29 ноября 1907 г. – знаменательный день в жизни П.И. Карнауховой, первой из «купеческих жен», отмеченной наградой за благотворительную деятельность в народном образовании. От имени великой княгини Марии Павловны ей вручен браслет с бриллиантами и памятная медаль в память царствования императора Александра III. Такие же ценные подарки получили в этот день еще две женщины – начальница прогимназии В.С. Часовитина и учительница математики того же заведения – П.Е. Хавкина.

Признание заслуг Карнауховой в сфере народного образования наравне с опытными педагогами говорит само за себя.

Сотрудничество начальницы прогимназии и почетной попечительницы – отрадный факт в истории женского образования в Ишиме. Пересечение путей самоотверженной, преданной своей профессии С.В. Часовитиной и сострадательной, не скупающейся на помощь и поддержку П.И. Карнауховой, оказало самое благотворное влияние на жизнь и нравственную атмосферу учебного заведения. Единственная женская школа в городе становится престижной. В 1902-1903 гг. учебном годах открывается четвертый класс.

К 1 января 1909 г. в прогимназии обучались 238 воспитанниц. Все это способствовало тому, что в 1911 г. прогимназия приобретает более высокий статус - гимназии.

К концу первого десятилетия XX в. торговые дела П.И. Карнауховой пошатнулись. Сын Петр не проявлял склонности к торговле. Наступает новое время, когда купечество старой закалки уступает место новому поколению торгово-промышленной буржуазии, более приспособленному к реалиям капиталистического рынка. Напротив магазина Карнауховой появляются большие здания двух товариществ: «Перминова и Родионова» и «Братьев Кутыревых». Соревноваться с этими бога-

тыми фирмами, выступавшими в качестве конкурентов, обедневшей П.И. Карнауходой становилось не под силу. К 1910 г. она прекращает заниматься торговой деятельностью.

1 апреля 1912 г. новой Попечительницей, теперь уже женской гимназии, назначается жена одного из самых богатых купцов города, бывшего Председателя Попечительного совета женской гимназии, Перминова Дросида Николаевна. Автоматическое присвоение Д.Н. Перминовой звания Почетной Попечительницы вполне соответствовало духу времени, когда присутствие в попечительских советах и других благотворительных организациях жен влиятельных людей вошло в моду и считалось признаком хорошего тона.

Трудно ответить на вопрос, вызвано ли отстранение от дел Карнауходой исключительно ухудшением ее финансового положения или это был добровольный уход, но после своей отставки она не потеряла доверия, которое приобрела за годы работы в Попечительском совете. К Карнауходой по старой памяти обращались родители гимназисток с просьбами посодействовать в решении каких-либо деликатных вопросов, например, помочь в освобождении от занятий иностранными языками ввиду «неуспеваемости». И она не отказывала.

Умерла Пелагея Игнатьевна Карнаухова 30 апреля 1914 г. в больнице, пятидесяти семи лет от роду, от «чахотки». Душевное участие и материальная поддержка купчихой Карнауходой дела женского образования на протяжении почти четверти века не должны быть преданы забвению.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ИФ ГАТО, ф. 812, оп.1, д.5 «а».
2. Там же, д. 13.
3. Памятная книжка Тобольской губернии на 1891 г. Тобольск, 1891.
4. Памятная книжка Западно-Сибирского округа на 1909 г. Томск. Товарищество «Печатня П. Яковлева», 1909.
5. Вольский З. Вся Сибирь. СП-б., 1908.
6. Сведения по истории Ишима. Записаны Г.П.Щербаковым, 1952.

А.Н.ФИЛИПОВА

Василий Алексеевич Порфирьев

Развитие спорта в Ишиме неразрывно связано с историей развития самого города.

Спортом здесь стали заниматься еще в начале XX-го столетия: катались на коньках, учащиеся городских школ ходили на лыжах, некоторые из них самостоятельно занимались гимнастикой.

В настоящее время спортивная жизнь города очень многообразна и динамична. Это обусловлено прежде всего широким спектром культивируемых у нас видов. Их свыше двадцати: традиционно почитаемые сибиряками лыжные гонки, футбол, хоккей. В последние годы уверенно набирают силы каратэ и дзюдо, баскетбол и велоспорт. Спортсмены Ишима внесли большой вклад в современное олимпийское движение: Борис Шахлин - олимпийский чемпион по гимнастике, Николай Анкин - чемпион мира по лыжным гонкам, Олег Галкин - чемпион мира по велоспорту. Их воспитателем можно по праву считать заслуженного тренера спорта СССР, заслуженного мастера спорта СССР, почетного гражданина города Ишима - Василия Алексеевича Порфирьева.

В фондах Ишимского краеведческого музея хранятся уникальные документы,

рассказывающие о судьбе этого прекрасного человека и талантливого тренера: газета «Комсомольская правда» за 10 марта 1944 года, книга омского журналиста С.Веремея «Василий Порфирьев» и архив самого тренера.

Архив передала в музей дочь Василия Порфирьева - Маргарита Васильевна Бердинских. Перебирая документы, награды, письма, телеграммы, она подала мне аккуратно сложенный небольшой листок, где крупными буквами, красивым почерком было написано: «Секреты успеха» и дополнила: «Он всегда висел у папы на самом видном месте, перед глазами».

Секретов успеха у Василия Алексеевича было девять.

1-й: Знай, над чем ты сегодня должен работать. Больше самостоятельности, активности, инициативы, мысли.

2-й: Веди учет сделанного.

3-й: Воспитывай в себе чувство дружбы, ответственности за команду, будь чутким и заботливым.

4-й: Умей в любой обстановке сохранить хорошее настроение у себя и у товарищей.

5-й: Учти, мужество растет в борьбе с трудностями.

6-й: Сделай каждую тренировку максимально полезной. Важно не количество часов, проведенных на тренировке, а объем проделанной работы, ее интенсивность, целенаправленность.

7-й: Стремись не к хорошему исполнению комбинаций, а к идеальному.

8-й: Верь, ты сам творец упражнений.

9-й: Помни, тренер - твой лучший друг, будь внимателен к его словам и предельно собран, требователен к себе. Вот по таким «законам» жил, учил, воспитывал тренер, наставник, человек трудной, но завидной судьбы, огромного жизнелюбия и нестигаемой силы воли, чье мужество и верность долгу стали примером для многих поколений ишимских школьников, - Василий Алексеевич Порфирьев.

В.А.Порфирьев родился в морозную предновогоднюю ночь 1906 года. Он был пятым ребенком в многодетной семье овдовевшего грузчика тюменского речного порта Алексея Порфирьева, рано познал нужду и цену труду. Денег в семье всегда не хватало и пришлось мальчику бросить школу и «идти в люди».

Осенью 1918 года одиннадцатилетний Вася двигался по грязной улице в поисках заработка. В его рваных башмаках хлюпала вода, одежда, мокрая от дождя, прилипала к телу, с картуза на лицо сползали крупные капли.

Вася жадно всматривался в показавшееся впереди здание механических мастерских.

Поравнявшись с двором мастерских, он долго наблюдал за тем, что там происходило. Торопливая суета людей, огромные кучи заржавленных железных стружек, звон и лязг металла, редкие глухие удары молота - все это понравилось ему. Подступило горячее желание начать работать. Вася решительно прошел в открытые ворота.

- Что тебе? - внезапно послышался за спиной Васи строгий голос. Он оглянулся. В приоткрытой двери проходной будки стоял человек. Сторож вернул Васю.

- Таких сопляков у нас не принимают. Ступай сперва на выучку.

Первый «людской» совет оказался полезным. Вася поступил в механико-техническую школу и через два года работал на Тюменском заводе «Победа» помощником слесаря. Когда Вася еще учился в начальной школе, ему удалось случайно побывать в цирке. Первый раз в жизни он увидел там гимнастов и акробатов.

Стройное тело и ловкость, сильные мускулы, смелость, красота и точность движений гимнастов неотразимо увлекли Василия, пробудили страстное желание подражать. Быстро нашлись единомышленники.

В школу приходили раньше, ставили на бок парты и неуклюже ворочались на них, проделывая бессмысленные произвольные упражнения. Каждый старался придумать какой-нибудь особенный «номер», чтобы удивить друг друга. У Васи получалось лучше. Позже он уже проделывал то, что не могли повторить товарищи.

В минуты уединения Вася и его неутомимые сверстники то и дело щупали свои бицепсы. Казалось, что мускулы с каждым днем заметно твердели, становились все больше и больше. При утренней встрече в школе Вася по примеру товарищей засучивал сколько было возможно правый рукав и, тужась, стибал руку.

- Пощупай, пощупай!... Скорей! - подставляя согнутую руку, торопил Вася товарища. Когда тот немедля трогал пальцами комочек мускула, Вася многозначительно произносил:

- Вчера были мягче. Правда ведь?

И вот его мечта осуществилась, когда в клубе рабочей молодежи организовался физкультурный кружок. В детскую группу гимнастов первым вступил Порфирьев, и с каждым днем он обнаруживал незаурядные способности.

Вскоре помощника слесаря Василия Порфирьева направляют учиться на уральские областные курсы инструкторов физической культуры, которые и определили всю его дальнейшую судьбу - он стал воспитателем детей, педагогом и другом. Он учил их культуре физической и, одновременно, о чем они и не догадывались, культуре духовной-дисциплине, стойкости, силе воли.

Еще работая на заводе, Василий Алексеевич изредка чувствовал боль в позвоночнике. Потом боль стала появляться все чаще и чаще и длилась дольше. Василий Алексеевич и не предполагал, что надвигалась страшная болезнь - окостенение суставов позвоночника.

Подошел призыв в армию. Порфирьев не хотел признавать себя больным и с болью в суставах пошел на военную службу.

Вот он курсант объединенной Татаро-Башкирской военной школы. Готовится лыжный переход Казань-Ульяновск. Порфирьев без малейшего размышления включился в команду.

Поход начался. После первой же ночевки в пути Порфирьев проснулся в тяжелом состоянии. Об этом он никому не сказал.

Вышел вместе с командой и уверенно двинулся дальше. Трудно было только по утрам. Курсанты сначала уходили на несколько километров вперед, а Порфирьев в это время, тихо шагая, «разминался». Потом Порфирьев входил в спортивную «форму», нагонял курсантов, перемещался в голову команды и стремительно вел их к цели. Переход длился три дня и закончился успешно.

Время текло. Болезнь брала свое - наступал процесс сковывания позвоночника. Порфирьев, получив несколько поощрений за отличную боевую и политическую подготовку, был демобилизован.

Упорно отгоняя мысль об инвалидности, Порфирьев горел неудержимым желанием работать, быть полезным обществу. Он возвратился к любимой, но трудной теперь для него работе преподавателя физкультуры в средней школе.

Болезнь неумолимо связывала суставы, принуждая Василия все чаще и чаще задерживаться в постели. Чуть-чуть оправившись, подлечившись, он снова спешил на работу.

Неоднократно Василию Алексеевичу приходилось бывать в санаториях, клиниках разных городов. И однажды Порфирьев долго находился на излечении в одной из московских клиник. Лежал он в палате с писателем Николаем Островским, который поддерживал нашего тренера в трудную минуту. Василий Алексеевич сделал вывод: при любых обстоятельствах не следует сдаваться.

В 1925 году Василий Алексеевич Порфирьев приезжает в Ишим и вскоре начинает работать учителем физкультуры в железнодорожной школе № 31, которая располагалась недалеко от железнодорожного клуба, а позднее возглавляет Детскую юношескую спортивную школу.

Стройный, подтянутый, он был для многих примером стойкости, умения не сдаваться на милость судьбы, преодолевать все невзгоды на жизненном пути, принести больше пользы людям.

Рядом с таким человеком многим ишимским ребятам и предстояло начать свой спортивный путь.

Работу в своей школе Василий Алексеевич организовал следующим образом: после медицинского осмотра и собрания физкультурного коллектива, на котором избирался руководящий орган-бюро, приступали к лекционным занятиям. Один день в шестидневку отводили общему, обязательному для всех гимнастическому занятию. В нем участвовали футболисты, стрелки, легкоатлеты, шахматисты.

На академических уроках Василий Алексеевич разбивал учеников так: из пятого-седьмого классов составлял две группы мальчиков и девочек, из восьмого и десятого классов - тоже две отдельных группы.

Он твердо установил, что в различных возрастных группах игры, гимнастику и спорт следует проводить в соответствии с особенностями возраста.

Для того, чтобы правильно, полноценно провести урок, Порфирьев каждый раз составлял обстоятельно продуманный план. Он никогда не приходил без подготовки. Новый урок он всегда дополнял интересными упражнениями, играми. Василий Алексеевич вообще не довольствовался уже известным ему, он постоянно перечитывал книги, выписывал специальные журналы, газеты, пособия. К нему со всего города приходили физкультурные работники за советами.

Общую часть урока Василий Алексеевич обязательно проводил сам. Когда же требовался «зеркальный» способ объяснения, то есть с практическим показом упражнения, Порфирьев с большим успехом прибегал к помощи групповодов. В большинстве же случаев достаточно было объяснений тренера. Это было тем лучше, что он с первых дней успешно знакомил учеников с правильной гимнастической и спортивной терминологией. Ученики понимали своего учителя с первого слова. К тому же Василий Алексеевич объяснял особенно понятно.

Страдая физической ограниченностью, тренер не мог проделывать полные движения и лишь только напоминал своим ученикам главные элементы упражнений.

Он не мог выполнить, показать даже простейшие упражнения на каком-либо снаряде, но несмотря на это Василий Алексеевич стал опытным спортивным педагогом и требовательным тренером. Если Порфирьев видел, что кто-то приходил на тренировку только для того, чтобы развлечься, он ставил вопрос просто: или занимайся как нужно, или уступи место другому, который будет более дисциплинированным. Он безжалостно отчислял из школы нерадивых и оставлял тех, кто горел желанием заниматься спортом.

В детской юношеской спортивной школе не было так называемой «узкой специализации», все новички начинали свой спортивный путь одинаково, независимо от того, кому какой вид нравился. Правда, главным в тренировке все-таки были занятия спортивной гимнастикой. Но для общего развития ребята занимались и другими видами спорта.

Летом - легкой атлетикой и спортивными играми, зимой - коньками, лыжами, хоккеем с мячом. И так в обязательном порядке на протяжении двух первых лет.

За это время Василий Алексеевич получал возможность хорошо изучить каждого воспитанника и почти безошибочно определить, кто и в каком виде спорта может преуспеть.

Василий Алексеевич Порфирьев всех занимающихся в детской спортивной юношеской школе делил на несколько подгрупп, в зависимости от возраста и успеваемости. Всем ребятам хотелось попасть в старшую, как они называли ее, «сильную» подгруппу. Старались! В ней были упражнения красивее и сложнее. Во главе каждой подгруппы он ставил ответственного помощника. А какое было счастье заслужить от Василия Алексеевича честь быть групповодом, его помощником! Они гордились этим...

- Василий Алексеевич во время занятий был строг и требователен, - вспоминал его бывший ученик Виктор Кожевников. - В то же время он чутко относился к каждому. Не оставлял без внимания ни плохого, ни хорошего. Он каждого успевал проверить, поправить, дать ценные указания. Было в нем что-то такое... особенное. Ругал нас и иногда даже очень, но мы не сердились. На него просто было невозможно обижаться: за дело «строчил» нас... Хотелось быть таким, как он. Замечательный человек.

Физкультурники Порфирьева активно участвовали в спортивной жизни города. В лыжных соревнованиях, например, школа участвовала всегда несколькими командами и не двумя или тремя, а шестью-семью.

Команды поражали своей организованностью, спортивной техникой, дисциплиной, стремлением к коллективной победе. Школьники многочисленной гурьбой шли на соревнование «болеть» за свои команды.

Порфирьев приучал своих друзей к аккуратности во всем: предусматривал, казалось, самые незаметные, ничтожные мелочи. Он строго говорил:

- На беговой дорожке, в тире, на футбольном поле не может быть мелочей. Из нескольких незаметных мелочей складывается крупная неприятность. Неопрятный вид, неправильно пришитый номер участника - это не пустяки. Все это вредит. А если у лыж не совсем исправно крепление, или небрежно обулся, тогда - провал.

В тренировочную группу к соревнованиям выделялись только лучшие. Здесь Порфирьев никогда не ошибался. У него спортивные достижения являлись единственным условием к включению в состав команды. Никакие другие причины не действовали. После укомплектования команды Порфирьев детально разбирал и изучал с ней программу гимнастических соревнований, ребята списывали упражнения, чтобы отдельные элементы их ежедневно разучивать в домашних условиях, используя доступные приспособления.

Легкоатлеты тренировку начинали с января- февраля. Лыжники - с первых дней прихода в школу, то есть с сентября. Они тренировались в любую погоду. Пока нет снега - устраивали прогулки спортивным шагом, проводили кроссы (бег по пересеченной местности). Это позволяло окрепнуть и закалиться к началу морозов. Как только выпадал снег - порфирьевцы были готовы.

Для обычных занятий лыжников всегда имелась постоянно и точно размеренная дистанция. Сначала ходили без палок, чтобы новички выработали равновесие, а «старички»- восстановили его. Потом занимались с палками, разучивали, вспоминали стиль хода. Первые уроки с новичками проходили так: Порфирьев выходил на середину снежной полянки и по небольшому квадрату пускал лыжников. Они двигались вокруг его.

- Не забывайте держать ступни параллельно... Раз, два... Раз... два... не отрывайте лыжи от снега... Руками, руками работайте... Раз... Раз... Мягче скользите... Не отклоняйтесь назад!.. - наблюдая за каждым, командовал Порфирьев.

Практический урок на лыжах заканчивался коротенькой беседой, во время которой разбирали общие и индивидуальные ошибки, знакомились с теорией лыжной техники. Когда лыжи и палки были аккуратно осмотрены и сложены по всем правилам хранения в пирамиды, Порфирьев проверив это, распускал учеников.

После нескольких занятий, наиболее освоившиеся в ходьбе на лыжах ученики выводились на дистанцию для прохождения определенного расстояния в известном темпе. Все это проходило строго по плану. Для лыжников выделялись три дня в шестидневку. Один раз Порфирьев обязательно присутствовал сам, а в остальные два дня ученики работали самостоятельно под наблюдением членов бюро лыжной секции.

Группу легкоатлетов для предстоящих соревнований Порфирьев начинал комплектовать в январе и заканчивал в феврале. С начала учебного года к этому времени он успевал обстоятельно изучить новичков, всесторонне познакомиться с их способностями и подбирали таких, которые проявляли любовь к легкой атлетике и настойчиво работали над овладением спортивной техники. До наступления теплых дней они усиленно занимались гимнастикой, лыжами.

Лучшие достижения физкультурников обязательно широко освещались в стенной газете. Фотографии отличившихся, кроме того, помещались в особый общешкольный физкультурный альбом. Попасть в этот альбом - значило достичь большой чести. А это не так-то просто, потому что помимо установления рекорда в спорте, нужно было быть еще обязательно отличником в учебе и активным общественником.

За многие годы своей работы тренер Порфирьев не раз напоминал своим ученикам, воспитанникам: «Имей в виду, дружок, что каждый школьник носит в своем ранце медаль чемпиона. Почти все наши мастера начинали путь в большой спорт с детских лет. Только для того, чтобы стать чемпионом, надо, как говорят бывалые спортсмены, не один пуд соли съесть». Эту поговорку, наверняка, знал и помнил каждый воспитанник Василия Алексеевича, поэтому не случайно многие из них добились больших успехов в различных видах спорта.

Так, в предвоенные годы команда наших гимнастов, подготовленных Порфирьевым, дважды завоевывала первые места на кустовых соревнованиях по гимнастике среди железнодорожных школ Сибири и Дальнего Востока.

В личном зачете чемпионами стали: Роза Жукова и Иван Блаженков. Вторыми: Вера Соловьева и Радомир Куминов. Третьими: Маргарита Кузнецова и Виктор Брагин.

В годы Великой Отечественной войны спортивная жизнь в городе также не угасала, благодаря Василию Алексеевичу Порфирьеву.

Когда началась война, в школах ввели курс начальной военной подготовки. Порфирьев был назначен военруком 113-й школы. Вся спортивная подготовка шла с военным уклоном.

Старшеклассники, недоучившись, уходили на службу в армию, в военные училища, на фронт.

Вскоре с фронта на имя Василия Алексеевича стали приходиться письма от бывших его учеников. Как ни горько, но были и похоронки.

В одном из мартовских номеров 1944 года газета «Комсомольская правда» отвела целую страницу, посвященную школе Василия Алексеевича Порфирьева. Озаглавлена она была так: «Школа мужества». А ниже призыв: «Занимайтесь спортом, как ишимские школьники». Василий Алексеевич выступил со статьей

«Мои ученики», написали о школе и корреспонденты «Комсомольской правды» Ирина Ильичева и Михаил Ефимович Бударин. Были опубликованы письма с фронта Александра Бокова, Константина Степанова, Георгия Аксенова, Павла Блаженкова и других. Все они тепло благодарили своего учителя за уроки силы и мужества в стенах школы.

Многие бывшие ученики 31-й и 113-й школ были отмечены на фронте боевыми наградами. За подготовку молодых спортсменов, проявивших на фронте отвагу, мужество и героизм в 1944 году, Василию Алексеевичу было присвоено высокое спортивное звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

В послевоенные годы многие ученики Порфирьева посвятили свою жизнь физкультуре и спорту, став учителями, тренерами, спортсменами.

Обе дочери Василия Алексеевича продолжили семейную традицию, выбрав профессию спортивного педагога.

Двое его выдающихся воспитанников стали олимпийскими чемпионами, блеском золотых медалей украсив историю родного города. Оба они - Почетные граждане Ишима. Это Борис Шахлин и Николай Аникин.

Борис Шахлин - участник трех олимпийских игр: Мельбурн-56, Рим-60, Токио-64, завоевав семь золотых олимпийских медалей по гимнастике, вошел в историю мировой гимнастики под именем «Железный Шахлин». Человек несгибаемой воли, несокрушимого характера, неукротимой жажды победы, прославил и своего учителя - Василия Алексеевича Порфирьева.

Борис жил без отца, рано лишился матери. Сироте было нелегко. И однажды сверстники привели его в зал к Василию Алексеевичу. Ему очень понравилась гимнастика.

Во время войны Борис ночью приходил в спортивный зал 131-й школы и тренировался. Он очень хотел быть сильнее всех. И Борис стал таким. Он завоевал буквально все «золото мира».

Шахлин неоднократно побеждал, выигрывал чемпионские звания города, области, России, Украины, Европы, Мира, Олимпийских Игр, кубки Европы. Равных ему до сих пор нет.

В феврале 1958 года на Зимних Олимпийских играх в Италии в лыжной эстафете на 4x10 километров победу одержали спортсмены Советского Союза. Среди четверки олимпийских чемпионов был и наш ишимский парень, одноклассник Бориса из 113-й школы, Николай Аникин, выпускник центрального института физкультуры в Москве.

И тогда Василию Алексеевичу было присвоено второе почетное спортивное звание - «Заслуженный тренер СССР».

И еще можно долго перечислять имена учеников и воспитанников Василия Алексеевича, добившихся больших успехов в различных видах спорта. Многим из них уже 60-70 и даже 75 лет, но и сегодня в их памяти остались все те секреты успеха, по которым их учил и воспитывал Василий Алексеевич Порфирьев.

В настоящее время уже стали традиционными встречи воспитанников «отца ишимского спорта» (так Василия Алексеевича называют его ученики) на родной ишимской земле, в своей любимой школе.

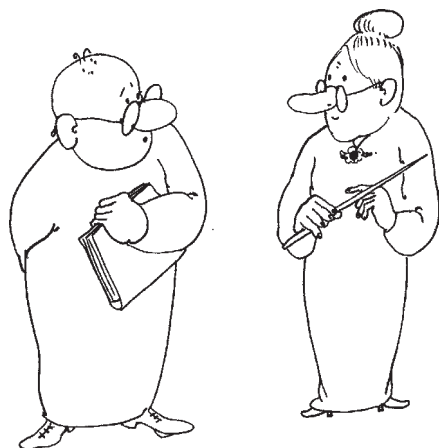
Следующую встречу под названием «На рубеже веков» ученики и воспитанники Василия Алексеевича Порфирьева планируют провести в октябре 2000-го года и в память о своем учителе установить мемориальные доски на 31-й и 4-й школах.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. С. Веремей Василий Порфирьев.- Омск, 1940 г.
2. Комсомольская правда, 1944 г., март
3. Ишимский краеведческий музей, фонд В.А.Порфирьева
4. С.И.Рыдзевский. «Ишим».- Екатеринбург, 2000 г.

МУЗЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ

Статья известного на юге Тюменской области краеведа и историка В.Н.Малышева познакомит нас со школьным краеведческим музеем, сформированным в 1966 году на станции Маслянской Сладковского района. Будучи создателем этого музея Владимир Николаевич расскажет об его возникновении и становлении, появлении новых экспозиций, а также увлекательных экспедициях и находках учителей и школьников с "музейной жилкой".

В.Н.МАЛЫШЕВ

Любовь моя - музей

Маслянскому школьному краеведческому музею исполняется тридцать три года. Он давно паспортизирован, получил почетное звание Отличного музея республики. Не обойден вниманием прессы. На страницах районной газеты делились радостями открытий его создатели и юные краеведы. О нем писали в своих статьях, заметках, зарисовках журналисты, родители, учителя. В музее познают теперь свой край дети и даже внуки тех, кто когда-то стоял у его колыбели. Видимо, настало время подвести некоторые итоги. Остановиться на миг и оглянуться. Как же всё начиналось...

Вспоминается середина 1960-х годов. Неподдельный интерес маслянских ребят к прошлому родного поселка, к истории Сладковского района при полном отсутствии доступных печатных изданий. Для удовлетворения его в школе создан кружок, где трем десяткам старшеклассников читаются лекции на основе собранных некогда по крупицам сведений. Но прошлое станции Маслянской остается пока белым пятном. Пришлось обратиться к своему опыту в Сладковской школе. Там краеведы записывали воспоминания старожилов и выступали с докладами. Запомнилось сообщение Леонида Шорохова о преданьях по возникновению деревни Китайск - одного из старинных поселений района (Л.П.Шорохов стал впоследствии историком-профессионалом, профессором Красноярского университета). Неожиданный импульс в методическом плане дал областной семинар учителей-музееведов, который прошел в Ишиме в феврале 1967 года. Так зародилась мечта - создать собственный музей. Любители старины записали зимой 1966-67 гг. первые рассказы ветеранов и собрали первые экспонаты. Руководитель кружка использовал часть своего отпуска для занятий в столичных архивах и научных библиотеках. С тех пор подобный распорядок стал традиционным. Внеклассная работа в служебное время сочеталась с летними изысканиями в архивохранилищах.

Первого сентября 1967 года школа получила наконец типовое здание, а вместе с ним и краеведы - комнату под музей. Оформляли его старшеклассники Владимир Мальцев, Виктор Заварыкин и совсем юные краеведы во главе с Надей Горюновой. Горячий сторонник новой затеи учитель труда С.М.Аганин (1934-1977 гг.) изготовил витрины и первые макеты. Торжественное открытие, затем ответственная презентация руководителям школ района, и весной 1968 года актив отправляется в поездку по городам Поволжья. Она организована была тогдашним куратором школь-

ного музееведения в области - Тюменской станцией юных туристов. Уфа, Нижний Новгород, Самара, Ульяновск - таков маршрут поезда "Тюменец". Читателю не стоит, видимо, объяснять, какой творческий заряд получили активисты от этого путешествия. И приобщение к настоящему музейному делу, и знакомство с историческими памятниками, и постоянные контакты с единомышленниками, представлявшими наш громадный регион от берегов Ледовитого океана до ковыльных степей Азии. Даже ледоход на великой русской реке Волге у Ульяновска вспоминали с восторгом спустя десятилетия.

1968 год принес нам еще одну удачу. Пятиклассник Сергей Колесников заприметил под вывернутым плугом пластом дернины на собственном огороде каменную фигурку и принес ее в музей. Китайская статуэтка льва приблизительно VII века - такова атрибуция ее искусствоведами Эрмитажа. Случайная находка. Но случайное, как известно, может переходить в свою противоположность и становится закономерностью. Прошло два года и на ферме "Энергия" (Абатская сторона Маслянки) нашли на огороде иранскую монету драхму времен царя Хозроя II (590-628 гг.). Затем железнодорожники при выемке грунта у вокзала обратили внимание на орнаментированную бронзовую втулку, которая оказалась навершием шатра восточного типа. И, наконец, уже в 1996 году Костюченко Олеся (11 класс) передала нам бронзовую пряжку с характерным орнаментом и остатками поделочных камней бирюзового, опалового и кроваво-красного цвета. Опять-таки выпавшую из-под дерна, но уже в центре поселка. Все эти находки залежали на станции по линии пересекающей ее с юго-запада на северо-восток. И если продолжить прямую далее, то она подойдет к излучине Ишима ("Лука Улутугая") у деревни Кош-Карагай, где у реки краевед, руководитель Равнецкого музея М.Г. Усольцев обнаружил четверть века назад статуэтки индусских богов (фотографии их были опубликованы в одном из столичных журналов). Такое расположение на местности художественных изделий вряд-ли случайно. Скорее всего оно говорит о древнем, торговой дороге, о которой писал историк С.В.Бахрушин, - из Бухары "через Ишимские пади" на север, как ответвлении Великого шелкового пути - памятника мирового значения. Это один лишь эпизод со случайными находками. А сколько их было за тридцать лет!

Помнится, как яростно спорили мы в маленьком музее о вероятности археологических памятников в нашем районе. На мой рассказ о найденном в студенческие годы у деревни Остропятово вкладыше каменного орудия, датированном моим университетским учителем, археологом и этнографом Отто Николаевичем Бадером, эпохой мезолита, юные оппоненты резонно возражали с увесистыми томами "Материалов по археологии" в руках: ученые считают, что стоянки древних людей в Приишимье приурочены лишь к речным системам. Наш район - озерный и такие находки маловероятны. И как победоносно посматривали на меня, когда во время походов по южным окраинам Ишимского и Абатского районов встречали на речных отмелях и даже проселочных дорогах древнюю керамику, костяные наконечники. Что мог я им возразить? Приходилось вновь и вновь убеждать, что для проведения раскопок и даже разведок необходим Открытый лист, а мы его не имеем.

Впрочем эти походы дали ряд ценных приобретений. Старожил д.Мешалкино Григорий Степанович Прокопьев (1892-1966 гг.) подарил долбленную лодку-бат, заиметь которую потеряли было надежду. Разыскали у населения и спасли несколько древних икон из разрушенных до основания церквей Приишимья.

И все-таки мы нашли следы древних культур на песчаных отмелях озер нашего района. Вершиной археологического счастья стал 1981 год, когда мой однофамилец Дима Малышев склонился к урезу озера Муравьево и протянул великолепный наконечник копья из алтайского нефрита в присутствии потерявших дар речи от изумления ребят. К сожалению, теперь эти отмели повсеместно уничтожены. Песок пошел на строительство совхозных баз, коровников, которые тоже канули в Лету...

На наших походах следует остановиться особо. Музей замышлялся и строился по истории района. А это предполагало постоянные экспедиции. Они проводились ежегодно в форме велосипедных походов. Им предшествовала тщательная подготовка зимой: создавались и обучались группы для полевых обследований, для работы с населением в селах и деревнях, уточнялись задачи, определялись маршруты, закладывались основы поведения в природе, сдавались экзамены по правилам дорожного движения. В этих экспедициях участники постигали азы краеведческой работы, фиксации увиденного и найденного, в дневниках и прочей полевой документации, а после окончания похода Тюменская экскурсионно-туристская станция присваивала туристические квалификации и вручала соответствующие удостоверения и значки. Краеведы посетили все населенные пункты района, побывали в Омской области и северном Казахстане (на тех территориях, которые входили в прошлом в состав Сладковской волости). Постепенно зародилось еще одно направление поисковой работы - изучение природных комплексов.

Первым таким объектом стал остров Таволжан. Теплым июньским днем 1974 года на нем встретились музейщики, прошедшие путь от самой северной точки района - станции Маслянской - до юга - села Александровки (руководители В.Н.Мальшев и А.А.Урих) и младшая группа натуралистов (руководитель биолог Н.И.Астанина). Остров привлек наше внимание. Там изучалась растительность, животный мир, геологическое строение, а в окрестностях пытались даже откопать мамонта. В последний раз мы посетили уникальный Таволжан в 1995 году.

На севере района мы заинтересовались урочищем Брусничным - другим памятником природы. Если Таволжан - заповедник лесостепи, то Брусничное - настоящий музей таежно-тундровой зоны. Детальное обследование его шло в 1975-1989 годах. Параллельно на рубеже 80-90 гг. исследовался озерно-гривный ландшафт района, генезис его формирования. Последнее обстоятельство потребовало от музея изучения истории климата в Приишимье. Были разысканы в Петербурге архивные данные о наблюдениях за погодой, а при музее в 1964 году открыта собственная метеостанция. Она функционирует до сих пор.

Есть еще одно важное направление поиска, которое не прекращается до сих пор, - это тема Великой Отечественной войны. Разработка ее начиналась сложно. За военное и послевоенное время население Маслянской многократно менялось. Даже память о многих земляках совершенно угасла. Поэтому первоначальный поиск пришлось вести в архивах. Разыскивая могилы погибших в боях односельчан, музей установил связи со следопытами Московской, Курской, Орловской, Ростовской и многих других областей нашего государства, с поисковыми группами Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Белоруссии, Молдавии. Нам не гнушались отвечать и редакторы центральных газет, и военкоматы, и органы местной власти. Четыре тома составила эта переписка. Опыт такой работы получил признание на 2-м и 3-м Всероссийских слетах юных следопытов. Участники их - Кожина Ольга и Козлова Надежда - удостоены специальных дипломов. Имел он и другое материальное воплощение. По инициативе идеологического работника Андрея Васильевича Виданова (1946-1987 гг.), председателя местного совета Василия Петровича Якусика фронтовиками той войны Горюновым Степаном Петровичем (1924-1999 гг.), Бережновым Иваном Андреевичем (1924-1993 гг.), Фединым Николаем Федотовичем сооружен обелиск (1975 год). Вот уже четверть века из разных весей и городов собираются люди у монумента в день Победы, чтобы почтить память тех, кто не вернулся с полей сражений, кто пролил свою кровь за свободу родины, кто ковал победу в тылу.

Ни один музей не обходится без дарителей. Настала пора рассказать и о них. Они были и есть, к счастью, у нас. Валентин Иванович Бозылев (1932—1977 гг.) и Вячеслав Иосифович Верниковский. Железнодорожники. Несколько лет разыскивали и передавали в музей оборудование железнодорожной станции первых десятилетий ее существования. Так пополнен был один из лучших отделов музея "Основа-

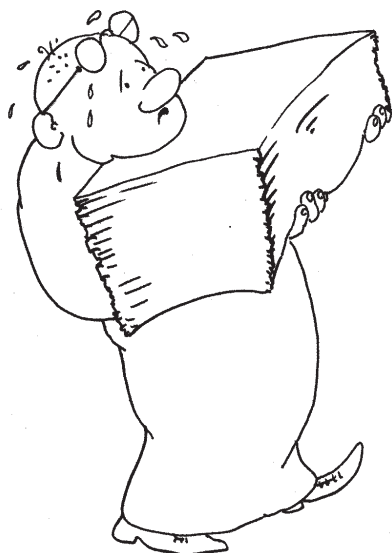

ние Маслянской". Петербургский музей "Шлиссельбургская Крепость" передал в дар кирпич XVIII века с личным клеймом мастера. Теперь он напоминает посетителям, что Северную Пальмиру на Неве строили и мастеровые-каменщики из далекой Сибири. Лесник села Ильинского на Урале - бывшей вотчины Строгановых - благословил кистень. И хотя он изготовлен в XIX веке, все-таки воскрешает в памяти те времена, когда из городков знаменитых промышленников двинулся отряд Ермака, чтобы подвести под высокую руку государя царство Кучума. А совсем недавно, два года назад, глава местной администрации Иван Федорович Матов привез лично двухметровый бивень мамонта. Он увидел его у рыбаков, тщетно пытавшихся освободить запутавшиеся "на клыке" сети и уговорил пожертвовать его нам. В экспозиции 1945-1950 гг. размещены продовольственные карточки, по которым отпускались продукты за деньги в магазинах для работающих и иждивенцев (200-400 грамм хлеба в день, 200 грамм сахара в месяц, килограмм круп или вермишели). Они - дар оператора Тюменского телевидения Виктора Матвеевича Митрофанова. Карточки - и документальное свидетельство послевоенных голодных лет, и память об удивительно неординарном человеке, которого, к сожалению, нет больше с нами. Эти примеры можно множить и множить. Комплектование школьных музеев осуществляется преимущественно путем пожертвований. Особенно много вещей приносят, конечно, школьники. Только в истекшем 1999 году фонды пополнились на несколько сот единиц.

Не сказать о просветительской работе музея - значит ничего не сказать о нем. Даже простое коллекционерство подвигает собирателя поделиться своей радостью публично. А что говорить о таких общественных учреждениях как музеи! Просветительство начинается уже на стадии оформления выставок (их у нас шестнадцать). Одна из них - коллекционное собрание часов, начиная от дореволюционного Павла Буре до суперсовременных электронных ходиков - уже год пользуется неизменным успехом. Готовится вторая выставка из общей серии "Век уходящий", посвященная вычислительной технике. К юбилею А.С.Пушкина открылась экспозиция "Поэт и Сибирь", где видное место занял "Пушкинский Временник" 1936 года - репрессированное сразу же после выхода издание. Оно чудом уцелело в библиотеке РОНО. Деятельность музея предполагает не только эффектный показ, но и рассказ. Мы всегда рады гостям интересующимся нашим собранием. Фонды музея были востребованы этнографами Москвы, палеонтологами Петербурга, краеведами солнечного Узбекистана. Принимали любителей старины почти из всех районов области. Существовал обмен опытом с музеями Карасуля, Шаблыкино, Абатска, Ишима, Заводоуковска, Ялуторовска (в 1981 году на базе нашего музея прошел областной семинар аттестационных групп районов, руководителей школьных музеев. Мы не замыкались в границах нашего района, хотя частые гости у нас - сладковчане. Музей участвовал во всех областных слетах. На первом из них в 1976 году занял первое место, а экскурсоводы Светлана Ларина и Валентина Зюкова были признаны лучшими в области. Мы не зазнавались никогда, но гордимся своими удачами.

И все-таки главное в нашей работе - родная школа. Деятельность музея вплетена органически в учебно-воспитательный процесс. Не станем раскрывать ее. Это тема особого разговора. Скажем только, что к услугам учителей различных предметов, начиная от истории, географии, биологии и кончая астрономией, изобразительным искусством, все экспозиции музея. В музее имеется библиотека краеведческой литературы, подшивки районной газеты (1966-1998 гг.), машинописные ежегодники-бюллетени, архив. Может быть, благодаря всему этому музей пользуется популярностью. Средняя посещаемость достигает семи тысяч человек в год. Музей выдержал испытание временем. Выдержал потому, что встречал на своем пути бескорыстно увлеченных людей, девизом которых служили всегда три заветных слова. Эти слова стали решающими при выборе названия статьи.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ ЛЕТ МИНУВШИХ

В этой рубрике мы намерены познакомить своих читателей с первыми главами одной из самых обширных работ XIX столетия, посвященной географии, метеорологии, истории, сельскому хозяйству, торговле, культуре земли ишимской. Многогранное "Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии", напечатанное во 2-й части "Журнала Министерства внутренних дел" за 1843 год, было опубликовано под именем ишимского купца Н.Черняковского. В дальнейшем "истинным" автором этой работы стали называть декабриста В.И. Штейнгейля, находившегося на поселении в Ишиме с 1837 - 1840 г.г.

Это "открытие" привело к полному забвению имени Николая Максимовича Черняковского, личности замечательной во всех отношениях: мецената, жертвовавшего немалые суммы на развитие образования и культуры в нашем городе, а также исследователя родного края и члена Географического общества России. Конечно, сейчас невозможно определить величину вклада каждого из создателей работы. Несомненно одно: их имена должны быть рядом. А труд их, не утративший своего познавательного и воспитательного значения, будет встречен, как нам кажется, не без интереса читателями ишимского края и в начале XXI века. Публикуя эту работу, мы сочли необходимым частично сохранить орфографию подлинника.

В статье И.В.Курышева, посвященной публицистике времен гражданской войны, дается обзор наиболее интересных материалов сибирских газет и журналов за 1918 год, среди которых не последнее место занимала газета "Ишимская жизнь". Газетные корреспонденции, даже самые лаконичные, позволяют, тем не менее, почувствовать атмосферу той тревожной эпохи.

Н.М.ЧЕРНЯКОВСКИЙ, В.И. ШТЕЙНГЕЙЛЬ
Статистическое описание Ишимского округа
Тобольской губернии

А. ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ.

I. ПОЛОЖЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ. Ишимский Округ Тобольской губернии, в Западной Сибири, простирается на земной поверхности между 54°41' и 57°12'

параллелями Северной Широты, среди меридианов $85^{\circ}10'$ и $88^{\circ}12'$ Восточной Долготы. Таким образом, в отношении к широте, он соответствует, на запад: южной части губернии Пермской, частям Казанской, Нижегородской, Владимирской, Московской, Смоленской, Тверской, Псковской, Витебской, Лифляндской, Курляндской и нынешней Ковенской губерний, острову Зеландии в Королевстве Датском и северной части Англии и Ирландии; на восток: частям Каинского, Томского, Ачинского, Красноярского, Канского, Нижнеудинского и Киренского округов Томской, Енисейской и Иркутской губерний, далее верхней части Камчатки, островам Кадьяку и Ситхе, наконец части Лабрадора. По разности долготы, или по времени, он совпадает на южном полушарии частью с Малою-Бухарию, Ташкинию, Афганистаном, владениями Английскими в Индии и морем Аравийским. Антиподически и антекически, противулежат Ишимскому округу воды Южного Океана; перизэскически, или на 12 часов времени, противоположна ему Земля Индейцев в Северной Америке, близ Реки Атапеков, к западу от Нового Южного Валлиса.

II. ПОЛОЖЕНИЕ ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ. Занимая половину пространства между реками Ишимом, Тоболом и промежуточной частью реки Иртыша, Ишимский Округ юго-восточной частью своей выходит несколько за правый берег Ишима. Находясь между округами Курганским и Омским или бывшим Тюкалинским, с ними вместе он принадлежит к южной, лучшей части губернии. С северо-запада смежен с ними округ Ялуторовский; с севера - Тобольский, и небольшой частью - Тарский; с юга - Омская или Петропавловская Линия, которой отделяются Внешние Округи Киргизской Степи.

III. ПРОСТРАНСТВО. Доколе главные места или пункты не определены астрономическими наблюдениями, доколе не сделано тригонометрической съемки, ниже точного размежевания, доколе о размерах Округа и о пространстве вообще, нельзя по справедливости судить иначе, как приблизительно. Итак, судя по большим протяжениям от севера на юг до 260 верст, а от запада к востоку до 180 верст, весь Округ замыкает пространство около 45000 квадратных верст, или около 918 квадратных миль.

Таким образом, Ишимский Округ своей обширностью равняется многим губерниям в России и превосходит многие владения и самые королевства в Европе. Если, например, при пространстве Округа предположить степень населенности Саксонии, то он вместил бы в себе до 5700000 человек. За всем тем, к пространству своей губернии он относится как 1:15.

IV. ПОВЕРХНОСТЬ И ПОЧВА ЗЕМЛИ. После первого покорения Российской Державы, эта сторона известна была под названием «Ишимской Степи». Теперешний Округ, занимая часть ее, кроме смежной с Тобольским Округом северной стороны, представляет повсюду открытую равнину, с отлогими возвышениями над раскатистыми долинами. Везде луга перемежаются кустарниками, рошицами и перелесками. В северной части множество болотистых, частью лесистых мест; в юго-западной преимущественно больше озер; но юго-восточная может почитаться более степною, где также, хотя и реже, встречаются озера.

Только вдоль реки Ишима тянутся, образующие род горного отрога, флечовые увалы, то обрываясь над самой рекой, то отделяя от нее луговые пространства. Одни эти увалы, представляя подобие гор, останавливают взоры путешественника и разнообразят несколько картину, впрочем довольно утомительную своим однообразием.

Почва на всем этом пространстве, исключая болот, двоякая: в местах возвышенных несколько песчаная, щебнистая, в низменных, рыхлый чернозем. Самые флечовые увалы состоят местами из глины, песка и известкового камня.

V. ВОДЫ ТЕКУЧИЕ. По Ишимскому Округу протекают две главные реки: Ишим и Вагай.

1. Река Ишим, которой имя производят от чрезвычайно извилистого ее течения, находя в татарском языке соответствующий глагол «ишимек», составляет главный бассейн текучих вод. Она выходит из прежней Средней Степи Киргиз-Кайсакской Орды, приняв начало в нынешнем Внешнем Акмолинском Округе, от слияния нескольких речек, стекающих с Такийских Гор, или по-киргизски, с горы Кокче-Тау, верст за 300 от Петропавловска. Сливаясь в степи с рекою Терс-Акканом, вытекающей с гор же, но по западную сторону большого озера Денгис, река Ишим имеет как бы два главные истока или составляется из слияния двух равных рек. Входя в пределы Округа, в середине южной его границы, при Новокаменском Редуте, она многообразными изворотами течет на север до середины Округа, и от города Ишима склоняется к восточной границе, где, составя собой некоторую часть ее, входит при селении Эрестном в округ Тарский, и в нем впадает с левой стороны в реку Иртыш. По Ишимскому Округу она протекает на 320 верст, но всего ее течения, конечно, не менее 900 верст. В пределах Округа она принимает с левой стороны речки: Алабугу, Лариху, Карасуль (сливающуюся под городом Ишимом с Мергенем), Убиенную, Кутерню, Яузак или Качказяк, Балаганку, Чуртанку, Черную и Ик (которая, протекая в северо-восточной стороне Округа, впадает в Ишим уже в Тарском округе). С правой стороны впадают в нее речки: Ир, Боровлянка и другие не столько значительные. Река Ишим течет большою частью в крутых, подмываемых берегах, из которых один высокий или горный, другой низменный или луговой. Ширина ее нигде не превосходит 60 сажень. Дно везде тинистое или из глинистого мелко-растирающегося песка. Воду имеет зеленоватую, во всякое время несколько мутную. В меженную пору она течет тихо, имея глубины от 3 фут. до 2 1/2 саж.; но в весеннее половодие, вздымаясь обыкновенно сажени на полторы, усиливает течение, разрывает оплоты и топит низменные места. Периодически, лет через 40 и даже через 18, бывают особенные наводнения и разливы. Таковы были в 1738, 1784, 1824 и в 1842 году. Предпоследнее замечательно той особенностью, что вода прибыла внезапно и с чрезвычайной скоростью, и убыла также; в прочие наводнения она прибывала и убывала с медленною постепенностью. Река Ишим покрывается льдом в октябре и чаще в конце месяца, вскрывается к исходу апреля. Лед бывает толщиной до 3 фут. С помощью искусства эта река способна быть судоходной, если с большею населенностью, развитие торговли и промышленности того потребует. В настоящее время она перегорожена в разных местах мельничными плотинами. Это, может быть, главная причина, отчего в ней мало рыбы. Впрочем для местного употребления в ней ловятся чебаки, пискозобы, окуни, караси, лини, язи, нельмы, налимы и даже стерляди.

2. Река Вагай, получившая начало в Ялуторовском округе, протекает в северо-западной стороне Ишимского Округа на 115 верст и в Тобольском округе, несколько выше города Тобольска, впадает в Иртыш. В пределах Ишимского Округа она принимает в себя с правой стороны речки Солоновку и Большой Емец, в которую впадает Малый Емец. Эта река имеет довольно сходство с Ишимом: также течет в крутых, подмываемых берегах и по иловатому дну, также воду имеет мутную, столько же тиха в своем течении, и также разливается весной. Ширина ее везде от 20 до 36 сажень. Она тоже могла бы быть судоходной, если б не была перегорожена мельничными плотинами.

Кроме этих двух рек и поименованных речек, последних насчитывается в Округе до 120.

VI. ВОДЫ СТОЯЧИЕ. Озера в Ишимском Округе, которыми особенно усеяна, так сказать, южная часть его, имеют один общий характер. Берега у них большей частью пологие, поросшие камышом, дно вязкое, иловатое, на котором произрастают разные водяные растения, вода желтая и как бы со слизью, в особенности летом. Причиной тому: нечистое дно, застой воды, нагревание от солнца и птичий по-

мет. Привлекаемые множеством водящихся в озерах насекомых, птицы стадами налетают и в камыше, устраивая гнезда, выводят детей. В самых пресных озерах содержится по несколько соли поваренной и горькой, в различном содержании. В некоторых из них водятся караси, окуни, щуки и лини; в других, в которых более соленых частиц, караси и окуни, и даже одни караси; в иных, которые по мелкости промерзают зимой до дна, вовсе не бывает рыбы, и такие озера называются «пустыми». Караси и окуни бывают необыкновенно велики, но щуки озерные посредственны.

В летнюю жару некоторые озера почти совсем высыхают и потом с осенними дождями опять наполняются водой. Лет за 15 перед сим считалось всех озер более 400. В последние годы многие из них стали высыхать совершенно. Таких высохших озер теперь сочтено 364. В числе них были окружностью от 4 до 20 и 40 верст, глубиной до 8 аршин. Одно такое озеро, именовавшееся Таволжанским, было так рыбно, что жители других округов довольствовались из него рыбой. Теперь дно многих озер поросло травой и превратилось в луга, на которых ставится сено, а иные возделываются уже под посев хлеба и льна.

По сказанию стариков назад тому лет за 40 было здесь точно такое же оскудение вод и обсыхание озер, но после вода опять появилась в тех же самых озерах и постепенно прибывала до известной меры, с которой снова начала убывать. Одним словом, по их мнению, явление это периодическое. Во всяком случае, оно достойно особого наблюдения.

Самое большое озеро в Ишимском Округе в юго-западной его части называется Медвежьим: оно в окружности имеет до 60 верст и содержит богатый запас соли. В северо-восточной части Округа есть порядочное пресное озеро Марухи, в котором ловятся в большом количестве караси.

78 VII. ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Обращаясь к естественным произведениям Округа, должно сказать, что относительно ископаемого богатства до сих пор, по крайней мере, не замечено ни малейших признаков существования каких-либо металлических, минеральных и каменных пород. Для геологии не представляется здесь ничего, кроме земель, глины, известняка, мергеля и соли. Все показывает, что образование грунта и самих флечовых увалов происходило здесь влажным путем, и нет ничего вулканического. Нельзя сомневаться, чтобы в обширных болотах не скрывался обильный запас торфа.

Из трех царств природы наиболее развито растительное, хотя и оно довольно ограничено. При обилии трав вообще находятся между ними растения, врачебной силой приносящие особую пользу, как, например: ковыль, стародуб, ветреница или одуванчик, петушок, ландыш, чировник и т.п. Есть несколько пород из луковичных или лилейных растений, называемых «сараню». Вообще, флора здешняя довольно разнообразна. В кустарниках, между боярышником, таволгой, шиповником или дикой розой и жимолостью, произрастают в южной части Округа дикие вишни. При совершенном недостатке красного или строевого леса в небольших перелесках и рощах, особенно по берегам речек, растут: ольха, осина, сосняк, ель, ива, черемуха, рябина, также осокорь, тополь, но над всеми породами красуется белая береза, которая является и в виде плачущей. Сверх множества грибов всякого рода, начиная от опенков и масленок до рыжиков и груздей включительно, леса, кустарники и луга доставляют обильный запас ягод: здесь родится рябина, черемуха, вишня, черника, голубица, брусника, клюква, морошка, черная и красная смородина, костянка, малина, ежевика, клубника и земляника.

Что касается до царства животных, оно слишком небогато породами. Из четвероногих главное место занимают волки, изредка кабаны и корсаки, водятся более зайцы, хомяки, суслики, чекушки, ежи, земляные мыши. Пернатых гораздо более пород, особливо уток и других водяных птиц, много рябчиков, тетеревов, глухарей; есть лысухи, дудаки, журавли, аисты. Из пресмыкающихся находятся змеи,

степные ящерицы, жабы и лягушки. Из рода насекомых заметны некоторые породы бабочек и разноцветных жуков, осы, слепни, комары, мошка, стрекоза и особенно род «сибирской саранчи», появляющейся годами в разных местах и причиняющей вред хлебу, которую жители просто называют «кобылкою». В реке Ишим, а более в речках и ручьях, множество волосатиков.

VIII. КЛИМАТ. Воздух в Ишимском Округе, исключая мест болотистых, очень чист. Хотя дожди не так часты, но беспрестанные почти ветры, дующие большей частью между юго-запада и северо-запада, и очень редко с севера и востока, очищают атмосферу. Они особенно бывают сильны во время равноденствий, весеннего и осеннего. Зимой они превращаются в сильные бураны, во время которых случается, что отлучающиеся от домов за сеном, даже ближе – за водой, заблуждаются и гибнут. Проезжие, застигнутые бураном, нередко теряют дорогу, и блуждают или останавливаются на месте.

В обыкновенные годы снег выпадает около половины октября и зима устанавливается постоянно. В декабре и январе морозы бывают по несколько дней за 30⁰ по Реомюру и доходят иногда до 35⁰ и более. Случаются зимы вообще умеренные: такова была в 1824 году, когда морозы не превосходили 20⁰ Реомюра. Это тем замечательнее, что предыдущая зима была одна из жестоких и термометр упал до 37⁰. Зимы последних годов относятся более к числу умеренных. В 1837 году зима отличалась поздним началом и до половины декабря ездили на колесах. Вообще снега не выпадает более во всю зиму, как фута на два. Зимний путь поддерживается до конца марта и тут делается распутица. В апреле настает весенняя погода, но май почти всегда бывает ветренее, дождливее, холоднее. Случается, что деревья не прежде 21 мая начинают одеваться листьями, оттого и овощи нельзя садить прежде половины этого месяца. Собственно лето начинается с первых чисел июня. В июле наступают жары и доходят до 30⁰ по Реомюру в тени. Дожди в летнее время бывают большей частью непродолжительные, так сказать пролетные, случаются проливные, с градом и с грозой. Направление наносных туч замечается более с юга и запада, на север и на восток. Сколь ни редки грозы, но иногда бывают чрезвычайно сильны. Такова была в 1825 году 3 июля: в церкви города Ишима, опалив иконостас, она повредила позолоту; в Округе убила исправника с писарем, находившихся в селе Ларихинском, в 29 верстах от города. Ранний гром замечен 10 апреля, поздний – 17 августа. Осень, заключающаяся в одном сентябре и части октября, нередко за половину, может почитаться здесь лучшим временем года. При ранних инеях и утренниках днем бывает ясное небо, тихая, прохладная, часто теплая погода, и так продолжается до самых заморозков и первого снега.

Вообще, по средней температуре, климат в Ишимском Округе умереннее округа Тобольского. Леса последнего заслоняют некоторым образом первый от северных ветров. Но нельзя того же сказать относительно мест, лежащих в одном поясе с Ишимским Округом, не только на запад, где по мере удаления, климат благоприятнее, но и на восток, в Восточной Сибири, и далее.

Впрочем, для обитания, климат здешний может почитаться здоровым. Примеры долголетней жизни это подтверждают. За 10 лет пред сим заметны еще были существовавшие здесь смертные горячки и лихорадки, которые впрочем относились более к спорадическим болезням: в сильной степени свирепствовали они в 1824 и 1825 годах, но в последнее десятилетие пережились и почти вовсе прекратились. Бичом здешней страны можно почитать общую всей Сибири язву, поэтому называемую «Сибирскою». Обессиленная в отношении к людям, она тем жестче действует на рогатый и конный скот. По счастью, действия ее не ежегодны, но проявляются как бы периодически. В 1801 году она истребила до 60000 голов скота, и большей частью лошадей. В 1820 и 1821 годах повторилось ужасное ее нападение, свалившее до 40000 скотин. С того времени она не возвращалась в Округ Ишимский. Тем

с большей жестокостью свирепствовала в последние два года другая эпидемия: чума на скот, заносимая с Киргизской Степи. Явления этой болезни совсем другие, но действия столь же почти быстры и смертоносны.

С такими данными местной природы можно утвердительно сказать, что Ишимский Округ должен почитаться предназначенным для хлебопашества и скотоводства. Из этих начал должна развиваться и промышленность, которая всегда или надолго еще будет занимать второстепенное место.

Б. НАСЕЛЕНИЕ.

I. НАЧАЛО И ХОД НАСЕЛЕНИЯ. Сомнения нет, что вся степная сторона, к которой принадлежит Ишимский Округ, пред покорением горстью отважных русских была обитаема кочевым народом. Потому не удивительно, что нет и следа аборигенов, который мог бы навести, по крайней мере, на какую-нибудь догадку. Известно только, что по мере завоевания Сибири, заселение ее русскими шло в нынешней Тобольской губернии, по направлению с северо-запада через Верхотурье, Туринск и Тюмень, и простиралось сначала более на восток. Потому уже по степни умножения оборонительных мер и сил с уменьшением опасности от хищных набегов с южных степей оно стало подаваться на юг. Таким образом, с достоверностью можно полагать, что первое заселение Ишимского Округа русскими относится к началу XVII века, к смутным временам России. Сперва оно не могла иначе идти, как медленно. Известно, что едва в царствование Императрицы Анны Иоановны Правительство начало ограждать этот край продолжением Оренбургской Линии, и в 1738 году устроило Ишимскую или Новую Сибирскую Пограничную Линию. Эта мера с одной, и хозяйство в России Бирона с другой стороны, могли значительно содействовать населению Ишимского края в эту эпоху. Основание Петропавловской Крепости через 14 лет потом, в 1752 году, и обведение ее земляным валом спустя 15 лет, в 1765 году, значит уже в царствование Екатерины Великой, достаточно свидетельствует продолжение опасности и настоявшую еще надобность в прочном ограждении от продолжавшегося хищничества степных жителей. С тем вместе это подало возможность двинуться населением на юг. Время неистовых злодейств Пугачева в окрестностях Оренбурга и внезапные появления мятежных шаек его далее по границе, были последним беспокойством жителей Ишимского Округа. По открытии Тобольской губернии через 8 лет потом, в 1782 году, с введением нового порядка вещей, утвердилась безопасность.

II. НАСТОЯЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ. Очень естественно, что при таком ходе заселения Ишимского Округа вообще, сначала селились по берегам рек Ишима и Вагая, подаваясь вверх и по речкам в них впадающим, а потом и при озерах. И теперь еще слишком это заметно по расположению, в каком группируются, так сказать, селения, оставляя значительные промежуточные пустоты болотистых и степных безводных мест. Смотря на город Ишим, как на центр Округа, заселение его можно представить в следующих «порядках». Первый составляют группы селений при водах реки Ишима: а) по направлению к северо-востоку, волости: Жилияковская, Боровская, Фирсовская, Абатская, Чолноковская и Готопутовская; б) по направлению к югу, волости: Ларихинская, Гагарьевская, Казанская, Ильинская, Красноярская и Соколовская, присоединенная от бывшей области Омской; в) по направлению к северо-западу, по речкам Карасулю и Мергеню, волости: Черемшанская и Тоболовская. Затем второй порядок составляют группы селений при водах реки Вагая: а) волость Медведевская, по речке Большому Емцу; б) волость Устьламенская, по речке Солоновке; в) волости Малышенская и Аромашевская, собственно по Вагаю. Наконец, третий порядок представляют группы, рассеянные при озерах: а) по тракту на Курган, волости: Локтинская, Бердюжская, Частоозерская и Утчанская; б) вправо к границе Ялutorовского округа, волость Ар-

мизонская; в) влево, между трактами Курганским и Петропавловским, волости: Уктузская, Каменская и Петуховская; г) отдельно в юго-восточном углу Округа, волость Сладковская; д) южнее, по Линии лежащая, присоединенные от области Омской, волости: Теплодубровская и Боголюбовская. Таким образом, в первом порядке находятся 14, во втором – 4, в третьем – 11 волостей. Всего 29 волостей. Значительные пустоты остаются: 1) между волостями первого и второго порядка: Готопутувской и Аромашевской, в северной части к границе Тобольского округа; 2) между волостями первого и третьего порядка: Фирсовскую, Ларихинскую и Сладковскую, в юго-восточной стороне, к границе Омского округа; 3) между волостями второго и третьего порядка: Устьламенскую, Медведевскую и Армизонскую, в западной стороне, к границе Ялуторовского округа.

III. ЧИСЛО НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ. При таком заселении в настоящих пределах Ишимского Округа, кроме двух городов, окружного Ишима и заштатного портового города Петропавловска с крепостью, находятся 3 крепости. Пресновская, Становая и Полуденная, 12 редутов – Новорыбинский, Кладбинский, Сенжарский, Дубровный, Новоникольский, Новокаменский, Новобишкульский, Кривозерный, Плоский, Камышловский, Ганькин и Медвежий, 3 слободы – Абатская, Бердюжская и Устьламенская, 26 сел и 404 деревни, из которых 2, Голышмановская и Ситникова, предназначены быть селами. Вообще, за исключением городов, всех населенных мест 448. Относительно к пространству Округа, выходит 1 населенное место почти на 100 квадратных верст.

IV. ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ. Не касаясь городов, собственно в Округ народонаселение представляет следующий результат:

	муж.	жен.
Духовенства	261	378
Дворян служащих и отставных	8	7
Военного звания нижних чинов:		
Уволенных в бессрочный отпуск с семействами	144	159
Отставных с семействами	898	993
Кантонистов и солдатских дочерей на казенном продовольстве	187	90
Линейных казаков, строевых и отставных, с семействами	3,564	3,483
Мещан	47	53
Одноворцев и государственных крестьян (из которых 17 торгующих по свидетельствам 3 разряда)	58,094	63,831
Государственных крестьян, перешедших добровольно из других губерний	408	412
Господских людей	15	9
Оседлых инородцев (Татар и Ташкентцев)	302	356
Кочевых Киргизов	365	417
Ссылных	2,303	1,206
Всего	66,596	71,394

Значит, вообще обоего пола народонаселение в Округе составляет 137,990 душ. Если присовокупить городских обывателей, и именно в Ишине 2,147 (1,137 муж., 1,010 жен.), да в Петропавловске 5,941 (2,846 муж., 3,095 жен.), вообще 8,088 душ, то получится полное народонаселение Ишимского Округа 146,078 душ.

Кроме инородцев и кочевых, которые следуют учению Мухаммеданскому, все жители христиане. В числе крестьян есть раскольники, в числе поселенцев несколько лютеран и католиков, но очень немного.

Из соображения всех показанных чисел представляются следующие выводы:

а) Полное народонаселение Ишимского Округа составляет почти четвертую часть населения своей губернии или относится к нему как 1:4.

б) Относительно к пространству Округа на каждую квадратную версту приходится по 3,2 души, а если взять без городских жителей, придется по 3,06. Значит, в первом случае на 10 квадратных верст выйдет 32 человека, во втором на 100 квадратных верст придется до 306 человек.

в) Отношение мужского пола к женскому выражается как 1:1,07, то есть на 100 мужчин приходится 107 женщин. В частности, числа женского пола меньше числе мужского, замечаются только между кантонистами и солдатскими дочерьми, между линейными казаками, между крепостными и между ссыльными. В числе последних женщин почти в половину менее против мужчин.

г) Число городских жителей относится к числу живущих в Округе как 1:17. В последних различные звания имеют следующие отношения к общему числу жителей: духовное – 1:21,5; благородное – 1:9197; военное – 1:14,5; мещанское – 1:1379; крепостное – 1:5749; однодворческо-крестьянское – 1:1,1; оседлых инородцев – 1:209; кочевых – 1:176; ссыльных – 1:39. Из содержания числа крестьянского звания следует, что все прочие звания составляют только одиннадцатую часть общего населения. Содержание ссыльных показывает, что в сорока жителях найдется всегда один поселенец или «несчастный», как здесь обыкновенно называют.

В. ДВИЖЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ. Определить с точностью приращение народонаселения из сравнения нескольких лет чрезвычайно затруднительно, особенно потому, что так еще недавно причислена к Ишимскому Округу часть упраздненного округа Петропавловского. Но что народонаселение возрастает, это достаточно доказывается одним сравнением настоящего числа сельских жителей с бывшим при ревизии. Во всех 29 волостях, по последней 3 ревизии, считалось крестьян и водворенных поселенцев 57,397 мужского и 63,366 женского пола, вообще 110,773 души. Ныне считается 58,094 мужского и 63,979 женского пола, вообще 122,043 души. Стало, по одному сравнению этих чисел, прибыло 11,280 человек. Приращение совершается тремя путями: а) переселением из внутренних губерний, б) распределением ссыльных и в) постоянным избытком числа рождающихся против числа умирающих.

В 1840 году в Округе родилось 3,585 мужского пола и 3,593 женского, умерло 2,588 мужского и 2,406 женского пола. Стало, избыток родившихся мужского пола 997, женского 1,187, вообще 2,184 душ. Браком сочеталось 1,228 пар.

Из взаимного сравнения первых цифр выходит, что число родившихся младенцев мужского пола содержится к числу родившихся женского пола как 1:1,002, то есть на 1,000 младенцев мужского пола родится 1,002 женского. Напротив, содержание числа умирающих мужского пола к числу умирающих женского обратное, как 1,075:1, то есть на 1,075 мужчин умирает 1,000 женщин. Очевидно приращение женского пола больше, чем мужского и по рождению, и по смертности. Содержание избытка родившихся пред умершими в обоих полах как 1:1,19 показывает, что на 100 младенцев мужского пола прибывает 119 женского.

Относительно к общему числу жителей Округа в мужском поле на 18 человек рождается 1 младенец, а умирает 1 из 25; в женском поле 1 младенец рождается на 19 женщин, но умирает 1 из 29. Общее приращение содержится к общему числу жителей Округа как 1:63. Стало, на 63 человека прибывает 1 или иначе: прибыль составляет несколько более 1 1/2 процентов. Отсюда непосредственно следует, что одним этим приращением, не считая переселенцев и ссыльных, народонаселение может удвоиться через 49 или 50 лет.

Отношение числа браков к итогам жителей того и другого пола показывает, что

из мужчин 54 женится, когда из женщин 58 выходит замуж. Это ведет к заключению, что в Округе должно быть более незамужних, нежели холостых, иными словами, более невест, нежели женихов, как то действительно и приметно. Из сравнения числа родившихся с полным числом женского пола оказывается, что из 9,9 или почти из 10 женщин 1 мать, точнее сказать, из 99 лиц женского пола 10 матерей.

Что касается до ежегодного распределения ссыльных, то в 1841 году их числено в Ишимский округ 504 мужского пола и 555 женского. Переселенцев в последние годы не было.

В. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

I. ПРЕЖНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ. Основание настоящему внутреннему устройству Ишимского Округа положено с открытием Тобольской губернии в 1782 году, в седьмой год по издании Учреждения о Губерниях. До тех пор население здешнее составляло особый, по тогдашнему наименованию, Дистрикт, который по реке звался Ишимским. Города не было. Вся администрация совмещалась в особе Воеводы, который, имея местопребыванием Коркину Слободу, теперешний Ишим, чинил и суд, и расправу, и распорядок. С открытием Уезда в городе Ишиме открыты были все присутственные места по Учреждению, в том числе Нижняя Расправа, Магистрат и Дума. Расправы уничтожены повсеместно со вступлением на престол Павла I, Магистрат и Дума закрыты, при введении нового Учреждения. С открытием Земского Суда образовалась Земская Полиция, отдельно от Городской. Волостное разделение велось с 1797 года. В 1804 году, когда вся Сибирь вверена была главному управлению одного Генерал-Губернатора, в уважение чрезмерных расстояний, на какие растянuty уезды Сибирские, допущено было разделять их на Комиссарства. По тогдашнему времени Комиссарства найдены были очень удобными, и потому разделение на Комиссарства было распространено на все уезды, малые, равно как и обширные. Таким образом, и в Ишимском Уезде, хотя он довольно сосредоточен, было пять Комиссарств: три в первом порядке населения, одно во втором, и одно в третьем, именно: 1) Черемшанское, из пяти ближайших к городу волостей: Жилияковской, Черемшанской, Боровской, Ларихинской и Гагарьевской; 2) Абатское из шести волостей в северо-восточной стороне уезда: Фирсовской, Абатской, Пановской, Камышенской, Челноковской и Готопутовской; 3) Петропавловское, с четырьмя волостями в южной части уезда: Ильинскою, Красноярскою, Соколовскою и Сладковскою; 4) Малышенское, из пяти волостей в северо-западной стороне уезда: Тоболовской, Медведевской, Устьламенской, Малышенской и Аромашевской; 5) Бердюжское, с четырьмя волостями в западной стороне уезда: Бердюжскою, Частоозерскою, Утчанскою и Армизонскою. Стало, во всех пяти Комиссарствах заключалось 24 волости. Из них, Пановская и Камышенская отошли в округ Омский.

II. НЫНЕШНЕЕ ОКРУЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. С новым учреждением для губерний Сибирских, введенным через 19 лет потом, в 1823 году, Уезд переименован в Округ, Комиссарства уничтожены, и по образованию управления Округ причислен к первому разряду многочисленных, хотя окружной город считается в третьем разряде малочисленных. Поэтому в Ишимском Округе находится сверх обыкновенного частного управления Полиции, Суда и Казначейства, Управление Общее, состоящее из Окружного Начальника и Окружного Совета.

В состав Частного Окружного Управления входят: ведомства Министерства Юстиции – Окружной Суд и Окружные Прокурорские Дела или Стряпчий, ведомства Министерства Внутренних Дел – Земский Суд и Окружная Медицинская Часть, ведомства Министерства Финансов – Казенное Окружное Управление, состоящее из одного Казначейства. Ни Смотрителей Винного и Соляного, ни Окружного Землемера здесь нет.

Из такого состава Частного Окружного Управления, собственно для Округа наибольшую важность имеет Земский Суд. От него зависят: а) по соблюдению порядка и благоустройства, тщательное обнародование указов и распоряжений Правительства, наблюдение за исполнением их, меры к ограждению общей тишины и безопасности; б) по хозяйству, взыскание недоимок, наблюдение за общественными запасами, верное доставление Правительству сведений о ежегодных успехах земледелия и определение средних цен на хлеб и фураж; в) по суду, разбор первоначальных ссор между жителями, преследование преступлений, производство следствий, наконец исполнение судебных приговоров. В Ишимском Земском Суде, кроме председательствующего Исправника, временно заседают четыре Заседателя, из которых каждый заведывает в Округе своею дистанциею, олицетворяя, так сказать, в ней присутствие всего Земского Суда. Сверх того находятся два особые Заседателя: Корчемный, для преследования корчемства, и Казачий, в виде депутата по делам, относящимся до казаков.

III. НЫНЕШНЕЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ. В окружном городе Ишиме Полиция устроена соответственно постановлению средних городов: ее составляют Городничий и Частная Управа или Полицейское Управление, к которому принадлежат два Квартальные Надзирателя по числу кварталов, недостает только Городового Врача. Городовое хозяйство и судопроизводство сообразно учреждению о городах малолюдных, ведается: первое, Городовым Хозяйственным Управлением, которое состоит из Старосты и Словесного Судьи; второе, Общим Окружным Судом.

В Петропавловске, как в заштатном теперь городе, хотя жителей вдвое более, нежели в Ишиме, и притом место таможенное, полицией заведывает один Городничий, без Квартальных, а хозяйством городским Городовой Староста. Поскольку нет Ратуши, то граждане должны ведаться судом за 160 верст в Ишимском Окружном Суде.

IV. ПОЧТОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ. По почтовому управлению в Ишимском Округе находятся две Почтовые Конторы: одна в городе Ишиме 3 класса, а другая в Петропавловске 2 класса. В ведомстве первой считается 9 почтовых станций, на которых два Смотрителя: один в Готопутовской, другой в Абатской станции. Обе эти станции находятся на главном почтовом тракте из Тобольска в Омск. В последней выходит почтовая дорога из Ишима и тут отделяются пост-пакеты, следующие в Ишим, и приобщаются пост-пакеты, следующие из Ишима в Тобольск, или по тракту в Восточную Сибирь. В ведомстве Петропавловской Почтовой Конторы состоят по линейной дороге 10 станций, на которых нет Смотрителей. Вообще, с городской, в Ишимском Округе 19 станций, на которых два Смотрителя, а на всех выставлено 124 почтовые лошади.

V. УЧИЛИЩНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Во всем Ишимском Округе только два учебных заведения, находящиеся в окружном городе: светское Уездное и светское же Приходское. Первое существует с 1817 года. Другое открыто в 1838 году по поводу частной благотворительности: Ишимский 2 гильдии купец Черняковский купил и пожертвовал для него дом и дает ежегодно по 400 рублей на содержание, к чему от города добавляется еще 200 рублей. Для Уездного Училища построен дом казенный, но как он в 1839 году отдан был под помещение арестантов, то с того времени оба училища помещаются еще в одном доме. Под управлением Штатного Смотрителя находится при училищах, кроме Законоучителя, 4 Преподавателя. Учащихся бывает от 50 до 70 человек. В учебный 1840-1841 год их считалось 75 человек. В этом числе было духовного, благородного и купеческого звания 29, мещанского 26, крестьянского 13, из разночинцев и дворовых – 7. Такое число учащихся относится ко всему народонаселению Округа мужского пола как 1:941.

VI. ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. По духовному ведомству Ишимский Округ зависит от двух Духовных Правлений, Ишимского и Петропавловского, из которых

последнее открыто в сентябре 1831 года. В ведении первого, кроме одного городского прихода, к которому впрочем приписано несколько деревень ближайших волостей, Жилияковской, Черемшанской и Ларихинской, состоит 21 приход. В них считается 1 приход (в слободе Абатской) трехштатный и 9 приходов двухштатных. По отчетам Духовного Правления прихожан числится в них 44,227 душ. Есть приходы, имеющие свыше 3 и даже 6,000 душ обоего пола, как, например: в Казанском – 6,077; в Абатском – 3,833; в Фирсовском – 3,779 душ. Есть приходы, содержащие менее 1,000 душ, например, Уктуцкий с 825, Карасульский с 714, Евсинский с 897, Локтинский с 999 душами. Средним числом на каждый приход причитается по 2,211 душ. В Ишимском Городском приходе числится до 9,000 душ. Во всех сельских приходах этого ведомства теперь считается 5 церквей каменных и 11 деревянных. Каменные начали строить не прежде, как с 1800 года, а из деревянных древнейшая в слободе Абатской, построенная в 1792 году. Вновь создаются 3 каменные и 4 деревянные. Одна каменная в селе Фирсове по ветхости находится с 1838 года под запрещением, она выстроена была прихожанами в 1827 году и стало, прослужила только 11 лет, так слабо еще здесь строительное искусство. Из числа недостроенных церквей: одна каменная в слободе Бердюжской строится 20 лет, другая в селе Локтинском создается 33 года. Из 4 вновь создаваемых церквей 2 находятся в деревнях Голышмановой и Ситниковой, где назначены новые приходы, которые отделятся: один от церквей села Медведевского и села Малышенского, другой от церкви Устьламенской. Сооружение церквей производится иждивением будущих прихожан. В ведении Петропавловского Духовного Правления в самом городе 2 прихода: один на форштадте, другой в крепости. Прихожан в первом – 3,631, во втором 2,310 душ. В обеих церкви каменные, та и другая во имя Св. Апостолов Петра и Павла. В округе считается 12 приходов, из них 5 двухштатных. Прихожан числится 40,197, стало, средним числом на каждый приход причитается 3,349 душ. Приходских церквей считается 5 каменных и 7 деревянных. Из них одна деревянная в крепости Становой, в прошлом 1841 году сгорела до основания. Из существующих теперь 11 церквей: 8 находятся в селах, 2 в крепостях и 1 в редуте Новоникольском, 3 из них еще не отстроены: 2 каменные и 1 деревянная, строящиеся вместо ветхих. К 8 сельским приходам принадлежат 9 волостей: Ильинская, Красноярская, Соколовская, Каменская, Петуховская и с ней Утчанская, Сладковская, Теплодубровская и Боголюбовская. Итак, во всех 33 приходах Ишимского Округа считается теперь с запрещенной 14 каменных и 19 деревянных. Когда по разрешению выстроятся 2 новые деревянные, на каменных фундаментах, церкви и возобновится сгоревшая в крепости Становой, тогда будет 35 приходов и 36 церквей.

Есть еще деревянная «благословенная» церковь, в деревне Травной волости Ларихинской, которая принадлежит Единоверческому Обществу.

Г. ЗЕМСКОЕ УСТРОЙСТВО.

I. ДИСТАНЦИИ, ВОЛОСТИ, СТАНИЦЫ. По земскому устройству весь Округ разделен на четыре дистанции, из которых каждой заведывает, как выше сказано, особый Заседатель. Из них первую, Абатскую, составляют 6 волостей первого порядка: Жилияковская, Боровская, Фирсовская, Абатская, Челноковская и Готопутовская. Вторая, Петропавловская, включает 6 волостей того же первого порядка: Ларихинскую, Гагарьевскую, Казанскую, Ильинскую, Красноярскую, Соколовскую, да 2 волости третьего: Сладковскую и Боголюбовскую. Третью, Малышенскую, составляют 6 волостей второго порядка: Черемшанская, Тобольская, Медведевская, Малышенская, Аромашевская и Устьламенская. К четвертой, Бердюжской, принадлежат 9 волостей третьего порядка: Локтинская, Бердюжская, Частоозерская, Утчанская, Петуховская, Теплодубровская, Каменская, Уктузская и Армизонская.

В каждой из 29 волостей находится Волостное Правление, состоящее из Волостного Головы и Старосты, избираемых миром погодно: при них Волостной Писарь, которого предоставлено избирать из людей посторонних. Выборы производятся поверенными, которые отряжаются от каждых ста душ по одному. Избранные Голова, Староста и Писарь утверждаются Губернским Управлением или Начальником Губернии. Обязанности Волостных Правлений тоже в волости, какие Земского Суда относительно ко всему Округу. В каждом селении под зависимость Волостного Правления находится Старшина и Десятники, избираемые местными жителями. Старшины утверждаются Земским Судом, Десятники сменяются помесячно. Каждое селение имеет свою Мирскую Избу, приобретаемую покупкой, или наемную, куда собираются слушать распоряжения Начальства и толковать об общественных нуждах. Волостные Правления помещаются также в общественных домах. Содержание тех и других, отопление и освещение составляет статью общественного бюджета. Впрочем, справедливость требует сказать, что большая часть этих домов находится в бедном и неопрятном виде. При том, не все Волостные Правления учреждены в селах или лучших местностях своей волости: некоторые, для большей удобства сообщения с городом, находятся в деревнях на тракте. Таким образом, Черемшанское Волостное Правление существует в деревне Безруковой; Медведевское в деревне Гольшмановой, Фирсовское – в Тушнолобовой; Жилияковское – в пригородной к Ишиму деревне Жилияковке, которую бывший «Комитет о изыскании способов к увеличению городских доходов» предполагал присоединить совершенно к составу города. Волостные Правления Гагарьевской и Утчанской волости находятся также в деревнях, из которых первая по приходу принадлежит к церкви села Казанского, вторая – к церкви села Петуховского.

Казачьи селения по Линии, вместо волостей, разделены на 9 станиц, из которых каждую, вместо Головы, заведывает Станичный Начальник из Урядников. В числе их 3 учреждены в крепостях: Пресновской, Становой и Полуденной; 6 в редутах: Новорыбинском, Кладбинском, Новоникольском, Новокаменском, Новобишкульском и Медвежьем.

II. РАСПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЕНИЯ И ОБРАЗ ПОСТРОЙКИ. При первом взгляде на здешние селения заметен простор и размещение по удобству на все стороны, особливо в больших селениях. Хотя есть селения и в одну улицу, но все не так, как в Европейской России: улица шире, строение не столько стеснено, крыши домов не выдвигаются так на улицу. Дома здесь вообще отдельные, часто крытые теремом, с крыльцом на улицу и с просторным двором; во дворах, по сторонам делаются навесы, примыкающие к амбарам, кладовым и хлевам, для помещения под ними повозок и телег; более однако ж домов с надворными крыльцами. Крытых дворов вовсе нет или если есть, то разве только у поселенцев, имеющих на русский манер постоянные дворы для проходящих обозов. За двором располагаются обыкновенно: так называемый «пригон» для скота, овин и огород. При иных домах, особливо которые по берегу реки или речки, огороды устроены против дома по скату к воде, там и баня. Вообще дома сообщаются «заплотами», но все есть между ними порядочные интервалы, что, на случай пожаров, очень полезно. Большая часть домов у крестьян порядочных строятся на две половины: в одной, и чаще в той, которая окнами на двор, если дом не вдоль улицы, находится чистая, обитая шпалерами, с голландской печкой горница; в другой собственно изба с русской печью, но не всегда с полатями. Рамы в окнах со стеклами. В избе, собственно, на зиму, вставляют пузырные оконницы, во избежание мокроты от намерзания. По недостатку строевого леса, который обыкновенно вывозится из Ялуторовского, Тобольского и Тарского округов, дома обходятся крестьянам от 70 до 100 рублей серебром. Ни в одном селении, конечно, нет ни правильности расположения, ни тщательности в постройке. Неприметно следа попечительности о внешнем

удобстве для общественной жизни, и в ненастное время все тонет в грязи. Тем менее можно искать чего-либо похожего на садик, на домашнее деревцо, призывающее семьянина к вечернему отдыху под тень свою. В этом отношении Сибирь не изменила своего первородного типа. Русский Сибиряк, поселянин, если после необходимых трудов сыт, укрыт от непогоды, если тепло ему, то и счастлив, счастлив равно – на полатах, на печи, на завалине: это общее, врожденное.

III. МЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. Главная опасность в здешних селах и деревнях, как и везде, бывает от неосторожного обращения с огнем. При Волостных Правлениях и во многих селах и больших селениях на случай пожаров заведены некоторые пожарные инструменты: багры, крючья, лестницы и т.п.: но не брандспойты, которые приобретать здесь затруднительно. Во всяком селении сделано расписание, с какого дома, с чем должно спешить на пожар: с которого с бочкой, с которого с ведром, с которого с топором. Иных средств нет. В ближайšie к волости деревни при первом извещении подается от нее помощь. Другая опасность, не менее угрожающая разорением, есть скотский падеж. На эти случаи предписаны от Начальства и разъяснены предохранительные меры. Они состоят главное в том, чтобы держать хлевы в чистоте, окуривать можжевельником, мазать дегтем, не выпускать скот на общий водопой, не выгонять в поле и вообще не давать сообщаться, падшую же скотину вывозить с осторожностью и зарывать в землю. Нельзя сказать, чтобы эти меры могли выполняться со строгой точностью. Здешним крестьянам легче верить в неотвратимость судьбы в этих случаях, нежели возиться с мерами предосторожности. Наконец, третья опасность от разбойников и воров. Здесь ее почти вовсе не знают. По крайней мере случаи воровства, тем более разбоя, очень редки. Летом шатаются иногда беглые в числе двух или трех человек, которые подходя к работающим в поле, не редко же заходя и самые деревни, просят хлеба, как прохожие на богомолье, получают и идут далее, благодаря. Жители, стараясь избегать хлопот, сопряженных с поимкой, хотя б и подозревали, не делают расспросов, удовлетворяют требованию и желают прохожим доброй дороги. Во время страдное, уходя на день в поле, они кладут даже ковриги на окошко, чтобы бродяги взяли сами и не заходили во двор. Так это и бывает. Значит мера безопасности, столь особенная, достигает своей цели. Застигнутые поздней осенью и холодами, беглые добровольно являются, и тогда их берут и представляют в Волостные Правления и в Земский Суд. В 1840 году от Начальника Губернии сделано было увещание сельским жителям не быть столько равнодушными к беглым и особенно к дезертирам, и предписаны правила, как поступать каждому в подобных случаях.

IV. НАДЕЛЕНИЕ И ПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЛЕЙ. Сибирь, частно, может быть, уже перестает, но вообще не перестала еще, относительно земель быть в том положении, что только возьми, обработай и селись. Земли приволье. В Ишимском Округе заняты те только земли, которые не требуют излишнего труда на обрабатывание. Прочного размежевания еще не сделано. Города однако ж, как окружный, так и заштатный, наделены пропорцией на двухверстное расстояние. Разграничение земель между селениями основано только на давности занятия, с той или с другой стороны. Таким образом, каждому селению присвоены свои уголья: пашни, луга, участки дровяного леса (отдельно или общее с другими, где они есть). Всякое селение имеет свой выгон, огороженный «поскотиною», с воротами на проезжих дорогах, которые на летнее время затворяются. Пашни не во всех местах близ селений: у иных в довольно значительном расстоянии, есть даже верст за 30, как, например, в Дятловском селении Жилияковской волости. Особенно при оставлении полей под пар, часто новые вынуждены избирать в отдалении. Казачьим станицам отведены также пахотные земли с санными покосами и лесными дачами, по указанию более их самих о давности владения, планов межевых однако ж еще не выдано. Смежность их земель

с соседними волостями Теплодубровскою, Соколовскую и Боголюбовскую бывает иногда поводом к разным взаимным претензиям. Казаки присваивают себе некоторые участки крестьян, а те указывают на пустопорожные места, в их владении скрывающиеся и существенно принадлежащие казне. Этого рода неудовольствия отвращены теперь почти совсем отведением казакам земель на десятиверстное расстояние от бывшей границы в степную сторону.

Вообще занятых земель считается: под селениями и выгонами 95,118 1/2 дес.; под пашнями 155,667 дес. удобной, из которых впрочем 104,439 необработанной; сенокосной 110,701 1/2 дес.; лесов дровяных с небольшой частью строевого 136,457 дес.; вовсе неудобной, в том числе под солончаками, 238,809 дес.; под водами 63,033 дес. В этом числе 359 дес., в которых заключается 40 дес. дровяного леса, принадлежат единственному помещику Ишимского Округа коллежскому асессору Кошевскому в 18 верстах от города Ишима, в Черемшанской волости, при деревне Беловой, принадлежавшей до 1840 года наследникам надворного советника Белова.

Все вышеперечисленное количество земель, составляя 904,195 десятин, показывает, что из целого пространства Округа, заключающего более 4600000 десятин, занята едва 1/5 часть. По сравнению показанных чисел видно, что из занятой земли почти 4/9 части находятся под селениями, под водами и под солончаками, а 5/9 под пашнями, сенокосами, лесами и под необработанной, хотя удобной, землей. Из этих последних не с большим по 1/9 составляют необработанная земля и сенокосы, а около 3/9 пашни и леса. Земли под последними к землям под первыми содержатся как 1:1,14, то есть на 100 десятин лесных приходится 114 пашенных.

V. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ. Для обеспечения общественного продовольствия учреждены как при волостях, так и во многих селах и других больших селениях, Сельские Запасные Магазины. Во всем Округе считается их 121 и все они в довольно исправном состоянии. Запасы в них сохраняемые составляют озимым хлебом до 98,000 четвертей, яровым более 13,000 четвертей. Для смотрения за Магазинами избираются обществами каждогодно Смотрители или Вахтеры, как их более здесь называют. Отпуск из Магазинов хлеба производится ежегодно с разрешения Начальника Губернии как на посев, так и на продовольствие оскудевших семейств. Установлен особенный порядок, чтобы представления о таких ссудах делались от Земской Полиции по одобрительным приговорам обществ своевременно. В такой ссуде числится теперь до 10,000 четвертей озимого хлеба и более 3,000 четвертей ярового. К возвращению занятого хлеба принимаются в волостях меры с начала зимы, когда обмолотится хлеб нового урожая. Этот обмен, освежая запасы, служит мерой к их охранению от залежалости. Для умножения запасов собирается ежегодно с каждой ревизжской души новым хлебом по 4 гарнца озимого и по 1/2 гарнца ярового. Сверх обыкновенного надзора со стороны земских чиновников Магазины часто свидетельствуются проезжающими чиновниками по особым поручениям. Вообще в последнее время обращено на это со стороны Начальства особенное внимание.

VI. ПУТИ СООБЩЕНИЯ. По устройству путевых сообщений в Ишимском Округе находятся два главных тракта и четыре частных.

Из первых один почтовый Сибирский пролегает от границы Тобольского округа через волости Готопутовскую, Челноковскую и Абатскую на 154 версты, и в 9 верстах от последней Абатской станции входит в округ Омский. На всем этом протяжении находится 20 мостов и 42 гати: одна из них между Чистяковской и Готопутовской станциями на 14 1/2 верст. При последней станции Абатской существует перевоз через реку Ишим, которая здесь имеет 40 сажень в ширину, а в периодические разливы потопляет луговые места верст на 6. Для перевоза находятся 2 паромы и 1 лодка: платится за него от 4/7 до 17 1/7 к. сереб. Летом проезд бывает по плотине устроенной здесь мельницы. На части этого тракта, совпадающей со старым Сибир-

ским почтовым и этапным трактом на Тару, в Готопутувской волости находятся этапные здания: на станциях Кусеряжской и Готопутувской полуэтапы, а на станции Чистяковской этап. Всех почтовых станций на этом тракте 6. На каждой выставлено по 6 пар лошадей, содержание которых стоит по подряду от 67 р. 14 2/7 к. до 121 р. 42 6/7 к. сереб. За пару, а вообще в год 3,078 р. 57 1/7 к. сереб. Второй главный тракт торговый, которым проходят купеческие обозы с Нижегородской и с Ирбитской ярмарки в Восточную Сибирь и оттуда в Россию. Он пролегает от границы Ялуторовского округа до границы Омской, через волости Устьламенскую, Медведевскую, Тоболовскую, Черемшанскую, Жилияковскую, Боровскую, Фирсовскую и Абатскую, где в Абатской станции сходятся с главным почтовым трактом. Все продолжение этого тракта в пределах Ишимского Округа составляет 189 верст. Начинаясь за 11 верст от Устьламенской слободы, хотя, по-настоящему, он идет через самый город Ишим, но обозы проложили себе окольный путь, оставляя город верстах в 6 к югу. Это обстоятельство, отнимая у города выгоды, было уже неоднократно предметом представлений градского общества Начальству. На одной части этого тракта от города Ишима до Ялуторовского округа считается 19 мостов и 2 гати. Станций 5, из которых на 4 выставляется по 10, а на остальной 5 пар земских лошадей. В самом городе сверх почтовых содержится по подряду три пары земских, с платою по 104 р. 28 4/7 к. сереб. за пару в год. Другая часть этого тракта, от города Ишима до Абатской станции, составляет частный почтовый тракт, на котором, считая с городской, 3 станции, а на каждой станции по 2 пары почтовых лошадей, содержание которых вообще стоит по подряду 428 р. 57 1/7 к. сереб. Этим трактом до Тобольска считается 405 верст.

Из четырех частных трактов один почтовый, по Линии от границы Омского округа, через Петропавловск, до границы Курганской, простирается на 250 верст. На нем с Медвежьей станции до Пресновской включительно 10 станций с двумя парами почтовых лошадей на каждой, содержание которых по подряду стоит 2,225 р. 14 2/7 к. сереб. Сверх того на этих же станциях выставлено на каждой по 2 пары земских лошадей, по подряду от 101 р. 42 6/7 к. до 228 р. 57 1/7 к. сереб. за пару в год; так что вообще содержание их стоит 2,522 р. 28 4/7 к. серебром. Второй частный тракт Петропавловский, от города Ишима до Петропавловска на 158 с версты, продолжающийся далее до самой южной деревни Троицкой. На нем находится 11 мостов, 20 гатей и 2 перевоза через реку Ишим: один при селе Ильинском, где содержится 2 лодки, другой при селе Соколовском, где паром и положено брать за перевоз по 35 5/7 коп. сереб. С воза. В обоих местах летом устраивают мосты. Весной, когда река разливается, переезжают вместо Соколовского в самом Петропавловске. На этом тракте 7 станций и 57 пар земских лошадей. Третий тракт, Курганский, от города Ишима до границы Курганского округа на 150 верст. На нем 6 станций и 18 пар земских лошадей. Четвертый тракт прямой Тобольский, которым до Тобольска считается 333 версты, простирается по Округу на 147 верст. Часть этого тракта от города Ишима на расстоянии 71 версты, совпадает с большим торговым трактом, а от Гольшмановской станции идет собственно Тобольский тракт к северу, через волости Малышенскую и Аромашевскую. На этом последнем 13 мостов, 17 гатей и 3 станции, на которых содержится 22 пары земских лошадей. Сверх этих трактов существует еще скотопрогонная дорога из Внешних Округов через Петропавловск, на село Петуховское, протяжением более 100 верст. Она продолжается через Курганский округ в Шадринский уезд Пермской губернии.

Мосты, существующие на всех трактах, протяжением своим составляют вообще 2 вер. 307 1/2 сажень, гати почти 66 верст или 32, 838 1/2 сажень. Поверстные столбы выставлены на всех трактах, кроме Линейного. Их считается 567.

Сухопутное сообщение вообще, по положению бывшего Сибирского Комитета, Высочайше утвержденному в 3 день апреля 1828 года, обращено здесь, как и

во всей Сибири, в натуральную повинность. Одно содержание почтовых лошадей и земских по Линии и в городе Ишиме, падает на земские сборы. Из предыдущего видно, что содержание почтовых стоит 5,732 р. 28 4/7 коп., а земских 2,835 р. 14 2/7 коп., вообще 6,567 р. 42 6/7 коп. серебр. По числу ревизжских душ приходится по 11 1/2 коп. серебр. на душу.

(Окончание следует).

И.В.КУРЫШЕВ

Приишимье в вихре гражданской войны

(по материалам периодической печати)

На пороге XXI века, на крутом повороте в исторической судьбе России, с особенной остротой встаёт вопрос о трагической, страдальческой, судьбоносной эпохе Гражданской войны в России (1918-1920 гг.). «Роковые письма» начертаны ею на скрижалях человеческих судеб и душ... Много невинной крови пролито в этом вихре ненависти, злобы, мести, кровавого насилия. Но и на крутом повороте в судьбе народной, в бешеном водовороте страстей по-своему кипела жизнь, сталкивались чудовищное, омерзительное и благородное, самоотверженное; разрушение и созидание.

Нам, историкам, предстоит ещё много труда по осмыслению трагического опыта Гражданской войны в Сибири, в том числе, и в Приишимье. И сегодня читателю предлагается взглянуть на эпохальные события гражданской войны в нашем крае через призму периодической печати, такой подход позволяет в большей степени высветить глубину и остроту противоречий этого исторического этапа в людской судьбе, почувствовать сам дух тревожного, ошеломляюще бурного времени. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что в пожарищах Гражданской войны сгорели или безвозвратно утрачены многие ценные исторические источники, и ещё сохранившиеся материалы газет и журналов в существенной мере могут восполнить «белые пятна» в истории Сибири 1918-1919 гг.

Панорама Приишимья времён Гражданской войны предстаёт из публикаций на страницах беспартийной, прогрессивной газеты «Ишимская жизнь», пришедшей в декабре 1918 г. на смену оппозиционным властям «Ишимского края». Редактором газеты «Ишимская жизнь» являлся С.А.Гликман, а издавалась она товариществом «Ишимский издатель» (последний номер газеты, найденный нами, датирован 2 сентября 1919 года). При необходимости привлекались и материалы некоторых других периодических изданий, выходивших в Западной Сибири (курганской социалистической газеты «Земля и труд», журнала «Сибирский старообрядец», издававшегося в г.Барнауле).

Для лучшего восприятия газетные материалы расположены по рубрикам «По нашему краю», «Наш край», «Местная жизнь», «Происшествия», «Приказы и распоряжения колчаковских властей». При всей кажущейся разрозненности они внутренне взаимосвязаны друг с другом, позволяют по-новому, беспристрастно взглянуть на события гражданской войны в Приишимье.

Так, в серии впечатлений по юго-западному участку Ишимского уезда показаны острые хозяйственно-бытовые проблемы, материальные тяготы крестьян степной части Ишимского уезда (водный и лесной «голод», ужасающее санитарное состояние, которые в период трагического безвременья служили благоприятной средой для развития смертоносных эпидемий). Автор этих своего рода «путевых очерков» намечал и возможные пути решения животрепещущих проблем и показывал некоторые возможные перспективы хозяйственно-экономического развития края, сообщал о деятельности уездного и волостного земств.

Корреспонденции рубрики «Наш край» рассказывают о беспросветности, пороках крестьянской жизни (невежество, безграмотность, пассивность, упование на власть, повсеместная продажа самогонки), социальных противоречиях и конфликтах между различными группами крестьянства. В то же время корреспонденты указывали и на исконную для сибирского крестьянина тягу к созиданию, свету знаний.

Материалы периодической печати позволяют ощутить и глубину произошедших в обществе под влиянием революции и кровавой Гражданской войны морально-правовых изменений (всеобщее ожесточение и озверение, обесценивание человеческой жизни, безразличие к людским страданиям, распространённость жестоких самосудов, разгул преступности, хулиганства, алкоголизм, половая распущенность, мотивы ярко выраженной ненависти и мести в поведении людей).

Ряд газетных публикаций посвящён обзору Ишимской Никольской ярмарки (обнаруживавшей в 1918-1919 гг. признаки явного упадка), деятельности ишимского купечества, в том числе, и спекулятивным делам, составлявшим одну из характерных примет того времени («Дело И.Захарова и П.Бокарёва»).

Авторы корреспонденции приводили и сведения о существенных чертах социальной психологии жителей города и уезда, их взглядах, настроениях, побуждениях, нравах.

Немалый интерес представляет такая тема, как формирование в июле 1919 г. ишимского добровольческого отряда, организаторами которого выступили торгово-промышленные круги и домовладельцы г.Ишима, обеспокоенные успешным продвижением Красной Армии на Урал и в Западную Сибирь. Эта, во многом вынужденная, патриотическая акция ишимских властей и купечества была в 1919 году разрекламирована по всей Сибири и одобрена верховным колчаковским командованием. В газете «Ишимская жизнь» были опубликованы и телеграммы Верховного Правителя А.В.Колчака, в которых он выражал благодарность ишимцам за патриотические чувства и настроения, а также за жертвования на нужды Белой армии.

В целом можно сказать, что с июня 1918 года и до 5 ноября 1919 года (момента занятия города частями Красной Армии) Ишим являлся одним из центров антибольшевистского, белого движения в Сибири. И хотя для героя повести В.В.Иванова «Голубые пески» красного матроса Васьки Запуса, колесившего в Гражданскую по бескрайним дорогам Сибири, «от всего города Ишима в памяти уцелела только вывеска над булочной в виде огромного кренделя», с этим можно спорить. Именно в Ишиме, точнее на станции Ишим, на запасных путях находился некоторое время в 1919 г. походный штаб главнокомандующего Восточным фронтом колчаковских армий генерала-лейтенанта Дитерихса, здесь квартировали главный начальник военно-административного управления Восточного фронта армий генерал-майор Домонтович и другие видные колчаковские офицеры. Здесь шёл набор в белогвардейские добровольческие отряды, получивший широкую известность.

Одна из представленных корреспонденций посвящена съезду ишимских старообрядцев, состоявшемуся 18-19 декабря 1918 г. в селе Окунево Ишимского уезда - одном из центров старообрядчества Тобольской губернии. Жизнь и деятельность старообрядцев в Приишимье, в том числе в годы гражданской войны, является практически неисследованной темой. На старообрядческом съезде речь шла, прежде всего, о достижении идейно-организационного единства ишимского старообрядчества и агитационной работе старообрядцев, сам журнал «Сибирский старообрядец», откуда почерпнуты эти сведения, является библиографической редкостью.

Публикации из рубрики «Приказы и распоряжения колчаковских властей» отражают репрессивную политику белой власти в Сибири, в нашем крае.

Словом, материалы периодической печати белой Сибири - одно из ярких свидетельств, живая картина событий Гражданской войны, людских судеб, беспощадно разметанных её огненным вихрем.

Говоря словами одного из эмигрантских мемуаристов, на чужбине записавшего всё пережитое им в годы революции и гражданской войны: «В том, что я пишу, нет ничего выдуманного. Всё это было. в действительности. Это сама жизнь. «Я беру кусок жизни и не леплю из неё ничего, а преподношу этот кусок в сыром виде».

Все газетно-журнальные материалы обнаружены нами и публикуются впервые. По возможности стиль и орфография оригиналов сохранены.

ПО НАШЕМУ КРАЮ

*Из впечатлений районного информатора по юго-западному участку
Ишимского уезда*

...I. Санитарное состояние

В Утчанский район входили волости по окружности - Теплодубровская, Юдино-Вознесенская, Рынковская, Утчанская, Долговская, Частоозёрная, Уктузская, Бутыринская, Беловская и Петуховская.

Во всем районе - полное отсутствие свежей проточной воды, -ни речки, ни ручья. Все селения расположены около озёр, которые и являются почти единственными источниками водопользования. Даже деревенский колодезь - редкость... В то же время озёра большей частью мелководны... Случается, что в знойное лето озеро высыхает до дна (случай, например, в Теплодубровской волости)... Некоторые озёра, хотя и полноводны, но не пригодны для пользования по составу воды - озёра полусолёные, совсем солёные, с гнилой водой и по другим причинам. Есть селения, где жители берут воду за 5 или более вёрст. А так как не редкость в местном крестьянском хозяйстве - десятки голов разного скота, который можно напоить, только гоняя на водопой, - можно себе представить, с какими иногда затруднениями местами соединено добывание воды для семьи и хозяйства, особенно в зимнее время, тем более, что в суровые зимы некоторые озёра промерзают до дна.

92

Необходимо, наконец, считаться и с тем, что загрязнение и годных озёр идёт самым усиленным темпом... Таким образом, водяной голод в районе или налицо или в недалёком будущем.

В районе - эпидемии холеры (Рынковская вол., Утчанская с гнездом эпидемии в деревне Жидки), тифа (Уктузская, Бутыринская и другие волости, в с.Бутыринском - повальный тиф) и инфлюэнции, как повсеместного явления, а равно и заболевание глаз, особенно у детей. (Главной причиной этого является водяной голод).

Вторая причина... - лесной голод. Если не считать изредка попадающегося мелкого березняка, во всём районе леса годного для стройки и топлива не имеется. Настоящей стройки нет. Всюду - крошечные с двумя маленькими оконцами избушки. И в этих избушках ютятся крестьянские семьи, нередко до 10 человек и более... Но и тепло достаётся недёшево. Цены на дрова доходят иногда до 100 рублей за сажень... К общему безлесью необходимо добавить почти полное отсутствие растительности и древонасаждения в самих селениях. Едете селением, растянувшимся иногда на версту и более -ни одного садика. И не только нет садов, не видно и огородов. Объясняется это тем, что всё внимание населения помимо полевого хозяйства сосредоточено на уходе за скотом, в достаточном избытке имеющемся в каждом среднем хозяйстве. ...

Ишимская жизнь. - 1918. - 24 декабря.

Из впечатлений районного информатора по юго-западному участку Ишимского уезда

П.М.

...Посёлки в районе редки, но они всегда с многочисленным населением, и эта скученность населения и оказывает главное влияние на порчу котлованной воды... Сам собою нарождается вопрос об устройстве в будущем водопроводной систе-

мы водоснабжения и водопользования... Однако для полного устранения водяного кризиса, мне кажется, нужно и ещё дальше не отстранять мысли об опреснении воды полусолёных озёр...

Там же, - 1918. - 31 декабря.

Из впечатлений районного информатора по юго-западному участку Ишимского уезда

П.М.

...Итак, строительный кризис может быть разрешён лишь подвозом материалов из других мест, хотя бы из северных районов той же Тобольской губернии. Однако вполне возможно разрешение этого кризиса и в иную сторону - в переходе населения на стройку из полудревесных, а затем и других более огнестойких материалов. Уже и сейчас кое-где попадаются «мазанки», далее так называемые «двоестенные» и, наконец, саманные постройки... Отсутствие стройки саманных жилых домов объясняется, вероятно, ещё недостаточной пригодностью для этой цели здешнего саманного материала (нужна крепкая жирная глина), хотя изредка встречаются и саманные дома...

Переходя к мерам для удовлетворения местной нужды в топливе, приходится высказаться в том смысле, что помимо получения этого топлива из других районов, иными средствами едва ли возможно достаточно полное её удовлетворение.

В некоторых местах крестьяне прибегают ещё к навозному топливу. Навоз просто мнут ногами и формуют в маленьких ящиках, но это пока лишь суррогатное топливо... Скота в районе много, навоз же на поля не вывозится.

Мне остаётся, говоря об улучшении общих местных санитарных условий, высказаться ещё по вопросу о мерах к развитию древонасаждения в самих селениях... Дружные усилия школы, просветительных кружков, волостных и уездного земств через устройство праздников древонасаждения, пропаганды идеи безусловной его пользы для населения и другие меры в самом непродолжительном времени достигнут намеченной цели. ...

Там же. - 1919. - 4 января.

Из впечатлений районного информатора по юго-западному участку Ишимского уезда

I. Санитарное состояние

В начале августа в Утчанской волости вспыхнула эпидемия азиатской холеры с очагом заразы в селении Жидки, где, при населении около 1500 душ, в первое же время появления эпидемии обнаружилось несколько десятков заболеваний... Во всём районе не было ни одного врачебного пункта, больницы, аптеки, исключая лишь единственный лежащий на Сибирской магистрали посёлок Юдино-Вознесенское, где этих учреждений не хватает даже для удовлетворения местных нужд; ...ощущается крайне острая по условиям времени нужда в медикаментах...

Эпидемия, захватив 2,3 селения в Утчанской волости и перекинувшись в соседние Рынковскую, Бутыринскую и Частоозёрскую волости, дав во всех случаях всего лишь несколько заболеваний, с небольшим числом, около 10, в селе Утчанском (при 1000 жителей), в общем со смертельным исходом лишь наполовину всех заболевших, - в первой половине сентября уже локализуется, а к октябрю правда, быть может, и временно ликвидируется...

Борьба с эпидемией почти всей её тяжестью была принята на себя уездным и волостными земствами... Тогда как уездное земство быстро организует врачебную помощь на месте и устраивает холерные бараки (с.Жидки), волостные земства, войдя в должный контакт с официальными распоряжениями уездного комиссариата (плакаты о предохраняющих мерах, подаче первой помощи и др. указания)

и с врачебным персоналом также энергично и успешно принимают предохранительные и другие нужные для борьбы с эпидемией меры. Здесь, между прочим, сказались во всей силе и значение учреждения мелких земских единиц. Вспомним, что и всё местное земство только—только выглянуло на днях на свет Божий, организация земского дела ещё в самом зародыше, в кассе - гроши; гражданская война, мобилизация, нет удобных помещений для земских организаций, нет достаточного контингента работников...

Обратимся к карантинным мерам. Население не было стеснено в его хозяйственных работах, - в иных местах были указаны по установке карантинных постов особые объездные пути на с.-х. работы (в том же с.Утчанском); служебные поездки, находясь лишь под контролем волостных управ, не были парализованы... Не были стеснены излишними ненужными ограничениями и местные промыслы. Так разумно была размежевана между соседними селениями часть Медвежьего озера (Утчанской вол.) для кустарной добычи соли, чтобы жители разных селений не смешивались одни с другими)...

Но что ещё важнее - само население, несомненно, под влиянием волостных земств и местных интеллигентных людей пошло в иных местах навстречу предохранительным мерам и выражало пожелание и готовность ограждаться карантинными (с.Н.-Ильинское Утчанской вол.)...

Там же. - 1919. - 12 января.

Из воспоминаний районного информатора по юго-западному участку Ишимского уезда

П.М.

Медвежье озеро

Прежде всего обратите внимание на раскинутые по середине озера острова, на них повсюду растёт вишня, единственная вишня не только в районе, но и во всём Ишимском уезде, - вишнёвого кустарника, даже садового, нигде больше в уезде нет. Далее само озеро заключает в себе колоссальное содержание промысловой соли и, наконец, замечательные целебные соляные грязи...

Добыча соли производится самыми примитивными способами... Технического оборудования добычи соли пока ещё нет. Нет и соляных хранилищ, ни солеварен, даже простых рабочих барачков и тех нет. Соль добывается, «гребется» ещё простыми кустарными способами, преимущественно местным населением и, прежде всего, для своих хозяйственных нужд, а затем и для продажи на сторону. Нанятые рабочие, иногда и подростки, могут заработать, считая местную плату приблизительно по 2 рубля за пуд, до 100 рублей в день и более. Высокая цена объясняется условиями времени, отсутствием рабочих рук, страдой, случайностью и небезвредным характером работы... Хотя... технического оборудования для добычи соли нет, но крупные предприниматели, оптовые покупщики соли на месте есть. ...К этому необходимо добавить, что ранее Медвежье озеро принадлежало казне и за добычу соли взималась пошлина. Известны и целебные соляные грязи озера... Как мне известно, земство уже обратило внимание на эти грязи, и земский медицинский отдел занят вопросом тщательной их экспертизы...

Там же, - 1919. - 30 января.

НАШ КРАЙ.

с.Воронино, Ларихинской волости

Наши воронинские мужички на каждом сельском сходе вместо обсуждения своих нужд только и занимаются перебранкой и взаимными укорами, а о постановленных решениях узнают уже после.

О какой-либо инициативе с их стороны говорить не приходится. Все обществен-

ные дела рассматриваются только согласно предписания начальства. Приходится невольно удивляться привычке русского крестьянина к тому, чтобы ему постоянно кто-то предписывал и давал распоряжения, толкал, что называется, в спину.

Много нужно положить труда и энергии, чтобы разбудить его от вековой спячки.

Сидим мы без мануфактуры, чаю, спичек, ниток и прочих предметов первой необходимости, и никто ничего не предпринимает. Зато пьянство, азартные карточные игры и производство самогонки не прекращаются. Все заняты личным и доходным промыслом - продажей самогонки, а на другую работу никого калачом не заманишь. Так проходит жизнь в нашей сибирской деревне.

И.Гребенщиков

Там же. - 9 февраля.

с.Голышманово

Кружком любителей 30 декабря ст. ст. в селе был дан спектакль, прошедший довольно успешно... Среди зрителей преобладали крестьяне, чего не замечалось ранее...

10 января село встречало и провожало епископа Тобольского Иринарха, а 17 января, на возвратном пути епископа, население присутствовало на торжественном богослужении епископа соборном с восьмью священниками. Храм был переполнен молящимися, и сотни их толпились на паперти, не имея возможности протиснуться внутрь церкви.

С 20 же по 22 января на собранные местным начальником милиции 734 рубля и из пожертвованных мяса и муки местная интеллигенция с ученицами школы и немногими крестьянками изготовили 25,5 тысяч пельменей, которые отправляются на фронт в Ишимский полк.

17 января ст.ст. были открыты в селе курсы маслоделия и сыроварения при 16 слушателях... Маслодельная артель пожертвовала 1000 рублей на улучшение дела народного образования в с.Голышмановском и Слепенской, а кооператив потребителей - 1000 рублей на внешкольное образование.

Там же. - 11 февраля.

Тьма непросветная

...Вступая с крестьянином в беседу, чувствуешь, что он кое-что знает, кое-что почерпнул откуда-то. Он очень хочет поделиться своими сведениями с новым для него человеком, и, если возможно, узнать ещё что-либо.

Встречаясь с крестьянином нашего Ишимского уезда и вступая с ними в разговор о текущем моменте, прямо поражаешься, насколько они неосведомлены. Они проявляют большое желание знать истинное положение, но если начнут высказывать свои мнения или делиться своими сведениями, подчас можно услышать невероятные вещи. На днях мне пришлось беседовать с одним крестьянином деревни Макаровой, которая лежит на восток от Ишима.

Крестьянин сообщил, что у них в деревне говорят, будто бы большевики уже в Голышмановке, а Голышмановка на 70 вёрст западнее Ишима, - фронт же наш, как мы знаем не в Тобольской губернии, а за Пермью, приблизительно вёрст 1000 отсюда. Когда я сообщил ему о ходе войны с большевиками, он очень внимательно слушал и старался уяснить себе всё сказанное. Затем он попросил дать ему ненужную и уже прочитанную газетку и со вздохом сказал: «Да у нас, нечего уж говорить о деревне, а даже в сёлах - непросветная тьма; а в нашу деревню не то что книжка, а газетка-то попадает случаем». В конце разговора с крестьянином я спросил его, почему они не выписывают какую-нибудь газету для своей деревни. Он ответил: «Я, вот, неграмотный, куда я пойду? Кто мне укажет, у всякого свои дела. Вот если бы начальство это сделало, хорошо бы было; денег нам не жалко,

такого добра в деревне у последнего мужика - тысячи. Теперь на вине пропивают сотнями, а чуть свадьба, тысячами. А если бы вот газетка, всё бы как-то лучше было. В праздник деваться некуда, и вот подумаешь либо о вине, либо о самосядке, а была бы газета, так может, кто и не подумал бы выпить. Глядишь, и день-то прошёл с пользой. А к тому же теперь у нас в деревнях грамотные завелись, солдаты больше, что с войны воротились. Есть - даже умеют читать по-загранишному»...

Видя же полную неосведомлённость крестьян наших деревень, неизбежно возникает вопрос: кто даст деревне печатное дело? По-моему, некому кроме земства; оно же за многими делами не замечает этого пробела в своей деятельности...

Сибиряк

Там же. - 21 февраля.

с.Уктузское Ишимского уезда

Деревенская неурядица

Деревенская неурядица и неразбериха продолжают царствовать рука об руку с самогонкой, как в частной, так и в общественной жизни сельского населения.

Более двух лет не действует волостной суд, и все жалобы, как-то: о земле, о потраве, споры об усадьбе, о долгах и прочее вносятся просителями почему-то на обсуждение сельских сходов, и сход старается эти жалобы разобрать, что, конечно, не удаётся, потому что одна часть схода держит сторону просителя, а другая - сторону ответчика, от чего на сходах всегда невообразимый шум и крик, и невозможно разобрать кто чего хочет. А дела всё-таки не решают, да и не вправе - чего большинство конечно не понимает, как не понимает и того, что такого рода жалобы подлежат рассмотрению суда, а не схода. Зачастую на собранном старостой сходе для решения вопросов общественного характера последние остаются нерешенными, и староста против этого не в силах бороться.

96

Такая же ненормальность получается при рассмотрении натуральных повинностей, например, подводной для своза мобилизованных до соседней волости; кучка солдат в деревнях старалась все подвода свалить на «буржуев» и «нестрадавших», то есть не бывших призванными по мобилизации в войну с Германией по той или иной причине. До 10 подвод приходится на домохозяина, имеющего лишь три или четыре лошади, а остальных»приказано» нанять, (не дешевле 35 рублей за подводу).

Например, в селе в 300 дворов находится каких-нибудь 20-30 домохозяев так называемых «непострадавших», которых и считают обязанными нести всю натуральную повинность, как-то: подводную, которая состоит не только в отвозке мобилизованных, но и в отвозе проезжающих русских пленных, отбывать разные местные натуральные наряды, служить старосте, сборщикам, сотским, десятским и прочим, отчего для этих граждан свобода эта - не краше крепостничества.

П.

Там же. -29 марта.

Спекуляция с керенками

с.Абатское

Несмотря на то, что было объявлено о свободном хождении керенок до 15 мая и об обязательном приёме, абатские торговцы, желая уклониться от их приёма, прекратили торговлю и закрыли свои магазины. Крестьяне, в свою очередь, стали выезжать на рынок с минимальным количеством продуктов, причём, керенки в уплату отказываются принимать. Служащие же и все те лица, которые вынуждены покупать съестные продукты, оказались в очень затруднительном положении, ибо если керенки и принимаются, то приходится платить за всё вдвое дороже, а других денег нет. Крестьяне плохо разбираются в тонкостях производимой реформы. В

кассы они не хотят сдавать свои деньги, боясь, что нескоро получат новые денежные знаки.

«Чем сдавать в кассу, лучше, говорят, их как-нибудь израсходуем». Разумеется, нашлись лица, сумевшие воспользоваться таким настроением крестьян. На рынке появились всякие предметы, нужные крестьянам, главным образом, мануфактура, однако по ценам спекулятивным. Ситец, например, который стоил недавно 12 рублей аршин, теперь продаётся по 18-20 и дороже. А мужички и этому рады - дают сколько просят и убивают свои последние денежки.

Н.

Там же. - 8 мая.

Пожар

Первого мая с.г. в с.Аромашевском Ишимского уезда в 2 часа дня произошёл пожар, начавшийся с одной из бань, по слухам, от сушки конопли... Разыгравшийся ветер усилил пламя, и к 3 часам дня пожаром было охвачено более 30 дворов, а к 4 часам дня силой ветра огонь был переброшен за реку Вагай и на деревню Чигареву, уничтожив и там 17 дворов... Сгорело всего 50 дворов, в том числе аромашевское почтовое отделение... Сгорело много хлеба в амбарах, много скота, сельско-хозяйственных орудий и т.д.

В.П.

Там же. - 11 мая.

НАШ КРАЙ (От собственных корреспондентов)

Деревня Чиркова, Армизонской волости

Недавно здесь, в доме крестьянина К.Е.Юдина, когда он спал на печи, а его жена с замужней дочерью спали на полу, через окно произведено из револьвера два выстрела, причём, одна пуля, ударившись в потолок, упала у головы хозяина, а другая попала в его шапку.

В той же деревне в доме Прокопа Паутова, занимающегося подпольной адвокатурой, брошена через окно бомба английского образца... Бомба, к счастью, не разорвалась. Дознанием установлено, что оба злодеяния совершены крестьянином деревни Чирковой Иваном Епифаном Паутовым, который сделал это по злобе и мести на свою жену, проживавшую в доме своего отца, Корнила Юдина, за то, что она, будучи всячески притесняема мужем ушла от него, и на своего тестя Юдина за то, что взыскал с Паутова по суду принадлежащее жене его имущество и деньги и описал за долги имущество Паутова. На Прокопа Паутова обвиняемый покушался за то, что тот по доверенности Юдина вёл дело в суде.

Иван Паутов после совершения преступления скрылся неизвестно куда. Розыски его производятся.

Село Утчанка

Крестьянин К.П.Денисов пьянствовал по селу и вечером, когда его жена пришла за ним в дом крестьянина Г.В.Морева и стала звать домой, Денисов начал её бить, но в защиту своей матери вступился пасынок Денисова - Василий, который ударил Денисова палкой в голову. Денисов упал, но всё-таки потом ушёл домой, лёг спать и ночью умер.

Село Песьяново

Крестьянка О.Василевская от нанесенных ей побоев свекровью её Лукерьей и мужем её Титом преждевременно разрешилась от бремени, мертвый ребёнок был в тряпках спрятан в подполье дома Васильевских. В подполье труп ребёнка был съеден червями, и остались одни тряпки.

с.Тоболовка

Вблизи дороги из Тоболовки на Тюменский тракт во ржи, в 90 сажнях от доро-

ги, обнаружен совершенно голый труп задушенной неизвестной женщины. На шее у трупа верёвка, завязанная не петлёй, а простым узлом. По виду убитая - интеллигентная, лет около 20, волосы русые, среднего роста, расследованием установлено, что труп привезён с Тюменского тракта на паре лошадей. По предположению старосты и свидетелей, убитая - не из местных жительниц, а из беженцев.

Там же. - 1919. - 9 августа

Деревня Овсова, Кротовской волости

Недавно через деревню прошли 16 человек, одетых в солдатскую форму и вооружённых. Они ушли по направлению на Сорокинскую волость. Жители деревни их считают дезертирами, а, вероятнее всего, они - большевистские агенты, так как они распускали нелепые слухи, призывали выгонять богатых из деревни и т.п. Чего-то говорили с солдатами, ехавшими на фронт. Об Омске, например, говорили, что он взят красными давно. Но жители не верили этим смутьянам, и они, разочарованные, двинулись дальше.

Там же. - 17 августа.

МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

Ярмарка

Нынешняя Ишимская ярмарка, как по многолюдности, так и по количеству предлагаемых на рынке товаров, безусловно, не может сравняться с таковыми же прошлых лет.

Неблагоприятные экономические условия поставили в узкие рамки сферу деятельности торгово-промышленной жизни. Почти полное отсутствие подвоза на рынок товаров фабричного производства ограничивает торговлю, делая возможным производство торговых операций лишь в области продуктов первой необходимости и отчасти продуктов промысловых и кустарничества.

Ограниченная, в смысле разнообразия предлагаемых на рынке товаров, торговля не может, конечно, привлекать массовый наплыв потребителей, а потому не может быть оживлённой и всеобщей. Главными предметами торговли настоящей ярмарки являются, по преимуществу, хлеб, рыба, кожи (также пушнина) и овощи.

Цены на зерно стоят устойчиво, так как происходит некоторый обмен продуктами. Ишимский уезд, как наиболее богатый хлебом, поставляет преимущественно хлебные продукты, обменивая их на рыбу, ягоды, мочало, кожи и прочее. Рыба, главным образом, поставляется с тобольской стороны.

Цены на пшеницу нового урожая - от 11 до 13 рублей, урожая старых годов - от 8 до 11 рублей. Цена на пушнину - горностаи - от 12-14 и 16 рублей; клунок - от 7 до 15 рублей; заячьи шкурки - 1 р. 25 к. - 1 р. 40 к.; мочало - 15-20 рублей; рогожи - 15-20 рублей десятков; рыба свежая крупная - 140-160 рублей пуд, мелкая - 80-120 рублей; ягоды брусники - 80-100 рублей.

Ишимская жизнь. - 1918. - 13 декабря.

Обзор Ишимской Никольской ярмарки

Хлебный отдел

Пшеница. Пшеницы было подвезено за ярмарку до 50.000 пудов. Покупатели - местные фирмы: паевое товарищество, торговый союз. Половина привезённого хлеба была куплена подвозом крестьян из Тобольска. Цены существовали на пшеницу с 10 до 14 рублей пуд...

Овёс. Овса подвезено было за ярмарку 20.000 пудов. Покупатели были приезжие на ярмарку и местные торговцы с возов.

Рожь. (2.000 пудов - потребители).

Ячмень, горох, семя льняное - 20000 пудов. Покупатели - местные фирмы. Ко-

нопляное семя. Мука пшеничная (до 3000 пудов, цены от 28 до 30 рублей за пуд), ржаная мука (до 2000 пудов).

Мяса скотского в предложении было в среднем до 20.000 пудов, большая половина которого была скуплена приезжими из Камышлова, Тюмени и Екатеринбургa; по ценам до 65 рублей пуд...

Битая птица и дичь. Пушнина (заячьих шкур до 200.000 штук; горноста́й - до 15.000 штук, цена - от 12 до 17 рублей; хорёк и колонок - 10.000 штук. Волос гривы, щетина, лён, мочало.

Ярмарка очень была затруднительная, так как мелкие денежные знаки совершенно отсутствовали, а крупные знаки достоинства в 10000 рублей и 5000 рублей совсем неудобны для расчёта и при продаже и покупке товара всегда становили условие: расчёт производить мелкими знаками. Этот вопрос о мелких знаках в торговле становится на первом плане, необходимо позаботиться кому следует снабдить наше казначейство разменными знаками, если этого в скором времени не будет, торговля будет совершенно невозможна.

Интересовались на ярмарке, главным образом, товарами для вывоза за границу. Бойко прошла, с большим повышением, щетина, хорёк, колонок, горноста́й и заячьи шкурки. В конце ярмарки этот товар повысился от 25 до 50 %. Дичь в настоящую ярмарку не представляла никакого интереса, потому лишь, что сбыт этого товара - Москва, Петроград; но они для нас пока недостижимы.

Ярмарка в нынешнем году была слабая в сравнении прошедших лет, потому что нет товаров, которые бы могли удовлетворить потребность жителей деревни; если мы хотим иметь от деревни все продукты питания, необходимо дать ей взамен требуемые для нужд деревни товары. Ишимское Объединенное Торгово-промышленное Товарищество на паях.

Там же. - 1918. - 26 декабря.

В земстве

...Ощущая крайнюю необходимость в пополнении комплекта медицинских врачей и фельдшеров в уезде, ввиду наличия в Ишимском уезде эпидемии сыпного тифа и других инфекционных заболеваний, а также имея ввиду и то обстоятельство, что оклады содержания медицинского персонала в других земствах превышают таковые в Ишимском земстве, уездная земская управа постановила увеличить с 1 января 1919 г. жалованье медицинским и ветеринарным врачам и школьным фельдшерам, основное содержание (врача 500 рублей и школьного фельдшера 300) на 40 %.

Там же. - 29 декабря.

Обследование целебных озёр

Ишимский уезд богат озёрами, и многие из них имеют целебные свойства... Для производства обследования озёр в Ишимском уезде отпущен кредит земским собранием, и выражено пожелание устройства при этих озёрах курортных лечебных заведений. Принято решение возбудить перед правительством ходатайство об отпуске земству средств в виде безвозвратного пособия на устройство курорта, для чего предварительно произвести обследование имеющихся в Ишимском уезде озёр - Медвежьего (Утчанской волости) и Горького (Ларихинской волости)...

Там же.

Покушение на ограбление волостной управы

Из Красноярской волостной земской управы получены сведения о предполагавшемся покушении на ограбление управы. 14 декабря ночью в помещение управы: явились 6 неизвестных человек, из которых 3 были вооружены винтовками,

конвоируя двух, якобы арестованных, последний из них был в качестве ямщика... Но так как они не имели при себе документов и сопроводительных бумаг, то администрация управы отказалась от приёма арестантов. Тогда под предлогом намерения идти к председателю управы неизвестные все скрылись. По их уходе у ворот управы найден ломик «фомка».

Там же.

Порча мостов

Земской управой получены сведения о порче вновь отремонтированных мостов по трактам и дорогам в уезде. Проезжающие обозники разрушают и сжигают перила и настилы мостов. Так, на участке с.Карасульского - Гольшмановского сожжены почти до тла 6 мостов, на участке Ишим - с.Кротовское разрушены и сожжены 4 моста.

Там же. - 1919. - 3 января.

Сухари для армии

Крестьяне с.Клепиковского, Ларихинской волости, Г. и И.Грамматчиковы взяли разрешение на отправку на фронт сухарей, пожертвованных крестьянами этого села, в количестве одного вагона. Сухари будут отправлены через неделю.

Там же. - 7 февраля.

Тиф

Эпидемия тифа в Ишимском уезде принимает угрожающие размеры. Почти все волости уезда заражены тифом сыпным и брюшным, а также во многих местах констатированы случаи заболевания оспой и инфлюэнцией. Заболеваниям тифом особенно подвержены волости южного района, прилегающие к железной дороге, Петуховская, Бугровская и Соколовская. В этих волостях - повальный тиф.

Главными проводниками и распространителями заразных болезней, а в частности, тифа, в настоящее время являются возвращающиеся русские военнопленные. Прибывающие военнопленные, все без исключения, истощенные голодом, грязные, без смены одежды, представляют благоприятную почву для развития в своей среде заразных болезней, а затем, разъезжаясь по сёлам и деревням, они всюду разносят заразу. Медицинский персонал сельских лечебниц не может своими силами справиться с эпидемией, и потому развитие заболеваний тифом идёт усиленным темпом.

Уездным земством принимаются энергичные меры по борьбе с эпидемией тифа. 6 февраля из Ишима выехал эпидемический отряд в составе 1 врача и 4 фельдшеров в Бугровскую и Соколовскую волости, как наиболее подверженные эпидемии. Отряду даны широкие полномочия в смысле самостоятельного открытия и устройства барачков, лечебных пунктов и пр...

Теперь же ввиду особых обстоятельств земство пришло к необходимости увеличить число коек в ишимской земской лечебнице до 40, в Петуховской - до 25, в Абатской, Гольшмановской и Больше-Сорокинской сельских лечебницах увеличить до 16...

Там же. - 9 февраля.

За спекуляцию

В ночь на 21 марта с.г. по распоряжению военных властей Специальной Следственной Комиссией арестованы директор-распорядители Ишимского Объединённого Торгово-промышленного Товарищества на паях И.Захаров и П.Бокарев, обвиняемые в искусственном поднятии цен на предметы первой необходимости и спекуляции на этих предметах, причем, пока мерой пресечения обвиняемый уклониться от следствия и суда на основании ст.ст. 416-421 Уст.Уг.Суд. избран залог в 100000 рублей с каждого.

Там же. - 26 марта.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

I

Ишим

...В ночь на 21 марта по распоряжению военных властей были арестованы директор-распорядители Ишимского Объединённого Товарищества на паях Захаров и Бокарев по обвинению в спекуляции с хлебом. В тот же день они были освобождены под залог в 100 тысяч рублей. Дело о них ведётся чрезвычайной следственной комиссией. В ту же ночь был произведен обыск в помещении правления Товарищества, причём, произведена выемка книг и документов. Объединенное товарищество, закупив большое количество хлеба, стало через своих агентов искусственно взвинчивать цены на рынке, в результате чего пшеница, стоившая в начале февраля 15-20 рублей пуд, поднялась в марте до 35 рублей пуд. Эта спекуляция на хлебе и послужила причиной привлечения товарищества к ответственности. Последние дни цена на пшеницу упала до 27 рублей...

Земля и труд (Курган). Орган независимой социалистической мысли. - 1919. - 28 марта (10 апреля н.ст.).

К делу Захарова и Бокарева

Постановлением Специальной Следственной Комиссии мера пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении обвиняемых в спекуляции директоров-распорядителей Ишимского Объединенного Торгово-Промышленного Товарищества на паях И.Захарова и П.Бокарева изменена в отношении Захарова на безусловное содержание под стражей, а в отношении Бокарева залог в 200000 рублей. Захаров 27 марта с.г. заключен в Ишимскую тюрьму.

Ишимская жизнь (Ишим). -1919. - 1 апреля.

В военно-окружном суде (Дело И.И.Захарова и П.Бокарева)

...Суд постановил: обоих подсудимых признать виновными в спекуляции и приговорил: Захарова лишить всех прав состояния и сослать на каторжные работы на 4 года, а Бокарева лишить некоторых прав и отдать в исправительные арестантские отделения на 4 года, и взыскать с них в доход казны по 50000 с каждого. (Бокарев в результате многочисленных ходатайств отпущен из-под стражи до рассмотрения кассационной жалобы под залог в 100.000 рублей).

Там же. - 12 июля.

Колдун

В деревне Гавриной Безруковской волости 21 января местными крестьянами был избит шестидесятилетний старик Попов, подозревавшийся в колдовстве.

Из дознания, произведенного милицией, выяснилось, что подозрение в колдовстве Попова возникло у крестьян после смерти одной женщины - сестры участника избиения Попова, умершей, по мнению их, от колдовства старика, на самом же деле от брюшного тифа, и на этом основании было решено избить колдуна. Искоренители чародейства сознались, что они имели целью нанести колдуну такие побои, после которых он бы не мог уже производить свои чары и, очевидно, для этого избрали такой способ: они высоко поднимая, бросали старика на землю, били ногами, топтали в живот. Судьба Попова сейчас неизвестна, но при расследовании дела милицией «чародей» был уже на краю могилы.

Там же. -1919. - 11 февраля.

Телеграмма Верховного Правителя

В Ишимской земской управе на имя председателя земского уездного собрания

получена следующая телеграмма: «Благодарю Ишимское земское собрание за приветствие и за готовность всемерно способствовать мне и правительству в нашей тяжелой государственной работе по воссозданию единой, свободной и по воле самого народа устроенной России».

Верховный Правитель Адмирал Колчак
Там же. - 12 февраля.

Благодарность Верховного Правителя

Телеграмма ишимскому уездному воинскому начальнику из Омска
8-го мая 1919 г.

Верховный Правитель поручил выразить благодарность гражданам села Ражевского, старосте с.Казанского и гр.Макееву за переданные через Вас пожертвования на нужды воинов и их семейств. Сенатор Тальберг

Там же. - 15 мая.

Телеграмма Верховного Правителя

В ответ на приветственную телеграмму районного Собрания уполномоченных Союза Сибирских Маслодельных артелей Верховному Правителю на имя председателя собрания Рагозина получена телеграмма из Екатеринбурга следующего содержания: «Передайте Ишимскому районному Собранию уполномоченных мою благодарность за одушевляющие их чувства, которые Союз Маслодельных Артелей имел возможность выявить содействием мне и правительству.

Верховный Правитель Колчак.

Там же. - 18 июня.

На нужды армии

...Поступило более 12.000 рублей. Сумма эта так невелика, ибо откликнулись на призыв, главным образом, люди среднего достатка. Купцы, по-видимому, считают, что сделали больше, чем могли, собрав несколько месяцев тому назад сто тысяч... Большинство же не даёт ничего, оставаясь глухим ко всем призывам...

Там же. - 19 апреля.

Сбор на нужды армии

...Из уезда (в городе этот сбор шёл гораздо успешнее) поступило 4 денежных перевода на нужды армии: из с.Абатского 134 рубля 80 копеек, из Боровского 203 рубля 71 копейка, из Ларихинского 326 рублей 82 коп., из Безруковского 129 рублей 87 коп.

Там же. - 5 августа.

Обращение к гражданам г.Ишима

...Вы, граждане города, - более сознательная часть уезда, должны первыми стать на путь борьбы с большевизмом и тем показать пример малосознательному уезду. Все, у кого теплится любовь к России, все, кто любит свой край и семейный очаг, все, кто сознаёт силу своего духа и стойкость, записывайтесь без промедления в Ишимский добровольческий отряд подполковника Григорьева.

Городской голова Ив.Агибалов

Там же. - 31 июля.

Совещание о формирований добровольческих отрядов

(Проходило 27 июля 1919 г. в городской управе. - Прим. И.К.)

...А.М.Брагин делает устный доклад о работе комитета по формированию добровольческого отряда и... указывает, что в настоящее время, кроме денег, собрано 4000 пудов муки, 1000 пудов мяса, 100 пудов масла, 100 пудов сыру, 300 пудов крупы, 500

пудов овса, партия обуви и прочее. Кроме того, арендованы луга, с которых будет собрано до 3000 копен сена, а дня через три будет изготовлено 200 комплектов белья.

Полковник Григорьев (командир отряда) для успешной вербовки добровольцев предлагает посылать из формируемого в Ишиме отряда в уезд ячейки из городских добровольцев, так как в ишимский отряд поступают полуинтеллигенты и интеллигенты, которые, можно надеяться, организуют в уезде это дело.

Представитель от кооперативов говорит, что им неизвестны задачи и функции формируемого отряда, взаимоотношение частных лиц к военным. Мы не даём денег, не зная, куда эти деньги пойдут... Председатель кооперативов заявляет, что этой определённой группе лиц они не доверяют, если она, организация, не перестроится...

Председатель уездной земской управы (П.П.Колыбин. - Прим. И.К.) предложил такую резолюцию: «Объединённое собрание представителей общественных организаций г.Ишима горячо приветствует организацию городского добровольческого отряда, просит городское и земское самоуправление и все организации о присоединении к инициативной группе или принять участие по созданию подобных организаций и выражает уверенность, что на этот призыв откликнутся все живые силы».

(Главнокомандующий Восточного фронта колчаковской армии генерал-лейтенант Дитерихс высказал высокую оценку этой патриотической акции, предпринятой властями города и уезда, буржуазией, домовладельцами. - Прим. И.К.)

Там же. - 29 июля.

Сбор на отряд

Самообложение в сумме 738 тысяч рублей, произведенное союзом ишимских домовладельцев на организуемый добровольческий отряд, вносится в казначейство очень успешно - до воскресенья внесено около 300 тысяч рублей.

Там же.

В отряд атамана Анненкова

По городу будет расклеено объявление с девизом: «С нами Бог и атаман» о записи желающих поступить в отряд атамана Анненкова на общих основаниях всех добровольцев армии. Предоставляется свободный выбор части войска...

Там же. - 30 июля.

Пожертвования ишимских кооперативов

Объединенным собранием представителей ишимских кооперативных организаций, состоявшимся 27 июля с.г., постановлено было внести от имени названных организаций в распоряжение высшего командного состава Сибирской армии 75000 рублей на организацию добровольческих отрядов...

Там же. - 31 июля.

Инструктирование бой-скаутов

На приказ Главнокомандующего Восточным фронтом генерала-лейтенанта Дитерихс о привлечении к работе по рассылке изданий осведомительных аппаратов войсковых соединений и частей юных добровольцев, мальчиков в возрасте от 13 до 16 лет, горячо отозвалось Ишимское общество бой-скаутов и герл-скаутов, большинство которых уже поступили добровольцами и подготавливаются к исполнению возлагаемых на них задач. Инструктирование и подготовка производится под непосредственным руководством и наблюдением начальника осведомительного отдела штаба подполковника Ланцевича. Мальчики-добровольцы относятся к делу весьма прилежно и горячо.

Там же. - 2 августа.

Под открытым небом

Очень много беженцев поселилось на степи вокруг Ишима, устроив палатки и балаганы, а некоторые живут буквально под открытым небом. Все домашние вещи и скарб сложены около «жилыя». ...В ненастье беженцы не знают где укрыться от дождя...

Там же. - 1 августа.

По лесам

По окрестным лесам осело тысячи беженцев. В лесах разбиты палатки, устроены шатры и балаганы. ...Некоторые вырыли землянки. Живя в лесах, беженцы не всегда могут достать пищевых продуктов из города или ближайших деревень, а потому, особенно в ненастье, в бездорожье, зачастую питаются корками да водой. Многие беженцы, расселившись по лесам, обносились, оборвались...

Там же. - 7 августа.

Приезд Верховного Правителя

В Ишим прибыл Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал А.В.Колчак. *Там же. - 8 августа.*

Крестный ход

14 августа, в день первого Спаса, литургию в соборе совершили в сослужении с городским духовенством главный священник армий Восточного фронта протоиерей А.Русецкий с протодьяконом Екатеринбургского кафедрального собора. В конце литургии о.Русецкий произнес горячую проповедь на тему: «Каким образом разрушили враги русское государство и как его восстановить». По окончании литургии был совершен крестный ход на реку Ишим для водосвятия, а затем по всему городу. Крестный ход с Б.-Никольской улицы сопровождал духовой военный оркестр. К прискорбию, молящихся было не так много, как бы должно быть.

Там же. - 16 августа.

ПРОИСШЕСТВИЯ

Убийство

В деревне Одиной Каргалинской волости крестьянка Евдокия Меркурьева Подкорытова ударом топора по голове убила своего мужа Алексея Подкорытова. Причина убийства - нежелание жить с мужем. *Там же. - 1918. - 22 декабря.*

Убийство

27 декабря в деревню Окунево, Беловской волости явились двое неизвестных людей, одетых в солдатскую одежду и вооруженных винтовками, шашками и бомбами, заявили, что они командированы от воинского начальника для отвода квартир для солдат; они потребовали себе лошадей. Требование их было исполнено окуневским сельским старостой Садыком Шарафитдиновым, который снабдил их также зимней одеждой. Отъехав от деревни 5 вёрст, неизвестные выстрелом из винтовки ранили Шарафитдинова, выбросили из кошевы, а сами уехали. В ночь на 30 декабря Шарафитдинов был найден ещё с признаками жизни, а 31 умер. Дознание и розыск преступников производится. *Там же. - 1919. - 12 января.*

Происшествия

8 февраля крестьянин Казанской волости Симон Баластрин во время драки колом убил односельчанина П.В.Гусельникова. Дело предано по подсудности.

- 1 февраля солдатка Безруковской волости Ирина Шанденкова скрыла своего родившегося ребёнка, труп которого найден закопанным во дворе дома. Дознание произведено. Труп ребёнка пока не вскрыт.

- 24 января крестьянин деревни Шулыгиной Малышенской волости Иван Ревягин, 17 лет, изнасиловал девицу той же деревни А.Овчинникову 14 лет. Дознание произведено.

- 30 января крестьянин с.Бутыринского К.П.Лоушкин пытался изнасиловать девочку того же села Туркову 10 лет... Там же. - 20 февраля.

Происшествия

- В деревне Скаредной Голышмановской вол. крестьянка П.Ф.Ершова в пригоне своего дома найдена повесившейся на опояске.

- В деревне Полевиной Усовской вол. крестьянин Г.Ф.Богданов, в пьяном виде, нанес своему отцу 3 ножевые раны, от которых последний умер.

- Учитель Сеницынской сельской школы Г.Ф.Юров отравился. Самоубийство произошло на романтической почве. Там же. - 10 апреля.

ЖУРНАЛ «СИБИРСКИЙ СТАРООБРЯДЕЦ» О СЪЕЗДЕ ИШИМСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В 1918 г.

СЕЛО ОКУНЕВО. СЪЕЗД СТАРООБРЯДЦЕВ ВСЕХ СОГЛАСИЙ.

18-19 декабря ст.ст. 1918 года в селе Окунево состоялся съезд старообрядцев всех согласий. На съезд явились представители от 34 общин Тобольской губернии различных старообрядческих согласий. На обсуждение съезду было предложено 6 вопросов: 1) об объединении старообрядчества Тобольской губернии, 2) избрание губернского исполнительного комитета старообрядцев всех согласий, 3) о своем старообрядческом печатном органе, 4) об отношении Тобольского губернского комитета старообрядцев к Всесибирскому Комитету старообрядцев всех согласий в г.Барнауле, 5) о старообрядческих училищах и учителях и 6) о посылке агитаторов по приходам старообрядчества Тобольской губернии.

Обсуждая вышеуказанные вопросы съезд постановил: 1). Признать необходимым и неотложным вопросом объединение всего Тобольского старообрядчества по общественным, политическим и культурно-просветительным вопросам. Для сего 2) избрать от всего старообрядчества губернский исполнительный комитет, которому и поручить выполнение всех постановлений губернского съезда. В виду того, что с.Окунево Укузской волости является центром для тобольского старообрядчества, постановлено комитет организовать в с.Окунево. В состав исполнительного комитета избраны от села Окунева А.П.Каргополов, В.А.Денисов и А.Ф.Чекмарев, от д.Яровой, Армизонской вол. Иосиф Сироткин (часовенного согласия); от д.Шелеповой Курганского уезда Н.Д.Шелепов (часовенного согл.). Кандидатами избраны Т.Я.Тюриков от сел.Гагарьевского и Ф.И.Морев (приемлющий переходящее священство) от д.Яровских.

По 3) пункту постановлено: имея ввиду, что издание своего печатного органа потребует больших затрат и, главное, литературных сил; ни того ни другого в наличии у комитета не имеется, а посему необходимо поддержать подпиской уже издающийся при Барнаульском старообрядческом комитете 2 раза в месяц журнал «Сибирский Старообрядец», который, надо надеяться, по мере увеличения количества подписчиков будет выходить еженедельно.

4) Об отношении губернского исполнительного комитета к Барнаульскому комитету старообрядцев всех согласий постановлено: согласно доклада секретаря исполнительного комитета А.П.Каргополова, о постановке дел в Барнаульском комитете и в особенности о пожелании Ф.С.Мельникова создать на всю Сибирь одну крупную сильную Всесибирскую организацию; - считать Барнаульский исполнительный комитет центральным органом сибирского старообрядчества и по всем текущим делам объединенного старообрядчества испрашивать его указаний и оказывать ему необходимую материальную поддержку.

5. По вопросу школьного образования постановлено поручить губернскому исполнительному комитету старообрядцев ходатайствовать перед правительством и земством об открытии старообрядческих училищ в местностях, где найдётся достаточный по закону комплект учащихся старообрядцев.

Также поручить комитету выяснить сколько имеется учителей старообрядцев с образовательным цензом в Тобольской губернии и распределять их в старообрядческие школы. Для сего войти в необходимое сношение с инспекторами училищ и уездными земствами.

6. О посылке агитаторов по приходам и общинам старообрядцев всех согласий постановлено: поручить исполнительному комитету послать хотя одного агитатора от старообрядцев в общины и приходы Тобольской губернии для разъяснения на местах о необходимости организации и объединения старообрядчества по политическим и культурно-просветительным вопросам, и способе организации на местах. Агитацию среди старообрядцев часовенного согласия возложить на старообрядцев их же согласия Никиту Шелепова и Иосифа Сироткина. Агитаторам назначить поденную плату 10 рублей в день кроме путевых издержек, которые принять на счёт исполнительного комитета.

На расходы исполнительного комитета и содержание секретаря комитета постановлено ассигновать 7000 рублей. Сумму эту разложить на души старообрядцев по 60 к.
Сибирский старообрядец (Барнаул). - 1919. - №8. - С.14-15.

ПРИКАЗЫ И РАСПОРЯЖЕНИЯ КОЛЧАКОВСКИХ ВЛАСТЕЙ

Приказ Главного Начальника Военно-Административного Управления Восточного Фронта армий № 10

25 июля 1919 г. г.Ишим

...Запрещаю в пределах театра военных действий и тылового округа Восточного фронта: 1) изготовление, хранение, продажу и покупку всякого рода спиртных напитков... 2) появление на улицах и в местах общественных в пьяном виде. ...Последним предавать виновных военно-полевому суду для расстрела.

Пределами действия сего приказа считать: на Западе - пределы расположения Армии и на Восток - уезды: Тобольский, Ялуторовский, Курганский, Ишимский, Тарский, Петропавловский, и часть Тюкалинского по левому берегу реки Иртыша.

Генерал-майор Домонтович

Помощник Главного Начальника штаб-ротмистр Карницкий

Ишимская жизнь. - 1919. - 29 июля.

Приказ Восточному Фронту армий

г.Ишим - № 15

30 июля 1919 г.

§ 1. Содержащиеся в ишимской тюрьме арестанты Алексей Потопальский и Николай Кривец, отбывающие срок наказания, - первый за конокрадство, второй - за разбойное нападение, вели в июле с.г. преступную большевистскую агитацию среди заключенных в названной тюрьме, склоняя последних к поддержанию Советской власти и к попыткам к побегу из тюрьмы.

За означенные преступления Алексей Потопальский и Николай Кривец были преданы военно-полевому суду, приговором коего приговорены к смертной казни через расстреляние.

(К расстрелу приговорен и Константин Гордеев за мошенничество и служебные подлоги).
29 июля приговоры приведены в исполнение.

Главнокомандующий Восточного фронта армий, Генерального Штаба генерал-лейтенант Дитерихс

Начальник походного штаба, Генштаба полковник Сальников

Там же. - 7 августа.

ПЫТЛИВЫЙ ПОСОХ СТРАННИКА

Вместе с профессором Тюменского нефтегазового университета В.Е.Копыловым, одним из авторов первого выпуска "Коркиной слободы", мы отправимся на родину замечательного сказочника П.П.Ершова, совершив путешествие не только в пространстве (от Ишима до деревни Безруковой), но и во времени.

Мы увидим село Ершово, каким оно было в самом начале 80-х гг. XX века, побываем в недавно созданном музее поэта, известном сегодня далеко за пределами Тюменского края. А так как жанр путевого очерка отражает разнообразные авторские впечатления и отличается ассоциативным способом изложения материала, мы узнаем из него не только об Ершове в Ершове, но и о других значительных личностях, побывавших на ишимской земле.

В.Е.КОПЫЛОВ

Ершов в Ершове

Предлагаемый материал, случайно найденный недавно в моем личном архиве, был написан очень давно, в далеком 1981 году, после моего посещения Ишима. Впечатления от поездки были настолько памятными и яркими, что статья родилась буквально в течение одного вечера. К сожалению, ее публикация по ряду причин в то время не состоялась. С тех прошло много лет, сведения о П.П.Ершове, возможно, сейчас звучат не столь актуально, как прежде. Я даже не знаю судьбу музея П.П.Ершова в школе села Безруково: уцелел ли он, сохранился ли? И тем не менее, я решил почти ничего не менять в статье с единственной целью: передать читателю настроения начала 80-х годов, свое восхищение историей старинного города, во многом к лучшему изменившегося за последние два десятилетия.

* * *

...Давно замечено, что воспоминание о каком-либо явлении или событии, рассказанное другими людьми, не воспринимается столь ярко, как увиденное самим.

От Тюмени до Ишима – неблизко, три сотни километров, но из них хорошей автомобильной дороги – чуть больше половины пути. Может быть поэтому до сих пор не довелось побывать в городе – самом крупном после областного

центра. Без определенной цели трудно решиться и собраться даже на загородную поездку, а тут, как ни говори – расстояние, и приличное.

Давно и настойчиво приглашал посетить педагогический институт его ректор, мой давний коллега, Н.И.Толмачев. И вот, наконец, годами планируемая поездка состоялоась. Накануне отъезда прочитал об Ишиме все, что оказалось под рукой. У немцев есть изречение: «Wenn jemand eine Reise tut, dann kann er was erzählen»^{*}). Действительно, побывав в Ишиме, я узнал, что в городе жили декабристы А.И.Одоевский и В.И.Штейнгейль. В свое время В.И.Штейнгейлем, единственным декабристом – уроженцем Урала, было подготовлено «Статистическое описание Ишимского округа». Сто лет назад в Ишиме три долгих года ссылки провел писатель-народник Г.А.Мачтет.

Но, пожалуй, больше всего взволновала другая новость: неподалеку от Ишима в деревне Безруково 22 февраля 1815 года родился наш великий сказочник и поэт Петр Павлович Ершов.

В эти февральские дни в засыпанное сибирскими снегами Безруково приходит первое дыхание близкой весны. Солнце светит ярко, и в поле, что начинается сразу за околицей, на освещенных обочинах дорог и тропинок появляются ледяные пузырчато-ноздреватые щетки-корки снега. Округляются снежные глыбы, кое-где обнажается черная земля, вывороченная осенью. А там, где нет теней и солнце светит весь день, на ветвях вербы, несмотря на февраль, лопаются почки, обнажая свои бутоны с жемчужным отливом когда смотришь на них вблизи, и белоснежные как хлопок – при взгляде издали...

Желание увидеть Безруково, испытать острое чувство причастности пусть не к событиям, а хотя бы к месту, дорогому Ершову, было настолько сильным, что откладывать поездку в Ишим под разными предлогами стало невозможно.

Шесть часов автомобильной езды – и мы в Ишиме. Гостиница, обед наскору руку, снова автомобиль и пока еще не стемнело – торопимся за город по старому сибирскому тракту на запад от Ишима. Вот и Безруково. Впрочем, с 1965 года, когда в Тюменской области готовились отмечать столетие со дня смерти П.П.Ершова, деревня получила новое название – Ершово, сохранив старое лишь за железнодорожным разъездом на линии Тюмень – Омск.

Село как село, таких много в Сибири, но вот школа – особенная, каменная, двухэтажная, недавно выстроенная взамен деревянной.

В саду – скульптурное изображение Иванушки и Конька-Горбунка. Школьников немного – семьдесят, девять учителей, все – с высшим образованием. С любовью оборудованные кабинеты, кинопроекторы, современная мебель, чистота.

Мы часто упрекаем школу за то, что в последние годы многое в программе обучения, особенно математики, усложнилось и было оторвано от жизни. Ученики разбираются в теории множеств с загадочными математическими обозначениями и символами, но с трудом вычисляют площади фигур, едва справляются с несложными алгебраическими выкладками. А вот в литературе, кажется, все наоборот – много недосказанного, немало упрощенного, школярского. Не раз, будучи в местах, связанных с судьбой великих писателей, с грустью убеждаешься, что некоторым учителям и в голову не приходит начать изучение их творчества с посещения школьниками заветных и дорогих русскому человеку мест.

^{*}) «Кто путешествует, тому есть что рассказать».

«Конька-Горбунка» знают все с малых лет, но редко кто из родителей или учителей догадается рассказать любознательному малышу, что «дядя Ершов» жил, трудился, умер и похоронен у нас на сибирской земле. После такого сообщения дети заметно взрослеют и другими глазами смотрят на сказку, безадресно до этого прочитанную...

К Ершовской школе эти упреки отношения не имеют. Одна просторная комната целиком отведена музею П.П.Ершова.

Здесь много изданий произведений поэта, в том числе – дореволюционных, фотокопий. Только знаменитая сказка «Конек-Горбунок» представлена более чем семнадцатью книгами, выпущенными в разные годы. Тщательно, со вкусом оформленные стенды всесторонне отображают главные этапы жизни поэта. Посетитель увидит здесь и другие, менее известные работы П.П.Ершова: «Осенние вечера», «Сузге», драматический анекдот «Суворов и станционный смотритель», «Фома-кузнец», отдельные стихотворения.

В школе проводятся Ершовские чтения. К открытию музея среди учащихся объявили конкурс на лучшую эмблему. Предполагается расширить тематику экспозиции, привлечь материалы о писателях тюменского края...

О рождении и детстве П.П.Ершова известно немного. Все, что было написано о нем, касается, в основном, его жизни в Петербурге и Тобольске. О деревне Безрукове – лишь несколько строчек. И не мудрено: здесь ничего памятного не сохранилось не только о П.П.Ершове, но и о тех далеких временах начала девятнадцатого века, когда родился поэт.

В наиболее полном сборнике поэзии П.П.Ершова «Конек-Горбунок. Стихотворения», изданном в серии «Библиотека поэта» (Ленинград, 1976), во вступительной статье И.П.Лупановой удачно описаны первые после рождения дни будущего поэта. Цитату стоит привести почти полностью. «...Ребенок готовился разделить судьбу троих своих предшественников: слабенькие, болезненные дети рождались у Павла Алексеевича и Ефимии Васильевны, умирали, не успев даже принять крещения. И этот, едва взглянув на свет, уже зашелся в припадке. И тогда отчаявшиеся родители вспомнили о старинном поверье: ребенка нужно «продать» нищему, чтобы тот, уходя, забрал с собой его «хворь». Искать «покупателя» долго не пришлось: немало бродяг утаптывало снега сибирского тракта, на котором стояло Безруково. За медный грош «унес» один из них болезнь новорожденного. Так воистину сказочно началась биография будущего автора «Конька-Горбунка». Благословив Петра Ершова на жизнь, сказка зашагала рядом с крестником по сибирской земле».

Богатые хлебные Ишимские края навсегда остались в памяти поэта. Воспоминания о родине были настолько яркими, что в восемнадцать лет Ершов создал своего «Конька-Горбунка», где описал и пшеничные поля, и крестьян, типично сибирских с гордыми и независимыми характерами, не знавшими крепостничества. А когда Ершову исполнилось девятнадцать, сказка впервые прозвучала с кафедры Петербургского университета и принесла автору всемирную известность.

П.П.Ершов не забывал свою родину, хотя большую часть жизни – с 1836 года до смерти в 1869 году – провел в милом его сердцу стольном Тобольске. Будучи смотрителем народных училищ Тобольской губернии, он дважды побывал в Ишиме в 1858-59 годах и посетил родную деревню. Надо полагать, в

Ишимские края П.П.Ершов приезжал с хорошим настроением: за год ему удалось открыть две женские школы в Ишиме и Тюмени*.

Совершенствование народного образования в родных краях, открытие и расширение школ приносило Ершову большое моральное удовлетворение. В какой-то мере оно облегчало душу, снимало тяжесть служебных неудач и обид, семейных огорчений. Медленно и неотвратимо уходили поэтические порывы, трудно писалось... Все чаще он ловил себя на мысли о том, что, читая хорошие, но чужие стихи с удачными выражениями и меткими словами, он становился способным лишь на получение определенного настроения от стихотворения в целом, на его оценку, а не на создание чего-либо своего и лучшего. В те годы он жаловался В.А.Андронникову:

*Ты просишь на память стихов,
Ты просишь от дружбы приветов...
Ах, друг мой, найти ли цветов
На почве ненастного лета?
Сказывалось и трудное одиночество:
Враги умолкли – слава Богу,
Друзья ушли – счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управлюсь как-нибудь...*

Нередко в своей жизни человек ощущает этап, наступивший вчера-сегодня, когда он понимает, что закончилось очень важное: детство, юность, обучение в университете. Позади – расставания с близкими людьми, любимой работой, с хорошим когда-то здоровьем. Становится настолько грустно, что не по-книжному, не по толковому словарю он узнает настоящую цену сладковато-томительной и по своему прекрасной болезни – ностальгии. Ершов в те годы переживал нечто подобное. Только иногда на его душу наплывало радужно-счастливое настроение. Он с упоением читал любимые и вновь открываемые для стихи, любовался природой, встречными женщинами. С возрастом, увы, эти наплывы приходили все реже и реже... Как их сохранить надолго? Чем стимулировать? Не эти ли вопросы приходят на ум каждому, особенно в зрелые годы?..

Открытие музея П.П.Ершова в школе села его имени – событие знаменательное. Музей, несомненно, станет приметным очагом культуры. Но ему необходимы помощь и внимание, в первую очередь от Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и Омского краеведческого музея. Они располагают многочисленными документами о П.П.Ершове, копии которых не только украсили бы школьный музей, но и подняли его научно-познавательское значение.

Безруковский период жизни П.П.Ершова, особенно посещения деревни в конце пятидесятых годов прошлого века, наименее изучен. Было бы неплохо хоззяевам музея – школьникам попытаться собрать у себя все, что возможно. Наверное, в этом трудном деле наибольшую помощь может оказать переписка П.П.Ершова с уроженцем Тобольска великим русским ученым-химиком Д.И. Менделеевым и его женой, падчерицей Ершова, Ф.Н.Лещевой. По времени

*) Любопытно было бы узнать, где останавливался П.П.Ершов в этих городах? Сохранились ли дома? В Тюмени, например, кроме названия улицы в поселке Мыс, ничего памятного о Ершове нет.

годы переписки и поездок в Ишим совпадают. Архив Д.И.Менделеева хранится в Ленинградском университете и содержит весьма ценные сведения о последних годах жизни писателя.

Возвращаясь к именам Одоевского, Штейнгейля, Ершова и Мачтета, вновь думаешь о завидной литературной судьбе Ишима – города поэтов, его интересном прошлом. Приходится сожалеть, что для сохранения в памяти поколений этих и других имен в городе до сих пор сделано очень мало, не организован краеведческий музей, для начала хотя бы на правах народного*. Яркая жизнь литераторов прошлого могла бы послужить хорошим примером в патриотическом воспитании молодежи.

Вспомним Александра Ивановича Одоевского – корнета конно-гвардейского полка. Когда 14 декабря 1825 года он вместе с другими пришел на Сенатскую площадь, ему было – трудно поверить! – всего девятнадцать лет! Сознательно подготовив себя к возможной гибели за правое дело, Одоевский сказал тогда пламенные слова, сохранившиеся в памяти поколений: «Мы умрем! Ах, как славно мы умрем!» Известность и слава пришла к Одоевскому, как и к Ершову, рано и тоже в девятнадцать лет. Современники вспоминали черту поэта, развитую до крайности и жестко выработанную самовоспитанием: полное отрицание самолюбия. Может быть благодаря ей были утрачены многие стихи поэта, которые он никогда не только не печатал, но и не записывал. Лишь изредка в минуты душевной близости и взаимного добра Одоевский читал их верным друзьям и товарищам. Легендарной стала его история любви и уважения к отцу. Эти чувства он пронес через всю свою короткую жизнь, из которой почти год было отдано Ишиму. «Ишим и для меня что-то особенное», - писал Одоевский В.К.Кюхельбекеру в Тобольск.

Не менее любопытна судьба писателя-народника Григория Александровича Мачтета. В Ишине Мачтет находился долгих пять лет. Молодым человеком будущий писатель оказался в Америке, куда его привела романтическая мечта-идиллия об организации земледельческой коммуны и желание уйти от суровой российской действительности. Однако острое ощущение социальной несправедливости и несовместимость с устоями существующего строя оказались в Америке для Мачтета не менее сильными, чем в России. Потерпев фиаско, писатель вернулся на родину и увлекся идеями революционного народничества. Они и решили судьбу Мачтета: тюрьмы, ссылки, нелюбимая служба. Главная тема почти всех произведений писателя – Сибирь, ее люди и вера в грядущие социальные перемены.

Не менее интересна судьба А.М.Янушкевича – участника польского восстания 1830 года, друга Мицкевича. Янушкевич жил в Ишине одновременно с Одоевским и был знаком с ним.

В селе Соколовке, что на реке Ишим (теперь в Петропавловской области) родилась А.Н.Лукьянова (1874-1954) – революционерка, жена известного украинского поэта-революционера П.А.Грабовского, похороненного в Тобольске. Она – мать Б.П.Грабовского, одного из основателей современного электронного телевидения. В Ишине А.Н.Лукьянова-Грабовская училась в гимназии и работала медсестрой в городской больнице.

Немало знал город и других известных имен. Так, в 1771 году здесь побы-

* Ишимский краеведческий музей был открыт 21 декабря 1991 года (прим. ред.).

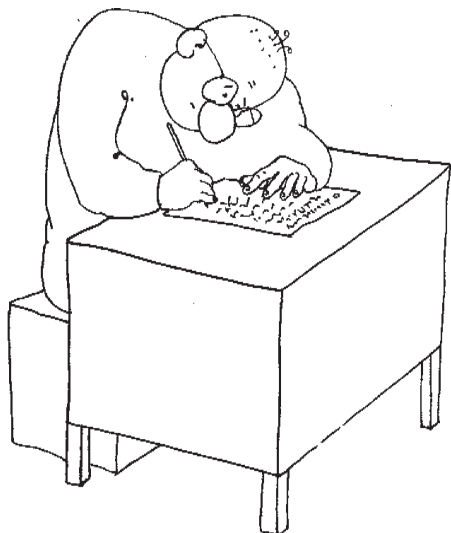

вал академик Петр Симон Паллас со своими учениками. Он посетил также окрестные селения: Вагай, Омутинское, Голышманово, Абатское, Заводоуковск. Спустя полвека (1829 год) город встречал Гумбольдта. Он приехал в Ишим в сопровождении ссыльного декабриста С.М.Семенова для наблюдения Венеры на диске Солнца*.

Поиск краеведов несомненно расширит и обогатит эти сведения.

*) Сведения о пребывании А.Гумбольдта в Ишиме оказались ошибочными. См.: Савченкова Т.П. Александр фон Гумбольдт в Ишиме: правда или вымысел? // Коркина слобода. Вып. 8. Ишим, 2006. С. 5-11

СТРАНИЦЫ МЕМУАРОВ

Завершая публикацию воспоминаний Георгия Николаевича Папулова, связанных с ишимским периодом его жизни, хотим выразить сожаление по поводу невозможности издания всей книги мемуаров, отразившей долгую и яркую жизнь автора. Объем нашего альманаха и определенная локализация материалов не позволяет это сделать. Начало «Записок провинциального интеллигента»

см.: «Коркина слобода», вып.1.- Ишим,1999.

Г.Н.ПАПУЛОВ

Записки провинциального интеллигента (окончание)

В советской России

После ухода белых несколько дней город оставался без всякой власти, затем по городу проскакала конная разведка красных, время от времени появлялись отдельные небольшие воинские соединения, пересекавшие город в своем передвижении на восток.

Однажды двое кавалеристов в кожаных куртках и галифе остановились у ворот нашего дома. Проходивший в это время урок конечно прервался, все мамы ученицы прильнули к стеклам окон. Один из всадников спешил, передав поводья узды своей лошади спутнику и направился в дом. Он с удивлением увидел обстановку не характерную для жилой квартиры - парты, классную доску, целую кучу одновозрастных девочек. Мама объяснила, что вследствие закрытия гимназии, она по просьбе родителей девочек перенесла занятия своих учениц на дом. Оказалось, что этот кавалерист был квартирмейстером, обследующим дома на предмет размещения вступающих в город войсковых частей Красной Армии. Выслушав объяснение мамы, он вынул из сумки блокнот и написал записку, освобождающую наш дом от постоя до открытия в городе нормальной школы. Эта охранная грамота действовала исправно всю зиму.

Лишь весной, после возвращения в здание женской гимназии всей обстановки класса вместе с его обитателями, к нам на кухню были «поставлены» семь красноармейцев. При их вселении наша бабушка, на мой взгляд совершенно неуместно, заметила, что она скажет этим новым постояльцам, что совсем недавно я благосклонно отнесся к предложению моих друзей-казаков идти вместе с ними «бить красных». Я конечно понимал, что бабушка шутит, да и само предложение казаков было не очень серьезным. Однако ведь пел же я вместе с казаками, что... «там на линии Кавказа, там сизой орел летал, там скакал перед войсками белый русский генерал!» И поэтому, на всякий случай, я старался не заходить на кухню. Эта моя настороженность продолжалась до тех пор, пока однажды из кухни не донеслась песня о Ланцове, который «задумал убежать» после звонка, который «звонит на-

счет поверки...» А затем я услышал, что «...скакал перед войсками красный русский комиссар!» Тут я быстро понял, что красноармейцы такие же свои парни, как и уехавшие казаки, и песни у них те же (пусть с небольшими переделками), а вскоре узнал, что и сахар у них такой же белый и такой же сладкий.

Через некоторое время после посещения нашего дома квартирмейстером, когда в городе установилась власть (кажется, называвшаяся «ревком») и над Городской думой повесили красный флаг, в доме появился папа. Как я уже писал, он последнее время часто куда-то «уезжал», поэтому тогда я его появлению не придал большого значения, и лишь потом, много лет спустя узнал драматическую сторону его отсутствия.

Положение отца при отступлении белых было двусмысленным. Даже имея временное освобождение от службы для лечения, он тем не менее оставался военнослужащим, офицером, и если бы отступающие власти вспомнили о нем, он обязан был уходить вместе с армией. Конечно, властям было не до него, но в случае чьего-либо доноса его могли посчитать дезертиром, со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому твердо решив не отступать вместе с белыми, он считал благоразумным с подходом фронта к городу исчезнуть из дома. С другой стороны, очень опасным было первое соприкосновение с воинскими частями Красной Армии. Достаточно широкий круг жителей города знал, что он царский и колчаковский офицер, и при доносе вступившим в город частям красных, что в городе находится «золотопогонник», мог последовать расстрел без суда и следствия.

В этой сложной ситуации отец решил спрятаться в надежном укрытии перед уходом белых войск и появиться только после установления в городе гражданской власти красных. Таким местом укрытия была избрана наша баня, стоявшая в дальнем углу огорода. Поселившись в бане, он выходил из нее на короткое время глубокой ночью. Никто из нашей семьи не ходил в его заточение. Пищу, также по ночам, носила соседка, зубной врач Чернова, ее дом был расположен в одном квартале с нашим, но выходил на перпендикулярную улицу. Сосуществовали наши огороды задней изгородью. Баня стояла у самого конца огорода, граничащего с огородом Черновой, в изгороди был лаз, по которому она приносила отцу пищу.

Как я помню, нам, ребятишкам, в это время было строго запрещено вообще ходить в огород, на том основании, что там, якобы, появился какой-то опасный зверь. Присутствовавшая при этом предупреждении Чернова подтвердила, что она также видела этого зверя. У нас при доме было два огорода, на том месте, где стояла баня, ничего интересного, на наш детский взгляд не было. Рос дедушкин табак, капуста и картошка, поэтому запрет посещать огород мы восприняли совершенно спокойно.

Отец вышел из своего укрытия лишь после того, как на заборах появился приказ новой власти о регистрации всех военнослужащих колчаковской армии, оказавшихся по той или другой причине на территории города. В Ревкоме его поставили на учет, но для службы в Красной Армии не привлекли, так как гражданская война явно близилась к концу. Отца направили работать по специальности на то место, которое он покинул в связи с мобилизацией в 1915 г. Первое время он должен был являться в Ревком на отметку каждые десять дней, затем эти отметки отменили.

Началась наша жизнь в Советской России. После веселой рождественской елки наступил 1920 год.

Папа служил в Ишимском Окружном земельном управлении, мама, с открытием в здании гимназии «1-й Трудовой, советской школы», стала, по-прежнему, преподавать русский язык, заменяя до возвращения из эвакуации также и учительницу естествознания. Летом, когда в покинутом доме одного из уехавших на восток купцов, открылся госпиталь для раненых красноармейцев, она («за паёк») стала по совместительству вести с выздоравливающими занятия по ликвидации безграмотности («ликбез»).

Жить было голодно. В ходу были все время дешевевшие, «совзнаки», одновременно действовали (правда быстро сходя на нет) «керенки» и «колчаковки», удивительно, что довольно стабильно котировались «романовские», особенно 100-рублевые «катеньки» (с портретом Екатерины II). Я не помню, чтобы в это время действовали ^ магазины, но рынок существовал, причем наравне с деньгами, стоимость которых все время колебалась, в ходу были обменные операции. Ходовой обменной «валютой» были спички и катушки ниток.

Население одевалось весьма непрезентабельно. Женщины донашивали всякое старье, перешивая его и переворачивая. Большинство мужчин было одето в донашиваемое обмундирование самых различных армий. Имевшие возможность шить новые носильные вещи носили френчи (с накладными карманами) или «толстовки» - просторные блузы с поясом.

Все, кто только мог, усиленно занимались огородничеством и небольшим подсобным животноводством. В нашем семействе, заведенное и поддерживаемое дедом домашнее хозяйство всегда было развито, теперь оно приобрело жизненную необходимость. Деда в живых уже не было и вся тяжесть ведения подсобного хозяйства легла на плечи одного отца.

В хозяйстве деда всегда была лошадь, две коровы, курицы; с весны до осени обычно держали телят. В годы гражданской войны, при отсутствии мужской силы, дед несколько сократил хозяйство; не стало лошади, корова обычно бывала одна.

После смерти деда, при красных, с распадом рыночной экономики, наступавшей разрухой, отцу пришлось больше внимания уделять подсобному хозяйству. Под огород дополнительно раскопали часть большого двора, завели свинью, снова появилась лошадь. Отец, несмотря на свое крестьянское происхождение, рано уйдя из дома, не имел привычки к крестьянскому труду, да и не очень его знал. С распадом рынка уже нельзя было покупать сено, приходилось заготавливать самим, для поездки на далеко расположенный покос и вывозку сена лошадь была необходима, это же относилось к вывозке дров, кроме того, с развалом городского хозяйства, с улиц исчезли водовозы, а единственным источником питьевой и хозяйственной воды (не считая дождевой) была р.Ишим, до которой от нашего дома было не меньше километра. За городом находился добавочный участок посадки картофеля.

Конечно, можно себе представить, насколько трудно было отцу совмещать службу с ведением довольно большого подсобного хозяйства. Например, я помню, что на реку за водой он всегда ездил поздно вечером, когда мы дети уже ложились спать, часто по-темну, но для нас с братом в то время поездки за город на покос, на окучивание картофеля были дополнительным развлечением.

Летняя работа отца заключалась в проведении землеустроительных работ, в частности, в нарезке земель переселявшимся из центральных губерний России в связи с неурожаем и начавшимся голодом в Поволжье. В случаях когда ему приходилось жить по неделе или больше в соседних деревнях, он брал с собой нас с братом, а иногда и маму.

В Ишимском районе, где имелись резервы государственных земель для переселенцев, во время германской войны, когда немецкие войска вторглись в земли западных областей Российской империи, населенных поляками и литовцами, среди беженцев оказалось некоторое количество представителей польской шляхты и вот в Ишимском районе этим «беженцам-землевладельцам», в качестве компенсации за потерянные поместья на родине, были нарезаны земельные участки. Размер каждого участка равнялся 100 десятинам, куда входили кроме пашни и покосов, также и залесенные участки. На каждом участке стоял хутор, в котором жила семья владельца участка. Этим хозяйства беженцев отличались от поселений сибиряков, которые жили деревнями, а выпасы, леса имели в общинном пользовании. За прошедшие со времени приезда четыре-пять лет, хутора у большинства хозяев не были капитально обустроены. Дома не отличались от обычных деревенских изб. Я помню лишь две фамилии этих переселенцев - Федоровичи и Урбановичи.

Исключением из этих деревенских усадеб являлось поместье полковника царской армии Комарова. Он, видимо, был зажиточным человеком, дом его был построен с архитектурными выдумками, два этажа, большие венецианские окна, балкончики. Огромная кухня по высоте равнялась двум этажам, в ней была большая плита и, что меня тогда больше всего поразило, посредине кухни был колодец. Всю жизнь полковник Комаров преподавал в кадетском корпусе гимнастику и строевую службу. В то время, когда мы его узнали, он давно был в отставке, это был старик лет около семидесяти, небольшого роста, плотного телосложения, очень живой и не потерявший физическую тренировку. Примером его гимнастического уровня может быть неоднократно демонстрированный Комаровым трюк. В кухне нашего ишимского дома он подпрыгивал, хватался руками за брус, на котором держался торцовый конец полатей, и подтягивал все тело вплотную к полатам.

Про этого Комарова говорили, что жена давно от него ушла, сын - офицер, отступил с белыми, и он жил в своем большом доме со старой, выжившей из ума матерью, которой были отведены комнаты с отдельным входом и которая жила совершенно изолированно со сворой мопсов, свободно и бесконтрольно размножившихся. Досужие соседки уверяли, что количество мопсов приближалось к восьмидесяти, но я думаю, что это число все же сильно преувеличено.

Комаров сам никогда сельским хозяйством не занимался, а свой участок сдавал в аренду семье литовцев по фамилии Микенас, также эвакуированных, которые жили в том же доме, что и Комаров, и хозяйничали на всем земельном участке. В семье Микенасов было трое детей, средний сын (Юзик) был моего возраста, старшая девочка (Ядвига) в зимнее время жила в нашем ишимском доме, так как училась в городской школе. У этих Микенасов, в комаровском доме летом 1920 г., мы прожили целую неделю. Я в то время был увлечен книгой Э.С. Томпсона «Юные дикари» (или в других переводах «Маленькие индейцы»), и по моей инициативе мы всю неделю с упоением изображали из себя северо-американских индейцев.

Поздней осенью 1920 г. в селах Западной Сибири начали собирать продрозверстку. Со всех окрестных деревень свозили зерно в Ишим для погрузки в железнодорожные вагоны. Складов для временного хранения было недостаточно, поэтому у жителей города занимали амбары для ссыпки зерна. Поскольку у деда было сравнительно крупное амбарное хозяйство, то у нас были реквизированы одна завозня (вторая была ветхая) и большой амбар. Во дворе были установлены весы и вокруг них целыми днями стояли подводы, груженные мешками с зерном. Так как все сусеки в помещениях были скоро заполнены, то приемщики зерна наглухо забили двери, разобрали часть досок на потолке и засыпали зерно через верх. Заполнение зерном закончилось лишь тогда, когда помещения были засыпаны под крышу.

Все это время двор нашего дома был полон подвод из окружающих деревень. Среди приезжих крестьян были знакомые покойного деда, знавшие и бабушку, они постоянно толклись на кухне, грелись, пили чай, закусывали привезенной снедью. От солдат к этому времени городские дома были уже освобождены - гражданская война в Сибири кончилась.

Под весну переполненная зерном завозня не выдержала, бревна «расселись» и зерно «потекло» в щели. Это вызвало радость кур, бродивших по двору, но привело в тревожение моих родителей. При наступавшем голоде они боялись, что на них падет подозрение в присвоении части просыпавшегося зерна. Однако власти, ответственные за зерно, отнеслись к аварии спокойно, лишь после неоднократных заявлений во двор приехала подвода с досками, которыми забили щели и пространство между полом в амбарах и землей, куда предварительно сгребли все высыпавшееся из завозни зерно.

В нашей истории и литературе довольно много написано о крестьянских восстаниях, вызванных жестокостями продрозверстки и прочими перегибами «военного коммунизма». Достаточно широко они прошли и в Западной Сибири, в том

числе и в районе Ишима. Насколько я помню, даже в «Кратком курсе истории КПСС» есть упоминание об «Ишимском кулацком восстании».

Зимой 1920-1921 гг., когда продразверстка стала касаться уже не многолетних запасов зерна, имевшихся у многих зажиточных крестьян, а резервов, оставляемых на зерно и на продовольствование семьи до свежего хлеба, крестьяне дружно взялись за оружие. Первые успехи этого восстания вполне понятны. Из региона ушли части регулярной армии для завершения гражданской войны на юге страны. В деревне была масса самого разнообразного оружия, принесенного с германской войны и оставшегося после разгрома колчаковской армии, много было и людей, умевших хорошо владеть этим оружием: русский народ непрерывно воевал в продолжении уже шести лет.

Обычно в нашей литературе, начиная с Шолохова и особенно теперь, так сказать в эпоху Солженицына, принято вспоминать о жестокости усмирения этих крестьянских восстаний. Конечно, это было, не могло не быть; но я пишу о том, что отложилось непосредственно в моей (а не в чьей-либо другой) памяти, а я помню о противоположных фактах. На память невольно приходят слова Пушкина о «бесмысленном и беспощадном» русском бунте.

Сразу после победы Красной Армии, в Сибири (и в российских губерниях также) начала широко насаждаться культурная программа. Даже в маленьких деревнях открывались школы, создавались так называемые «избы-читальни» - прообразы примитивных библиотек, открывались курсы ликбеза. Все должности этих «избачей», учительниц, а также секретарей сельсоветов и служащих волисполкомов заняли, в большинстве своем, юные горожанки, выпускницы старших классов школ, получившие подготовку на различных краткосрочных курсах. Среди них было много бывших учениц моей мамы. Вот эти незащитные юные «культуртрегеры», не имевшие корней в деревне, стали, наряду с руководителями сельсоветов и комбедов, поголовными жертвами жестоких казней. Если местные коммунисты имели шанс спастись, хорошо зная окружающую обстановку и имея родственников и друзей в своей и соседних деревнях, то для приезжих, юных «сеятелей разумного, доброго, вечного», такие возможности исключались. Они были истреблены почти поголовно.

На первых порах победа восставших была повсеместная и полная. Центр восстания (по разговорам старших) находился к югу от г.Ишима в районе сел Старое Травное и Новое Травное, недалеко от хуторов польских беженцев, о которых я писал выше. Было ли какое-то руководство у повстанцев, думаю, что нет, восстание было стихийным. Конечно, после победы пришлось создать какой-то центр самоуправления. Взрослые говорили о каком-то офицере бывшей белой армии, якобы возглавившем совет повстанцев в Травном. Возможно, это были и домыслы.

Первая попытка справиться с восстанием местными силами кончилась полной победой восставших. Отряды, составленные из бывших в городе красноармейцев, милиционеров и наскоро вооруженных членов городской парторганизации, были отогнаны при попытке взятия с.Травное. После этого конный отряд повстанцев прискакал на центральную площадь города, пострелял в воздух и возвратился в село.

С прибытием в город частей регулярной Красной Армии, с восстанием быстро было покончено. Начались аресты.

Очень похожая (и наверно правдивая) картина такого восстания, несколько более организованного и серьезного, была описана писателем Ю.Либединским в повести «Неделя». Теперь уже и этот писатель и его повести забылись, а в свое время школьники эту повесть «прорабатывали», кажется, в пятом классе.

Аресты прошли широко. Среди арестованных были крестьяне, приезжавшие на наш двор для сдачи зерна по продразверстке, гревшиеся на нашей кухне. Были арестованы все наши знакомые хуторяне: Федорович, Урбановичи, Микенасы и даже старик полковник Комаров. У нас все время ночевали женщины из повстанческих деревень, по очереди привозившие своим близким продуктовые передачи.

Я, конечно, не помню, как долго продолжалось следствие по делу восстания, но тюрьма была переполнена и поэтому дело двигалось медленно, по-видимому не меньше двух месяцев. Женщины, в обычное время совершенно несклонные даже вспоминать о каких-то оккультных науках, в трудные, драматические периоды, охотно обращаются к различным предсказаниям будущего. Это я наблюдал позднее, в дни Великой Отечественной войны, это же было и в дни следствия по поводу Ишимского восстания. Каждый вечер у нас на кухне женщины, приехавшие с передачами своим близким, упрашивали нашу бабушку погадать. Каждый вечер карты не сходили со стола. Тогда я впервые услышал известные термины - «казенный дом», «на чем сердце успокоится» и пр. Я хорошо помню любопытную подробность этого гадания. «Великим постом», когда уже начали подтаивать дороги, бабушкины карты предсказали всем узникам скорое освобождение из «казенного дома». И действительно, вскоре все наши знакомые, небольшими группами были освобождены из тюрьмы. Наверное, кто-то из людей, попавших в «руководители» восстания был осужден, а участники убийств сельских активистов даже, возможно, были казнены, но я об этом тогда не слышал. Герои повести Либединского также были освобождены весной, к весеннему севу.

Наиболее близкие нам из участников восстания - Микенасы, вскоре, после организации самостоятельного литовского государства, уехали на родину. Некоторое время после этого мои родители обменивались с ними письмами. В моей детской коллекции марок были экзотические первые марки Литовской республики.

С неожиданным отзвуком окончившегося восстания мне еще раз пришлось встретиться летом 1921 г. В связи с трудностями в добывании продуктов мамина старшая сестра - Марина Михайловна (моя крестная - тётя Мариша), никогда не работавшая, вынуждена была поступить на работу воспитательницей во вновь организованный детский дом, там довольно сносно кормили, и она предложила, маме временно устроить нас на лето в этот дом в качестве приходящих воспитанников. Детский дом располагался в особняке, эвакуированного с белыми богатого купца, расположенном в тенистом парке. Я и мой брат были «домашними» мальчиками, мы впервые попали в столь большое и шумное общество разновозрастных детей, и поэтому я внимательно присматривался ко всему окружающему. Прежде всего бросалось в глаза, что все дети были одеты в одинаковую одежду, сшитую из зерновых мешков. У мальчиков это были длинные штаны и рубаха без пояса, у девочек - прямое платье, типа ночной рубашки. Обувь в летнее время в детском доме не полагалось, все ходили босиком. Как я узнал, этот дом был организован специально для детей советского актива, погибшего во время восстания. Семьи активистов уничтожались полностью и дети оставались круглыми сиротами. Небольшое количество мальчиков (почему-то только великовозрастных) принадлежало, наоборот, к семьям активных повстанцев и между этими двумя группами происходили стычки. Как только мы с братом появились, нам немедленно было предложено определить свое политическое лицо («за белых или за красных»). У меня в то время не выработалось твердого политического кредо, а мой брат, которому было четыре года, полностью ориентировался на меня, поэтому мы постарались уклониться от активной политической жизни, предпочитая играть с малышами или с девочками. Это состояние продолжалось недолго, так как сначала один из нас, а затем другой заболели корью и выбыли из этого общества.

Конец лета 1921 г. у меня связан с воспоминаниями о поездках с папой на сенокос, о встрече коров из стада и прочих житейских заботах, в которые я не заметно, играя, втягивался. Из разговоров старших запомнил о голоде в каких-то частях страны, о том, что и у нас все труднее жить, но я-то этого не замечал.

Впервые услышал фамилии вождей - Ленина, Троцкого, Каменева и какого-то не то Молотова, не то Молоткова. Одновременно услышал забавную частушку:

*Сидит Ленин на заборе,
Держит серп и молоток,
А его товарищ Троцкий
Едет с фронта без порток*

и еще:

*Ленин Троцкому сказал:
«Давай поедем на базар,
Купим лошадь карюю
Накормим пролетарию».*

Осенью 1921 г. нашей семье было суждено пережить еще одно серьезное испытание. Младший из братьев мамы - Александр Михайлович, был женат на сослуживице мамы по гимназии - Ольге Яковлевне Московской. Дед (отец А.М.) недолго любил эту невестку и поэтому, пока был жив дед, в его доме семья дяди Шуры жить не могла, однако после смерти деда дядя заявил свои права на наследство. От нас детей подробности этой, не очень благовидной тяжбы о том, кому жить в доме деда, естественно скрывались. Я так и не знаю, какова была роль во всей этой истории бабушки. Был суд, решивший дело в пользу дяди Шуры. По дошедшим до меня разговорам взрослых, дело не обошлось без лжесвидетелей. В итоге всего мы должны были срочно выезжать из дома, бабушка оставалась жить в семье дяди Шуры. Обстоятельства осложнялись, как я конечно догадался значительно позже, тем, что мама ждала третьего ребенка.

Купить дом в период жесточайшей инфляции, на пороге наступающей зимы было крайне сложно. Я помню, что мы с отцом ездили на лошади в несколько домов, о которых имелись сведения о их продаже. Некоторые из них оказывались саманными избами, крытыми дерном. Наконец, отцом был найден достаточно оптимальный вариант.

Город Ишим отстоит в 3-4 километрах от ст.Ишим. Существует легенда, что «отцы города» не поладили в размере взятки, которую с них запросили строители железной дороги при прокладке Транссибирской магистрали, и были наказаны тем, что дорога прошла стороной от города. Так ли было на самом деле, я не знаю, но факт остается фактом, в то время, в начале 20-х годов, между городом и станцией Ишим был незастроенный пустырь, где бродил скот, а в зимнее время громоздились снежные барханы. Так вот, подходящий дом отыскался на краю станционного поселка.

Дом продавал паровозный машинист Урбанович (однофамилец нашего знакомого - хуторянина) в связи с отъездом на родину, во вновь организовавшуюся после окончания Мировой войны Польскую республику. Дом находился на самом краю поселка, за ним до берега реки Ишим тянулся пустырь, заросший редким мелким кустарником, постоянно вытаптываемым бродячим скотом и объедаемый козами. До берега р.Ишима было метров 200. Дом был новый, еще не полностью отделанный, бревенчатый, с тесовой крышей. Урбанович был, видимо, довольно состоятельным человеком, дом был построен по-городскому (а не по-деревенскому, как большинство окружающих построек) типу. Высокие потолки, большие окна. Кроме двух комнат, довольно просторных, была небольшая кухня и два крыльца - парадное на улицу и кухонное - со двора. Надворные постройки были недоделаны, «задействован» был лишь тесный коровник из самана*, явно временного типа. Важными обстоятельствами были: большой огородный участок и, главное, - глубокий, хорошо оборудованный колодец с обильным притоком воды отличного качества. Это последнее обстоятельство было очень существенным, так как станционный поселок был расположен на высоком берегу реки и мелкие колодцы не достигали водоносного слоя. Жители, или ездили с бочками на железнодорож-

*) Саман - необожженный кирпич из глины, перемешанной с соломой и навозом - обычный строительный материал степного юга Сибири и Казахстана. (Прим. - Г.П.).

ную станцию, на водокачку, или принуждены были с ведрами ходить на реку, взбираясь на почти отвесный откос метров 30 высотой.

Цена, которую должны были уплатить родители за дом, равнялась сорока миллионам рублей по курсу середины 1921 г. Причем совзнаки не котировались. Удивительно, что наиболее предпочтительной валютой признавались «романовские» банкноты. В уплату за дом ушли все немногочисленные маминны драгоценности, новые носильные вещи, отрезки мануфактуры, откармливавшаяся в продолжение года свинья, запасы продуктов. Причем часть этих товаров предварительно продавалась на рынке за «романовские деньги». Наконец, сделка совершилась, и в сентябре мы переехали в новый дом на станцию Ишим.

При первых же холодах выяснилось, что жить зимой в новом доме по сути нельзя. Дом был поставлен на высокие столбы, пространство между нижним бруском дома и поверхностью земли было кое-как засыпано дерном и облицовано снаружи досками. Второго («черного») пола не было. Не помогли и огромные завалины из снега, которые нагреб отец. Дело кончилось тем, что вся семья для жилья перебралась в одну, меньшую комнату, где непрерывно топилась чугунная «буржуйка» и, тем не менее, на полу застывала в лед вода. Через остальные помещения, со стенами, покрытыми инеем, мы только поспешно пробегали. Для полноты картины следует добавить, что в этот наш новый дом в середине января папа привез из родильного дома нашу маму с долгожданной сестрой - Ирочкой.

В довершение бед, пережитых нами в 1921-22 гг., можно добавить, что вся семья переболела тифом, у меня был брюшной тиф, у папы, мамы и брата Бори - сыпной.

Все лето 1922 г. отец занимался доделкой нашего нового жилья. Он, с саперной лопаткой, прополз под полом по периметру всего дома и сделал внутренние завалины. Была забрана парадная дверь и из vestibюля получилась небольшая комната - детская для нас с Борисом. Добраивались надворные постройки - стайка для двух коров, конюшня для лошади, навес для телеги и саней и маленький амбарчик для всякой хозяйственной мелочи. Мама с энтузиазмом занималась большим огородом, культивируя, между прочим, многие растения непривычные в то время для Западной Сибири: кукурузу, фасоль, дыни, турнепс (для корма скота). Перед домом был разбит обширный цветник.

Для переработки молока, родители завели сепаратор и ручную маслобойку.

С переездом в станционный поселок мама перевелась в железнодорожную школу-девятилетку. Она, как обычно, сразу вошла в учительский коллектив, организовала среди учеников старших классов драматический кружок и, как бы сказали сейчас, эстрадный коллектив. При железнодорожной станции «Ишим» существовал клуб, находящийся в ведении профсоюзной организации*. При оторванности от города и отсутствии в железнодорожном поселке других культурных центров клуб имел в жизни жителей большое значение. Там проходили сеансы кино, организовывались лекции, отмечались все праздничные дни. Школьная самодеятельность играла в этих мероприятиях важную роль.

В исполнении школьного драматического коллектива я в этом клубе видел «Юбилей» Чехова, «Женитьбу» Гоголя, а также «Синюю птицу» Метерлинка. Среди школьников были признанные трагики и комики - любимцы публики; были пользовавшиеся успехом декламаторы. Конечно, среди жителей поселка, не только школьников, были плясуны и музыканты.

В этом клубе я впервые в жизни увидел кинофильм. Какую-то примитивную иностранную инсценировку, особенного впечатления она на меня не произвела.

Население станционного поселка в 1921 г., когда мы туда приехали, состояло из двух социальных слоев. Первым, высшим слоем, были железнодорожные рабочие, специалисты своего дела - паровозные машинисты и помощники машинистов, кондуктора, рабочие депо и ремонта путей. Большая их часть имели хорошие

* По произношению тех лет - «дорпрофсоюз». (Прим. - Г.П.)

дома, хозяйства. Кроме того, в то тяжелое время большое значение имели бесплатные проездные билеты, позволявшие их обладателям привозить товары из районов наиболее низкой цены. Многие машинисты, кондукторы, проводники широко занимались спекуляцией товарами и продуктами повышенного спроса. Среди первой категории этой «рабочей аристократии» почему-то был высок процент поляков. Кроме Урбановича, бывшего хозяина нашего дома, среди соседей были: Марцинкевич, Шатилович и др.

Второй, нижний слой, составляли беженцы из центральных губерний России, исполнявшие неквалифицированную работу и жившие, как правило, в избах, сложенных из саманного кирпича и крытых дерном, а иногда на аршин заглубленных в землю. Для всех жителей в то время решающим значением был огород и домашний скот; деньги, получаемые за работу, при постоянной инфляции, значили очень мало. Например, я помню, как однажды ходил с отцом на базар, и он за купленные продукты расплачивался коробками спичек, которые довольно высоко котировались. При существовавшем еще с германской войны «сухом законе» было распространено самогонование. Многие гнали самогон для своего употребления, но были и профессиональные «самогонщики», обычно вдовы солдат германской и гражданской войн. В нашем квартале, состоявшем из десяти домов были две самогонщицы. Одна («Татьяна») продавала самогон на вынос, вторая («Анна») держала притон, где всегда была и закуска, а также принимались в заклад вещи. Вообще народ относился к этому запретному промыслу снисходительно, зная тяжелое положение вдов, обычно обремененных ребятишками и поэтому «самогонщица Татьяна» пользовалась всеобщим признанием и даже некоторым уважением, а вот «самогонщица Анна» вызывала ненависть окрестных женщин, которые неоднократно устраивали набеги на землянку Анны, сопровождавшиеся руганью, криками, слезами и прочими эксцессами.

Наш отец был совершенно равнодушен к алкоголю, и поэтому мы на всю эту самогонную эпопею смотрели, как на какой-то забавный спектакль. Но однажды к нам приехал папин сослуживец из района, он захотел приобрести бутылку. Самогон, купленный у Анны, был им оценен по высшему классу, в частности я с интересом наблюдал, как подожженный в блюдечке самогон горит синим пламенем.

С введением НЭПа появилась сначала 30° водка, именовавшаяся в народе «Рыковкой» (в честь пред. СНК А.И.Рыкова), а затем и 40°, и самогонование само собой отмерло.

С осени 1922 г. я начал брать уроки игры на фортепьяно, для чего раз в неделю должен был ездить в город. В этот день отец, обычно ходивший на работу в город пешком, запрягал лошадь*, завозил меня к учительнице музыки. После урока я шел или к тете Марише Бушковой, или к нашей знакомой Черновой, которая помогала отцу прятаться в бане в ожидании прихода красных, где дожидался, когда папа освободится со службы и заедет за мной. Иногда по каким-либо причинам отец не мог заехать за мной, и я обратный путь совершал пешком один. Надо сказать, что для семилетнего мальчика дорога через заснеженный пустырь, иногда в метель, была не очень простой. Помню, что я больше всего опасался бродячих собак. На следующий год, в подобных случаях, папа приводил запряженную лошадь, и я возвращался домой без него, сам управляя лошадью. Обычно в этих случаях, для компании, со мной отправлялся мой младший брат Боря. Конечно, лошадь хорошо знала дорогу домой и не нуждалась в особом управлении, но мы с братом на это не надеялись и держали вожжи в руках с полным сознанием ответственности.

Здесь можно отметить, что я, по настоянию мамы, брал уроки музыки с перерывами в продолжение пяти лет, но без особого желанья и оставил эти занятия, без всякого сожаления, как только смог настоять на этом.

*) Все лошади в нашем семействе, еще со времен деда М.Ф.Кухтина, носили имя «Дружок» (Г. П.).

Начало учения

Я был довольно слабого здоровья, часто болел, особенно простудными заболеваниями, и в первый класс меня не отправили, я стал брать уроки дома, у мамы. Читать я стал с четырех лет и к восьми годам перечитал всю нашу домашнюю небольшую библиотеку, в том числе учебники по истории и географии. Мама занималась со мной письмом («чистописанием») и арифметикой. Весной, перед окончанием учебного года, меня недели на две поместили в школу, и я получил свидетельство об окончании первого класса и переводе во второй.

Начавшаяся в 1922 г. Новая Экономическая Политика в СССР (НЭП), введение твердой денежной единицы (червонец) быстро улучшили наши жизненные условия. На зарплату, получаемую родителями, стало возможно кое-что покупать. Папа, приезжая из командировок в Тюмень и Екатеринбург, стал привозить детские книжки, фрукты (тогда я впервые увидел и попробовал апельсин), обновки нам и маме. Новые деньги сразу заняли твердое положение, память сохранила мне такое событие: по нашей улице в станционном поселке идет старик и что-то выкрикивает, за ним бежит небольшая стайка мальчишек. Возвратившаяся с улицы домработница говорит, что старик продает золотые царские пятирублевки по два пятирублевика за червонец (10 рублей), так как в банке за них дают 9 руб. 60 коп.

Осенью 1923 г., когда мы играли во дворе, появился незнакомый мужчина, очень маленького роста, одетый по-городскому, не так, как одевались наши соседи. Он спросил, здесь ли живет учительница Папулова Наталья Михайловна и дома ли она. Получив положительный ответ, он зашел в дом. Позднее мы узнали, что незнакомец - инженер-путеец Занадворов Леонид Петрович, что он с семьей недавно переехал из Омска, живет в казенных, кирпичных домах, принадлежащих железной дороге, расположенных вблизи вокзала. И еще узнали, что мама дала согласие заниматься с сыном Занадворовых, моим одноклассником Владиславом, с которым я должен буду проходить программу 2-го класса школы. С этого времени мы сдружились на долгие годы с семейством Занадворовых, ставших нашими самыми близкими людьми.

Семья эта состояла из родителей - Леонида Петровича и Екатерины Павловны и троих детей: Германа - двенадцати лет, Владислава - восьми и Танечки - трех. Позднее в 1924 г., уже в Екатеринбурге, в семье появился четвертый ребенок - Виктор.

Всю зиму 1923-24 г. я и Владислав Занадворов занимались с мамой, проходя программу второго класса школы. Я не помню, каждый ли день происходили занятия, скорее всего через день, так как мама не оставляла преподавания в железнодорожной школе. Однако с Владиславом мы виделись практически ежедневно, если он не приходил к нам, то я, или чаще мы, с младшим братом Борей, являлись к Занадворовым и проводили у них весь день.

Особенностью наших занятий было то, что в числе изучавшихся нами предметов был урок Закона Божьего. Таково было пожелание матери Владислава - Екатерины Павловны. Родители Занадворовы были детьми священников, Екатерина Павловна исполняла все религиозные ритуалы и для нее очень важным было религиозное воспитание детей. Я в дальнейшем много раз в душе благодарил свою маму за то, что она приняла это, казалось бы весьма спорное, предложение Екатерины Павловны.

Уроки «Закона Божьего» были мамой поставлены таким образом, что не навязывая нам никакой идеологии, она знакомила нас с основами православного верования, мы изучили Ветхий завет, выучили наизусть две молитвы - «Отче наш» и «Богородица, дева, радуйся». К «Новому Завету» мы приступить не успели, но получив начало знаний православного вероисповедования, я позднее постарался раздобыть «Евангелие» и с интересом прочитал его.

Чтобы закончить «религиозную тему», сообщу, что мама, которая определяла принципы нашего воспитания, была атеисткой, или во всяком случае равнодушной к вопросам религии. Мы все трое были крещены. Крещение Ирины зимой 1922 г. я помню. Священник с купелью приезжал к нам домой. Ритуал был обставлен

скромно, но со всеми необходимыми атрибутами - свечами, кадиллом, хождением вокруг купели, песнопениями, дутьем и плеванием в сторону «нечистого духа»

В «досоветское» время я один раз говел и причащался в Никольской церкви г.Ишима. В советское время из всей семьи церковь посещала только бабушка. Летом 1924 г. бабушка, снова поселившаяся у нас, не поладив со своей невесткой, женой дяди Шуры, несколько раз брала меня с собой в станционную церковь. Я с интересом слушал проповеди священника и пение церковного хора, но затем мои походы в церковь были прекращены, полагаю, по инициативе мамы. С осени 1924 г. я поступил в третий класс школы и религиозная тематика больше не появлялась в моем сознании.

Хочу сказать несколько слов об увлечении, перекочевавшем к нам от Занадворовых, - игре в бумажные солдатики. В их семье эта игра, ко времени нашего знакомства, имела разработанные и твердо узаконенные каноны, которые мы восприняли как должное и безоговорочно выполняли.

Солдатики выстригались из плотной бумаги, из сложенного по вертикали прямоугольного листка высотой 7-8 см, при вырезании ножницами получалась симметричная фигурка. Между широко расставленными ногами оставлялся треугольный кусок бумаги, являвшийся подставкой, благодаря которой фигурка могла держаться вертикально, немного отклонившись назад. Были твердо установленные силуэты для каждого рода войск - пехоты, кавалерии, артиллерии; для солдата и офицера. Армия подразделялась на роты - четыре солдата и один офицер; четыре роты составляли батальон; два полка - дивизию. Армии достигали размера в несколько сот «штыков и сабель». Например, моя армия достигала 550 единиц.

Мы разыгрывали эпизоды Наполеоновских войн. Каждому из участвующих в войне принадлежала армия одного из государств. Наиболее увлеченным игрой и азартным был Владислав, обладавший французской, наполеоновской армией. Его антагонистами были - старший брат Гера, имевший армию Великобритании и я, с армией России. Гера часто болел и активно в игре не участвовал, передавая свою армию младшей сестре - Танечке. Если солдаты были обезличены, то офицеры, начиная от командира дивизии, носили имена подлинных участников наполеоновских войн. У Владислава были: маршалы Ней, Даву. Бертье; у меня: Кутузов, Беннигсен, Коновницын, Ермолов, Багратион. Мы старались передать, особенно в гвардейских соединениях, характерные особенности военной формы того времени. Сражения у нас иногда длились по нескольку дней. Предварительно договаривались с родителями о занятии для очередной кампании одной из комнат (или части комнаты, чаще всего у Занадворовых, у них квартира была просторнее). Вечером, или в случае перерыва «сражения», составлялся план поля боя с нанесением расположения каждого соединения, с количеством «штыков и сабель». На время всей кампании, до заключения мира, запрещалось вырезать новых солдатиков, то есть увеличивать сражающуюся армию.

Игра эта захватила нас на многие годы. Весной 1924 г. Занадворовы переехали в Екатеринбург, потом жили в Перми, Челябинске и снова в Екатеринбурге. Каждый раз, когда мы встречались с Владиславом, игра возобновлялась. Последние сражения мы провели на этот раз с участием младшего из братьев Занадворовых - Виктором, в зиму 1936-1937 гг., когда я сдавал государственные экзамены по окончании университетского курса, а Владислав, признанный, печатавшийся поэт, учился на третьем курсе университета.

Поскольку игра в солдатики происходила в пределах наполеоновских войн начала XIX века, то у нас было желание узнавать все, что касалось этой эпохи. У меня интерес к этому периоду истории сохранился на всю жизнь. На нашу игру в солдатики и вообще на всю атмосферу общения с Занадворовыми накладывал отпечаток интеллект старшего из братьев Занадворовых - Германа, который был на четыре года старше нас с Владиславом. Герман с детства болел ревматизмом, на длительные периоды он был обречен на постельный режим. Школьную программу он проходил экстерном, высшего образования он не получил. Рано начал

писать очерки для газет и профессия журналиста стала его судьбой. Перед войной 1941-45 гг. он работал журналистом в газете «Вечерний Киев», женился на украинке, в 1940 г., после присоединения Западной Украины к СССР, был переведен для работы секретарем редколлегии газеты «Вечерний Львов». С началом войны ему, вместе с женой, пришлось уходить из Львова пешком. В дороге его поразил приступ ревматизма и жене пришлось везти Германа в ручной тележке. Таким образом, они с женой оказались в украинском селе, где жили родители жены, в тылу у немцев.

Несмотря на то, что он, как чужак, находился все время на подозрении у местных полицаев, Герман поддерживал связь с партизанами. В ночь отступления немцев из села полицаи явились расстреливать Германа. Поскольку полицаи были местные, знакомые родителей жены Германа, то они собирались ограничиться убийством одного его; когда же жена стала просить за Германа и заявила, что она не позволит увести мужа и пойдет с ним, вывели из хаты их обоих и расстреляли. Это происходило в начале 1944 г., к тому времени не было в живых и Владислава, который в 1942 г. окончил курсы лейтенантов и был убит под Сталинградом через десять дней после прибытия на линию фронта.

Младший из братьев Занадворовых - Виктор, окончил в 1945 г. школу, поступил в открывшийся в том году в Свердловске театральный институт, работал актером, режиссером и рано умер в г.Ижевске. Сестра братьев Занадворовых, Татьяна Леонидовна, окончила Ленинградский педагогический институт, литературное отделение, затем аспирантуру и до самого выхода на пенсию (в 1985 г.) преподавала в педагогическом институте Магнитогорска западную литературу.

Любопытно, что в семье, не имевшей традиций профессий гуманитарного профиля, все четверо детей пошли по этому пути. Я объясняю этот феномен высоким уровнем авторитета старшего брата Германа, оказывавшего большое влияние на младших братьев и сестру. В начале лета 1924 г. мама поехала навестить Занадворовых в Екатеринбурге, взяв с собой меня и брата Борю. Это была моя первая поездка по железной дороге, если не считать поездку в раннем детстве в Иркутск, к отцу, которая в моей памяти, конечно, не запечатлелась. Мама, работавшая в железнодорожной школе, получила билеты в мягком вагоне и, кажется, в купе кроме нас троих других пассажиров не было. На вокзал мы прибыли заблаговременно, в буфете пили чай, на железной дороге в те времена соблюдалась вся торжественная церемония прибытия и отправления поездов с очередными - первым, вторым и третьим звонками станционного колокола, с переливчатым свистком кондуктора, взмахом жезла начальника станции в красной фуражке и продолжительным, прощальным гудком паровоза. В вагоне была торжественная чистота и тишина. Ехали мы от Ишима до Екатеринбурга (около 600 км) сутки, время недостаточное для того, чтоб соскучиться, и поэтому вся поездка произвела на меня самое благоприятное впечатление. Мы с братом не отрывались от окна всю светлую часть суток, и поэтому станции от Ялуторовска до Екатеринбурга запечатлелись у меня на всю жизнь.

В солнечные, летние дни 1924 г. состоялось первое знакомство с Екатеринбургом, ставшим вскоре городом, с которым оказалась связана вся моя долгая жизнь.

Вкратце об авторах

1. **Глухих Сергей Анатольевич**, музыкант, организатор и многолетний руководитель детской рок-группы «Робинзоны», инициатор ежегодных Вечеров Памяти музыкантов города Ишима. Краеведческие интересы: история музыкальной культуры города.

2. **Зах Виктор Алексеевич**, кандидат исторических наук, ст.научный сотрудник лаборатории археологии Института проблем освоения Севера сибирского отделения РАН, автор двух монографий, соавтор научно-популярной книги «Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям».- Тюмень,1994. В последние годы проводит археологические исследования Ишимского района.

3. **Зах Елена Михайловна**, сотрудник редакционно-издательского отдела Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, автор ряда научных работ по проблемам эпохи бронзы и раннего железного века на территории Нижнего Приоболья и Приишимья.

4. **Коньков Николай Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Тобольского государственного педагогического института им.Д.И.Менделеева. Автор статей по региональной метрологии и развитию торговли в сибирских городах XIX столетия.

5. **Копылов Виктор Ефимович**, доктор технических наук, профессор Тюменского нефтегазового университета, создатель и научный руководитель Музея истории и техники Зауралья при Тюменском нефтегазовом университете. Автор десяти книг краеведческой тематики.

6. **Крамор Геннадий Андреевич**, студент института культуры г.Тюмени, автор статей, посвященных проблемам регионального искусства, член общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор».

7. **Курышев Игорь Владимирович**, преподаватель кафедры общественных наук ИГПИ им.П.П.Ершова, кандидат исторических наук. Автор книг «Партизаны Западной Сибири в годы гражданской войны (социально-психологический облик и поведение).- Ишим,1999, «Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы гражданской войны (по материалам периодической печати). - Ишим,2000.

8. **Малышев Владимир Николаевич**, учитель истории средней школы ст. Маслянской Сладковского района Тюменской области, создатель школьного музея. Автор многочисленных статей по истории Сладковского района, а также монографии «Земля Сладковская». - Тюмень, 1998.

9. **Меньщиков Владимир Николаевич**, краевед, преподаватель истории. Основная сфера научных интересов - культура Тобольской губернии в годы первой мировой войны, ишимское купечество, ссыльные поляки и их потомки в Западной Сибири.

10. Папулов Георгий Николаевич, главный научный сотрудник института геологии и геохимии им. акад. А.Н. Заварицкого Уральского отделения РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Родился в Ишиме 21 дек. 1914 года. В настоящее время проживает в Екатеринбурге.

11. Пашков Федор Максимович, краевед, исследователь истории Ишимского края, автор многочисленных публикаций на странице «Собор» в «Ишимской правде». Особый научный интерес связан с первыми русскими поселениями на территории Западной Сибири, в частности с Коркиной слободой. Живет в Москве.

12. Петрова Валентина Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Тюменского государственного университета. Занимается проблемами аграрной истории Урала и Западной Сибири. Один из авторов книги «Очерки истории Тюменского края».

13. Проскуракова Надежда Леонидовна, старший научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Сфера научной деятельности: Ишимская Никольская ярмарка, гражданская война, крестьянское восстание 1921 года в Приишимье. Член городского общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор».

14. Савченкова Татьяна Павловна, кандидат филол. наук, доцент кафедры литературы ИГПИ им. П.П. Ершова. Автор научных и популярных статей по литературному краеведению, истории провинциальной архитектуры. Редактор краеведческих сборников «Очерки истории Ишима», 1993, «Ишим далекий - близкий», 1997, «Коркина слобода», вып. 1, 1999.

15. Филиппова Алла Николаевна, научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Сфера научных интересов: история развития спорта в Ишиме.

16. Фролов Леонид Васильевич, врач железнодорожной больницы ст. Ишим, краевед, участник региональных культурологических и краеведческих конференций. Круг научных интересов - история железной дороги, ишимская храмовая архитектура, география края. Автор большого количества публикаций на страницах «Ишимской правды», член общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор».

17. Шилова Елена Васильевна, проректор по учебной работе ИГПИ им. П.П. Ершова, доцент кафедры русского языка, автор ряда публикаций по лингвистическому краеведению, постоянный участник культурологических конференций и корреспондент историко-краеведческой страницы «Собор» в «Ишимской правде».

Содержание

	1. <i>От редакции</i>	3
	2. <i>История и краеведение Приишимья</i>	5
	Коньков Н.Л. Зимняя Никольская ярмарка	5
	Крамор Г.А. Ишимский Богоявленский собор в «Клировых ведомостях»	13
	Фролов Л.В. Царский поезд на станции Ишим	19
	Петрова В.П., Проскуракова Н.Л. Из истории боевых действий Красной Армии при подавлении крестьянского восстания в Тюменской губернии	28
	Пашков Ф.М. Чрезвычайное происшествие в Коркиной слободе	34
	Зах В.А., Зах Е.М. Прикоснуться к прошлому (о раскопках могильника и городища Ласточкино Гнездо)	37
	3. <i>Культура края</i>	39
	Савченкова Т.П. А.П.Чехов в Ишиме	39
	Шилова Е.В. Соборная, Базарная... (к истории названий площадей и улиц города)	47
	Глухих С.А. Ишимские духовые и эстрадные оркестры	55
	4. <i>Лики прошлого</i>	61
	Меньщиков В.Н. Первая попечительница ишимской женской прогимназии П.И.Карнаухова	61
	Филиппова А.Н. Василий Алексеевич Порфирьев	63
	5. <i>Музей провинциальный</i>	71
	Мальшев В.Н. Любовь моя - музей	71
	6. <i>Журналы и газеты лет минувших</i>	75
	Черняковский Н.М., Штейнгейль В.И. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии	75
	Курышев И.В. Приишимье в вихре гражданской войны (по материалам периодической печати)	90
	7. <i>Пытливый посох странника</i>	107
	Копылов В.Е. Ершов в Ершове	107
	8. <i>Страницы мемуаров</i>	113
	Папулов Г.Н. Записи провинциального интеллигента (окончание).....	113
	9. <i>Вкратце об авторах</i>	125

КОРКИНА СЛОБОДА.
Историко-краеведческий альманах.
Выпуск 2.

Художник: Р. Симанов.

Фотографии на обложке: А. Зверев.

На 1 странице - Покровская церковь в г. Ишиме. Построена в начале XX века.

Вёрстка - И. Емельянова.

Издательская лицензия ЛР № 020036 от 22.11.1996 г.

Набрано, сверстано и отпечатано в ДГУП «Ишимская типография» ГУП ТО «ТИД».
ул.Чкалова,17. Заказ № 165. Формат 60x84 1/8. Тираж 999 экз.
Объем 14,88 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Лазурская». Подписано в печать 24.07.2000 г.

Наш Вернисаж

Художник Александр Игнатченко

«ИШИМСКИЕ МОТИВЫ»

